

М. ЛЮБАНСКИЙ

Классики
исторической
мысли

История
царствования
Екатерины II

*Матвей Кузьмич ЛЮБАВСКИЙ
(1860–1936)*

М. К. ЛЮБАВСКИЙ

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

Курс,
читанный в Императорском
Московском университете
весной 1911 года

Издание второе

*Рекомендовано в качестве
учебного пособия для студентов
высших учебных заведений,
обучающихся по историческим
специальностям*

Санкт-Петербург
2001

ББК 63.3(2)6-8

Л 93

Любавский М. К.

Л 93 История царствования Екатерины II. 2-е изд. — СПб.: Издательство «Лань», 2001. — 256 с. — (Мир культуры, истории и философии).

ISBN 5-8114-0407-7

В данной книге знаменитый российский историк М. К. Любавский рассматривает царствование Екатерины II, ставшее эпохой в русской истории. Ярким и непосредственным языком рассказывается история жизни великой русской императрицы.

Книга снабжена Приложениями, которые дополняют рассказ о Екатерине: история непродолжительного царствования и гибели Павла I, эволюция отношений России и Польши в период царствования Александра I, исследование жизни и деятельности великого князя Константина Николаевича.

Книга, без сомнения, привлечет внимание как специалистов-историков, так и всех, интересующихся русской историей XVIII–XIX вв.

ББК 63.3(2)6-8

Редакционный совет:
А. Я. ДЕГТЯРЕВ — председатель,
И. Я. ФРОЯНОВ, В. С. ПУШКАРЕВ,
Ю. В. КРИВОШЕЕВ, Ю. А. САНДУЛОВ

Обложка
С. Л. Шапиро, А. А. Олексенко

*Охраняется законом РФ об авторском праве.
Воспроизведение всей книги или любой ее части
запрещается без письменного разрешения правообладателя.
Любые попытки нарушения закона будут
преследоваться в судебном порядке.*

© Издательство «Лань», 2001
© Т. Г. Ливанова, 2001
© М. В. Мандрик, вступительная
статья, 2001
© Издательство «Лань»,
художественное оформление, 2001

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКАЯ В РУССКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

ПО ОБРАЗНОМУ выражению В. О. Ключевского «Екатерина II... была последней случайностью на русском престоле и провела продолжительное и необычайное царствование, создала целую эпоху в нашей истории»¹ и, можно добавить, в историографии.

Эта «последняя случайность» XVIII в. не смогла оставить равнодушной ни своих современников, ни потомков. На протяжении более 200 лет отношение к Екатерине II было неоднозначным, но мало кто оспаривал значение ее царствования для блага России. Редко отмечают тот факт, что даже в советский период монумент Екатерины II, наравне с почитаемым большевиками Петром I, не покинул своего поста, оставаясь единственным памятником монарху-женщине в государстве, где царствующая династия была пресечена насильственным способом. И это несмотря на то, что ее столь многогранную личность нельзя подвести под определенный стереотип: для одних Екатерина II — просвещенная государыня, для других — тиранка, раздаривающая «крестьянские души», для кого-то — любвеобильная особа, сбившаяся в счете любовников.

Для исследователей история царствования Екатерины II была, остается и, по всей видимости, еще долгое время будет оставаться одним из любимых объектов исследований. В отечественной историографии² личность Екатерины II рассматривалась как в специальных монографиях и статьях, посвященных исключительно преобразованиям ее царствования или ее биографии, так и в работах общего характера, касающихся

¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. V. М., 1958. С. 6.

² В рамках данной статьи нет возможности рассматривать зарубежную историографию, которая насчитывает не один десяток публикаций по этой теме.

истории XVIII в., истории дипломатии, культуры, литературы или в трудах, посвященных деятелям ее царствования или фаворитам. К началу XXI в. библиография по этой проблематике насчитывает почти 600 названий.³ Однако интерес к истории екатерининского времени не ослабевает и только за последние годы вышло несколько новых крупных исследований.⁴

Большинство публикаций было приурочено к юбилеям или годовщинам определенных реформ. Наибольшее количество работ увидело свет в последней четверти XIX — начале XX в. (столетний юбилей дарования «Жалованной Грамоты» дворянству и городам, 100-летняя годовщина со дня смерти императрицы — подходящее время для подведения итогов ее долгого царствования; празднование 300-летия Дома Романовых).

Несмотря на значительное количество публикаций и повышенный интерес историков к периоду царствования Екатерины II, историография по данной теме практически отсутствует (за исключением кратких и отрывочных сведений в «Очерках истории исторической науки»). Некоторые исследователи считают, что историографию о Екатерине II можно разделить на два направления — дореволюционное, настроенное к ней весьма благожелательно и советское, в котором обычно ей давались противоположные характеристики. Виновником последнего обычно называется М. Н. Покровский. Благодаря его отрицательной оценке в адрес Екатерины, «не раздалось ни одного похвального слова, и ее величали то беспардонной лицемеркой, умело скрывавшей свои подлинные чувства и мысли, пытаясь прослыть просвещенной монархиней, то ловкой дамой, втеревшейся в доверие к французским просветителям, то консерватором, стремившимся подавить Французскую революцию».⁵ Однако подобные обвинения в адрес императрицы уже были высказаны и до М. Н. Покровского: Ф. Энгельс считал, что Екатерине II «удалось ввести в заблуждение общественное мнение», она хорошо пускала «демократическую пыль» в глаза, оставаясь главной крепостницей в России.⁶

Между тем подобный подход не позволяет в полной мере представить историографию правления «Северной Семирамиды» и является весьма условным, так как, во-первых, нели-

³ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. М., 1999. С. 314.

⁴ Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II. М., 1993; Павленко Н. И. Екатерина Великая. М., 1999; Чайковская О. Г. Императрица. Царствование Екатерины II. М.; Смоленск, 1998; Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. и др.

⁵ Павленко Н. И. Екатерина Великая. С. 7.

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. XVI. С. 164–165.

цеприятные высказывания в адрес Екатерины Великой звучали как из уст ее современников, так и представителей XIX в. (например, Я. Л. Барсков писал: «ложь была главным орудием царицы... она пользовалась этим орудием, владея им как виртуоз...»⁷), а в советской историографии отдельные вопросы ее царствования получили весьма положительные оценки; по-вторых, ни «буржуазная», ни советская историография не создали целостной концепции, определяющей характер преобразований Екатерины II, позволяющей дать их объективный всесторонний анализ. В последних исследованиях по данной проблематике краткий очерк историографии о Екатерине II дан в монографии А. Б. Каменского «От Петра I до Павла I». Выбранный автором подход можно считать весьма удачным и использовать для дальнейшей разработки данной темы.

По мнению А. Б. Каменского, изучение «исторического наследия» императрицы прошло несколько этапов. Первый этап изучения екатерининского периода приходится на начало — середину XIX в., когда появились первые публикации в основном апологетического характера и далекие от научного изучения результатов екатерининского царствования. Среди них можно отметить «Записку о древней и новой России» Н. М. Карамзина, в которой историк не только возносил хвалу за «счастливейшее» время «для гражданина российского»,⁸ но и высказал ряд критических замечаний, правда, в очень корректной форме. О Екатерине II в это время писали больше публицисты, писатели и поэты, которые принадлежали к различным политическим направлениям — А. А. Бестужев, П. Я. Чаадаев, А. С. Пушкин, А. С. Хомяков, П. А. Вяземский.⁹ Однако именно на этом этапе впервые появились и документальные публикации, связанные с деятельностью и жизнью императрицы.¹⁰

Активная публикация подобных материалов¹¹ стимулировала интерес к событиям царствования Екатерины II и уже к концу XIX в. можно говорить о начале второго, научного, этапа изучения эпистолярного и законодательного наследия

⁷ Цит. по: Эйдельман Н. Я. Грань веков. СПб., 1992. С. 21.

⁸ Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России. М., 1991. С. 40–56.

⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 316–317.

¹⁰ Переписка российской императрицы Екатерины II и господина Вольтера. М., 1803.

¹¹ Письма и бумаги императрицы Екатерины II, хранящиеся в Императорской Публичной библиотеке. СПб., 1873; Сочинения императрицы Екатерины II. СПб., 1901. Т. 1–12; Наказ императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина. СПб., 1907 и др.

императрицы. Именно в это время «были поставлены все важнейшие проблемы и вопросы историографии екатерининской эпохи, и поныне сохраняющие свою научную актуальность».¹² В дореволюционной историографии наметился интерес, в первую очередь, к социально-политическим аспектам истории второй половины XVIII в., к экономическим преобразованиям и законодательным актам того времени. Отдельную нишу заняли публикации, посвященные личной жизни императрицы, истории придворных тайн и фаворитизма. Однако большинство работ этого направления не отличались научно-критическим подходом.¹³ Если попытаться дать общую характеристику взглядов дореволюционных историков на правление Екатерины II, то условно их можно разделить на две группы: тех, кто «оценивали реформы Екатерины довольно высоко, рассматривали их как важный этап развития российской государственности, европеизации страны, становления элементов гражданского общества»¹⁴ и тех, кто более критично относился к результатам ее преобразований.¹⁵ В советский период можно говорить о наступлении третьего этапа в изучении наследия Екатерины Великой. Советские историки уделяли больше внимания вопросам о сословиях, борьбе крестьян против крепостничества, законодательным актам Екатерины, направленным на укрепление существующей системы, истокам и основе абсолютизма в России. Личность самой императрицы, как правило, оставалась в тени.

Рассмотрение всех блоков вопросов, затрагиваемых историками при изучении екатерининского царствования, не представляется возможным в рамках данного краткого обзора. Остановимся на некоторых наиболее важных преобразованиях Екатерины II, которые вызвали к жизни наибольшее число исследований.

На протяжении уже двух веков в отечественном екатериноведении на первом месте по популярности стоит вопрос о «Наказе». Любимое детище императрицы вызвало к жизни более 30 специальных публикаций, не учитывая общих работ о XVIII в., где ему также неизменно уделялось внимание, и несколько десятков работ о кодификации права в Рос-

¹² Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 318.

¹³ Дугин П. Великая княжна Екатерина Алексеевна. СПб., 1884; Бильбасов В. А. История Екатерины II. Т. 1. СПб., 1890. Т. 1–2. Берлин; Лондон, 1895. Т. 12. Берлин, 1896; Желябужский Э. Д. Императрица Екатерина II и ее знаменитые сподвижники. М., 1874 и т. д.

¹⁴ С. М. Соловьев, И. И. Дитятин, Н. Д. Чечулин, А. С. Лаппо-Данилевский и др. (См.: Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 318).

¹⁵ В. О. Ключевский, А. А. Кизеветтер, В. И. Семевский (Там же).

сии XVIII в. вообще.¹⁶ Универсальность «Наказа» для своего времени, его многоплановость, освещение различных вопросов жизни общества повлияли на специфику его изучения в исторической и юридической историографии — он в основном изучался не как целостное и самостоятельное явление, вызванное к жизни становлением политики «просвещенного абсолютизма», а как средство для решения тех или иных социально-политических вопросов.

Историографию «Наказа» можно разделить по отдельным аспектам: «изучение источников и происхождения текста», «о характере политической доктрины... в связи с заимствованиями», о направленности его «уголовно-правовой доктрины», «о положении крестьянства и крепостном праве», о его экономической программе.¹⁷

На первом этапе изучения «Наказ» рассматривался в публицистическом духе — в основном его современниками, в частности кн. М. М. Щербатовым, который дал ему крайне негативную характеристику, в основе которой лежало различие в политической доктрине «Наказа» и взглядов самого историка. Первенство в научном изучении «Наказа» в дореволюционной историографии отдается Н. Д. Чечулину и Ф. В. Тарановскому,¹⁸ можно также отметить и ряд статей А. В. Флоровского,¹⁹ часть из которых была опубликована

¹⁶ Омельченко О. А. Кодификация права в России в период абсолютной монархии. Вторая половина XVIII в. М., 1989. С. 140–147.

¹⁷ Характеристика историографии этого вопроса дана по: Омельченко О. А. «Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II. Официальная теория русского абсолютизма второй половины XVIII в. Автореф. дис. ... канд. и. н. М., 1977. С. 8.

¹⁸ Чечулин Н. Д. 1) Об источниках «Наказа» // Журнал Министерства Народного просвещения. 1902. Ч. CCCXL. № 4; 2) Предпоследнее слово об источниках «Наказа» // Сборник статей в честь Д. А. Корсакова. Казань, 1913; 3) «Наказ» императрицы Екатерины II, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения / Под ред. Н. Д. Чечулина; Тарановский Ф. В. 1) Политическая доктрина в «Наказе» императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Вуданову. Киев, 1904; 2) Судьба «Наказа» императрицы Екатерины II во Франции // Журнал Министерства юстиции. 1912. № 1; 3) Монтескье о России. (К истории «Наказа» императрицы Екатерины II) // Труды русских ученых за границей. Т. 1. Берлин, 1922.

¹⁹ Флоровский А. В. 1) Из истории екатерининской законодательной комиссии. Одесса, 1910; 2) Шведский перевод Наказа императрицы Екатерины II // Записки Русского исторического общества в Праге. Т. 1. Прага, 1927; 3) Две политические доктрины («Наказ» и Дидро) // Труды IV съезда русских академических организаций за границей. Ч. 1. Науки гуманитарные. Белград, 1929. См. также его работы по Комиссии о сочинении проекта нового уложения 1767–1796 гг.: 1) Из истории екатерининской законодательной комиссии

уже после революции 1917 г. В советской историографии к этому вопросу обращались М. Т. Белявский, К. В. Сивков, В. В. Посконин и др.,²⁰ а также современный исследователь О. А. Омельченко, которому принадлежит наиболее полная и детальная разработка истоков и значения «Наказа».

Вопрос об истоках «Наказа», несмотря на его видимую проработку, до сих пор остается открытым, исследователи не смогли точно установить имена «соавторов» Екатерины II, определить сколько статей заимствовано и кем навеяны их идеи.²¹ Отсутствие единого мнения наблюдается и при определении социально-философских принципов, которые легли в основу «Наказа» и последующей государственно-правовой доктрины Екатерины II. Если Ф. В. Тарановский и Н. Д. Че-чулин считали, что ссылки на «естественное право» применялись Екатериной для ограничения самодержавной власти,²²

1767 г. вопрос о крепостном праве. Одесса, 1910; 2) Депутаты войска запорожского в Законодательной комиссии 1767 г. Одесса, 1912; 3) К 150-летию Манифеста 14 декабря 1767 г. Пг., 1917.

²⁰ Белявский М. Т. 1) Вопрос о крепостном праве и положении крестьян в «Наказе» Екатерины II // Вестник МГУ. Сер. IX. История. 1963. № 4; 2) Крестьянский вопрос в России накануне восстания Е. И. Пугачева (формирование антикрепостнической мысли). М., 1965; 3) Накануне «Наказа» Екатерины II. К вопросу о социальной направленности политики «просвещенного абсолютизма» // Правительственная политика и классовая борьба в России в период абсолютизма. Куйбышев, 1985; Посконин В. В. Политико-правовое содержание «Наказа» Екатерины II // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений. Сб. Научных трудов. М., 1987; Сивков К. В. Наказ жителей Москвы депутату Комиссии 1767 г. и законодательная деятельность императрицы Екатерины II в 60–80-х гг. XVIII в. // Ученые записки Московского Государственного педагогического Института им. В. И. Ленина. 1960. Т. 60.

²¹ Только в 70–90-е гг. было высказано три различных предположения, так О. А. Омельченко считает, что всего заимствовано 377 статей, из них 245 — из «О духе законов» Ш.-Л. Монтескье, 20 — из замечаний Э. Люзака на «О духе законов», 106 — из «О преступлениях и наказаниях» Ч. Беккариа, 5 — из «Энциклопедии» и еще 32 — из не установленных авторов, 10 % — составлено самой императрицей (Омельченко О. А. «Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II. Официальная теория русского абсолютизма второй половины XVIII в. С. 13); В. В. Посконин идеи 294 статей приписывает Монтескье и 108 — Беккариа, Н. И. Павленко: 245 — автору «О духе законов», 106 — юристу Беккариа, несколько статей немецким авторам Бильфельду и Юсту, французской энциклопедии и русскому законодательству (Павленко Н. И. Екатерина Великая. С. 114–115); его версия во многом совпадает с подсчетами В. О. Ключевского — 294 статьи — из Монтескье, 104 — из Беккариа, частично из Бильфреда и Юста, французской Энциклопедии (Ключевский В. О. Сочинения. Т. V. С. 77).

²² См. напр.: Тарановский Ф. В. Политическая доктрина в «Наказе» императрицы Екатерины II // Сборник статей по истории права, посвященный М. Ф. Владимирскому-Буданову. Киев, 1904. С. 82.

то советские историки М. Т. Белявский и П. В. Иванов наоборот видели в них обоснование абсолютной монархии,²³ рассматривая «Наказ» вслед за М. Н. Покровским как документ классовой направленности.²⁴ О. А. Омельченко также признал, что «во всех обосновываемых принципах общественного и государственного строя «Наказ» последовательно расходился с концепциями политических учений просветительства, несмотря на производный характер текста самого произведения... «Наказ» был произведением *иной идеологии*, нежели идеология просвещения...» (подчеркнуто автором. — М. М.).²⁵ Эта мысль была высказана еще ранее Б. С. Ошело-вичем, который акцентировал внимание на том, что в самом «Наказе» прямо подчеркивалось «отрицательное отношение к этой доктрине».²⁶ Историк В. В. Посконин подошел к этой проблеме с иной точки зрения, полагая, что учение о «естественном праве» Екатериной II все же использовалось, но очень осторожно, так как она опасалась его демократической направленности.²⁷ Резюмировать выше сказанное можно словами В. С. Иконникова, который писал, что если некоторые и замечали (например, Д. Дидро), что «идеи, перенесенные из Парижа в Петербург, принимают совсем другой цвет», то все-таки «Наказ» Екатерины оказал несомненное влияние на направление умов и состояние русского общества».²⁸

Только в последние десятилетия, после пересмотра «классового подхода» к законодательным актам — это относится как к до-, так и постреволюционной историографии — появились более объективные трактовки идеологической направленности «Наказа». Если в дореволюционной исторической науке «Наказ» рассматривали как «замечательное стремление следовать за передовыми умственными течениями своего

²³ Белявский М. Т. Зарождение просветительства в России // Научные доклады высшей школы. 1958. № 3. С. 30; Иванов П. В. К вопросу о социально-политической направленности «Наказа» Екатерины II // Ученые записки Курского Гос. педагог. ин-та. Курск, 1954. С. 17.

²⁴ Покровский М. Н. Избранные произведения. Т. 2. М., 1966. С. 62–71.

²⁵ Омельченко О. А. «Наказ Комиссии о составлении проекта нового уложения» Екатерины II. Официальная теория русского абсолютизма второй половины XVIII в. С. 18.

²⁶ Ошелович Б. С. Очерки из истории русского уголовно-правовой мысли. М., 1946. С. 71.

²⁷ Посконин В. В. Политико-правовое содержание «Наказа» Екатерины II // Актуальные вопросы истории политических и правовых учений. Сб. научных трудов. М., 1987. С. 71.

²⁸ Иконников В. С. Значение царствования Екатерины II. Киев, 1897. С. 93.

времени» или вообще прямо называли компиляцией,²⁹ то в советской историографии общепризнанной точкой зрения стало мнение М. Т. Белявского, что продворянскую направленность «Наказа» Екатерина II едва прикрывала «просветительским флером».³⁰ Не соглашаясь с М. Т. Белявским, Н. М. Дружинин (который в то же время характеризовал официальную политику Екатерины как «псевдо-просветительскую»³¹) и В. В. Посконин считали такой подход односторонним и настаивали на более глубоком изучении данного вопроса.³² В последних публикациях по истории екатерининского времени наметился принципиально новый подход к изучению этой проблематики. А. Б. Каменский в своем исследовании «От Петра I до Павла I» акцентирует внимание на том, что в историографии существовали «изначально завышенные критерии оценки екатерининской политики, когда она сравнивается с идеальной моделью, созданной просветителями», в то время как «остаётся принципиальная невозможность претворения в реальную жизнь какой-либо созданной на бумаге социальной теории, что отлично сознавала сама Екатерина».³³ Автор также замечает, что в отечественной и зарубежной историографии наблюдается «недостаточный учет особенностей и реального содержания просвещения... В действительности при более внимательном изучении екатерининских реформ выясняется, что это несоответствие во многом мнимое и что оно не превышает естественные допустимые пределы разрыва между официальной пропагандой и практикой...»³⁴ А. Б. Каменский и Н. И. Павленко, в отличие от большинства своих предшественников, пришли к выводу, что взгляды императрицы не носили «отвлеченный, теоретический характер», не были «бесхитростным пересказом... сочинений других авторов», механически перенесенных на русскую почву, а являлись ре-

²⁹ Чечулин Н. Д. Введение // Наказ, данный комиссии о сочинении проекта нового уложения. СПб., 1907; Ключевский В. О. Ук. соч. С. 76.

³⁰ Белявский М. Т. Вопрос о крепостном праве и положении крестьян в «Наказе» Екатерины II // Вестник МГУ. 1963. № 6. С. 63; см. также: Джеджула К. Е. Россия и Великая французская буржуазная революция конца XVIII в. Киев, 1972. С. 138; Лотман Ю. М. Руссо и русская культура XVIII в. // Эпоха просвещения. Из истории международных связей русской литературы. М., 1967. С. 235.

³¹ Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 429.

³² Дружинин Н. М. Просвещенный абсолютизм в России. С. 442; Посконин В. В. Политико-правовое содержание «Наказа» Екатерины II. С. 68.

³³ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 333.

³⁴ Там же. 334–335.

результатом «творческого переосмысления идей» западных просветителей.³⁵ Н. И. Павленко причислил Екатерину II к «умеренным просветителям».³⁶

Интерес исследователей к «Наказу» был вызван многими причинами: это был первый опыт подобного «законодательного акта», им определялась государственная доктрина нового монарха и обуславливалась идея «просвещенного абсолютизма». Именно нерешенность политической теории «Наказа» чаще всего вызывала споры исследователей. В 1960–1970-е гг. она стала одной из причин дискуссии, возникшей в рамках изучения русского абсолютизма. На ее примере наглядно видно насколько могут быть полярными оценки одного и того же акта, как неадекватно порою прочитываются документы прошлого. Несмотря на то, что эта дискуссия завершилась созданием «обтекаемого», обобщенного определения «Наказа», на современном этапе развития отечественной исторической науки можно говорить о появлении «второго дыхания» в его изучении. В русле историографии «Наказа» Екатерины Великой написаны и многочисленные работы по изучению дворянских наказов, направленных в Уложенную Комиссию.³⁷ Вывод, к которому пришло большинство историков, заключался в следующем: Екатерина II учла пожелания, но выполнила только их малую толику.

Историю областных учреждений при Екатерине II следует признать наиболее полно и удачно разработанным вопросом в отечественной историографии. Интерес к ней возник еще в XIX в. и получил свое дальнейшее развитие уже в первой трети XX в. Введению областных учреждений и их деятельности посвящались как фундаментальные монографии, так и отдельные многочисленные публикации.³⁸

³⁵ Там же. С. 335; Павленко Н. И. Екатерина Великая. С. 115.

³⁶ Павленко Н. И. Екатерина Великая. С. 72–73.

³⁷ Латкин В. Н. Законодательные комиссии в России в XVIII столетии. Т. I. СПб., 1887; Брюлов С. Ф. Общественные идеалы в Екатерининскую эпоху. Дворянские указы. СПб., 1869; Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие. 1762–1855 гг. СПб., 1906; Богословский М. М. Дворянские указы в екатерининскую комиссию 1767 г.; Абрамов Я. В. Сословные нужды, желания и стремления в эпоху екатерининской комиссии 1767 г. и ряд других.

³⁸ Муравьев В. А. Прокурорский надзор в его устройстве и деятельности. М., 1879; Грибовский В. М. Высший суд и надзор в России, в первую половину царствования Екатерины Второй. СПб., 1901; Григорьев В. А. Реформа местного управления при Екатерине II. СПб., 1910; Веретенников В. И. 1) Очерки истории генерал-прокуратуры в России доекатерининского времени. Харьков, 1915, 2) Из истории института прокуратуры // Русский исторический журнал. Кн. 5. 1918; Сивков К. В. Наказ жителей Москвы депутату Комиссии 1767 г.

Среди основных вопросов, оказавшихся в центре внимания исследователей, можно выделить следующие: была ли областная реформа продолжением тенденций, появившихся в петровское время; влияние идей Просвещения на местные учреждения в России; можно ли выделить этапы в становлении «областной мысли» в екатерининское царствие; что отнести к положительным и отрицательным сторонам реформы и ряд других.

Сегодня ни один исследователь, затрагивающий историю областного управления в России XVIII в. не обходится без фундаментального труда Ю. В. Готье «История областного управления от Петра I до Екатерины II» (Т. I–II). В изучении областных реформ Ю. В. Готье не являлся первопроходцем. Однако его работа значительно отличается от исследований предшественников и можно сказать, что она практически подвела итог изучению преобразований в областных учреждениях России XVIII в. Ю. В. Готье подробно шаг за шагом исследовал историю развития и существования местных органов управления, останавливаясь на их реорганизации; показал иерархическую структуру, выделил основные функции, выявив сферу их влияния и деятельности. Историк изучил первые мероприятия по реорганизации областного управления (1762–1765 гг.) и, по его мнению, изменения в сфере областных учреждений уже давно назревали: 1) подъем крепостного хозяйства и развитие в его рамках товарно-денежных отношений, 2) подъем волны крестьянских волнений. Их перестройка была неизбежна, так как они не только не удовлетворяли потребностям государства, но и не охраняли интересов господствующего класса.

На основе изучения всех указов за 1762–1765 гг., Ю. В. Готье пришел к заключению, что преобразования в местном управлении в первые годы царствования, были по существу единственной крупной попыткой внести улучшения в областные учреждения 1727 г. Однако все положительные стороны реформы начала 60-х гг. оказались недействительными из-за их несвоевременности, опоздания на несколько десятилетий,

и законодательная деятельность императрицы Екатерины II в 60–80-х гг. XVIII в. // Ученые записки Московского Государственного педагогического Института им. В. И. Ленина. 1960. Т. 60; Готье Ю. В. 1) История областного учреждения от Петра I до Екатерины II. Т. II. М., 1941; 2) Отзывы губернаторов 60-х гг. XVIII в. об областном управлении // Сборник статей, в честь М. К. Любавского. Пг., 1917; 3) Из истории областного управления XVIII в.: Постоянные учреждения и особые поручения // Сборник статей в честь Д. Л. Корсакова. Казань, 1913; 4) Следственные комиссии по злоупотреблениям областных властей в XVIII в. // Сборник статей, посвященный В. О. Ключевскому. М., 1909.

так как общественные, иначе говоря, дворянские течения уже выставляли иные требования.³⁹ В отличие от Ю. В. Готье, который рассматривал штаты 1763 г. как «грань, разделяющую изучаемый период на две части»,⁴⁰ историк В. А. Григорьев считал, что «за время от 1762 по 1775 гг. мы не встречаем ни одной серьезной попытки провести в жизнь те идеи, которые были осуществлены позднее».⁴¹ В. А. Григорьев не учитывал то, что реформы начала 60-х гг. не ставили перед собой кардинальных изменений, но именно «в этих частичных изменениях и исправлениях, уже не трудно угадать первые шаги к подготовке губернских реформ 70-х гг.»⁴² что Екатерина II уже с первых дней своего царствования приступила к пересмотру местного управления (например, указ 26 июля 1762 г. о городских полицмейстерах).

Как и большинство его предшественников Ю. В. Готье высоко оценил деятельность Екатерины II на ниве местного управления, но, говоря о причине ее обращения именно к областным учреждениям, сделал интересный вывод: «Екатерина в силу условий своего воцарения должна была направить свои преобразовательные усилия не на высшие пружины империи, где она могла задеть интересы лиц, дружбой и поддержкой которых она не могла пренебрегать, а на учреждения второстепенные и преимущественно на местные учреждения».⁴³

Решая вопрос: «Что имела в виду Екатерина в 1760 г. в сфере областного управления — исправление существующего порядка вещей или же полный пересмотр местного строя?», — большинство историков склоняются в сторону последнего, считая, что в этих мероприятиях вопрос действительно шел уже не об исправлении существовавшего областного строя в интересах господствующего класса, но о полной и коренной реформе.⁴⁴ Утвердиться в этом намерении Екатерине II помогло мнение членов Уложенной комиссии, которые признавали существующий в областном управлении порядок неудовлетворительным. Екатерина, очевидно,

³⁹ Готье Ю. В. История областного управления от Петра I до Екатерины II. Т. II. С. 159.

⁴⁰ Там же. С. 134.

⁴¹ Григорьев В. А. Реформы местного управления при Екатерине II. С. 99.

⁴² Готье Ю. В. История областного управления в России от Петра I до Екатерины II. Т. II. С. 134.

⁴³ Там же. С. 159.

⁴⁴ См., напр.: Готье Ю. В. История областного управления. Т. II. С. 249.

соглашалась с их пожеланиями и, можно предположить, что уже в 1768 г. в ее уме зародилась мысль о смене старого местного управления чем-то совершенно новым. После восстания Е. Пугачева, которое к тому же подтолкнуло дворянское самоуправление, эта мысль преобразовалась в твердое решение, так как было наглядно показано, что областные власти не справлялись со своими функциями.⁴⁵ Однако вопрос о причинах, повлиявших на появление «Учреждения о губерниях» до сих пор остается открытым. В нем видят как стремление Екатерины «реализовать в ходе реформы идеи, навеянные ей знакомством с трудами философов-просветителей, с опытом функционирования английских государственных институтов»⁴⁶ (на влияние английского права указывал еще В. А. Григорьев⁴⁷), так и чисто прагматические цели — удобство управления.

В современной историографии пересматривается точка зрения, закрепившаяся в советской исторической науке, о том, что губернская реформа 1775 г. явилась следствием восстания Емельяна Пугачева.⁴⁸ Стоит, правда, отметить, что это мнение появилось еще в «буржуазной» историографии; например, Ю. В. Готье во втором томе «Истории областного управления от Петра I до Екатерины II», завершенном им в 1921 г. (и опубликованном только в 1941 г.), также отмечал, что восстание Е. Пугачева подтолкнуло дворянское самоуправление — мысль о нем преобразовалась в твердое решение. А. Б. Каменский, О. А. Омельченко, например, считают, что «реформа готовилась задолго до восстания, и рассматривать ее следует комплексно, в контексте реформаторской деятельности Екатерины в целом».⁴⁹ Кроме того, по мнению А. Б. Каменского, восстание подготовило более благоприятные условия для реализации данной реформы, так как напуганное дворянство «сплотилось вокруг трона... и возможность оппозиции... стала минимальной».⁵⁰

⁴⁵ См.: Готье Ю. В. История областного управления Т. II. С. 250 и др.; Флоринский М. Ф. Российская государственность в эпоху «просвещенного абсолютизма» // История России народ и власть. СПб., 1997. С. 363.

⁴⁶ Флоринский М. Ф. Российская государственность в эпоху «просвещенного абсолютизма». С. 363.

⁴⁷ Григорьев В. А. Реформы местного управления при Екатерине II. С. 255–256.

⁴⁸ Павлова-Сильванская М. П. Социальная сущность областной реформы Екатерины II // Абсолютизм в России. М., 1964. С. 460–491.

⁴⁹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. 423; см. также Омельченко О. А. «Законная монархия» Екатерины II. 267–268.

⁵⁰ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 423.

Ставится под сомнение и существующее со времен дореволюционной историографии мнение о ярко выраженном продворянском характере «Учреждения». Само собой разумеется, что в этом вопросе советская историография полностью соглашалась со взглядами «буржуазных» историков. А. Б. Каменский, однако, считает, что при внимательном анализе «Учреждения», наряду с удовлетворением пожеланий дворян, Екатерина «прежде всего думала об интересах государства... В итоге реальная независимость, самостоятельность местных органов управления была в значительной степени мнимой. Выбранные на те или иные должности дворяне становились попросту правительственными чиновниками, проводившими на местах политику центра».⁵¹

С этим мнением историка можно согласиться, так как, несмотря на любовь к «мечтанию» и оглядку на окружающих, Екатерина II являла собой, наверное, самого прагматичного монарха XVIII в., не способного отказать себе в государственной выгоде.

Современные исследователи признают тот факт, что «в целом Екатерине II удалось создать на местах сильный и разветвленный аппарат власти. Многие институты, возникшие в ходе проведенной императрицей областной реформы, просуществовали до преобразований 60–70 гг. XIX в. или даже до 1917 г.».⁵²

Следуя по пути, проложенному еще Петром Великим, Екатерина попыталась реализовать «принцип унификации управления на всей территории империи».⁵³ Однако императрице не удалось полностью добиться поставленных ею целей, на неудачу предприятия 1775 г. повлиял тот факт, что «старые учреждения, выполнив некоторую черновую работу по подготовке нового областного строя, отходили в область истории, но личный их состав был мостом, соединившим старое областное управление с новым», то есть все традиции и недостатки доекатерининской эпохи перешли в новые учреждения. Именно этот факт «несколько понижает ценность самого крупного преобразования екатерининского царствования».⁵⁴ Ее бесспорным достижением можно считать впервые

⁵¹ Там же. С. 429–430.

⁵² Флоринский М. Ф. Российская государственность в эпоху «проспещенного абсолютизма». С. 365.

⁵³ Готье Ю. В. История областного управления. Т. II. С. 280–281.

⁵⁴ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 428.

⁵⁴ Готье Ю. В. История областного управления. Т. II. С. 281; см. также: Лалло, Данилевский А. С. Очерк внутренней политики Императрицы Екатерины II. СПб., 1898. С. 49–50.

точно установленные начала децентрализации и сближение «управляющих с управляемыми».⁵⁵

Законодательное наследие Екатерины II до сих пор остается «золотой жилой» для исследователей и способно вызывать оживленные дискуссии. Екатерина Алексеевна была настолько разносторонней личностью, и все, за что она бралась, получалось столь неординарным, что выявить истоки ее законодательной деятельности остается порой невозможно. Своеобразный историографический бум вызвало еще одно реформаторское предприятие императрицы. Вопросу о «Грамоте на права, вольности и преимущества благородного российского дворянства» и «Грамоте на права и выгоды городам российской империи» 1785 г. уделялись как отдельные статьи, так и монографии, он рассмотрен в каждом учебнике по истории России XVIII в. Но даже в характеристике этого, казалось бы, хорошо изученного вопроса исследователи не смогли прийти к единой точке зрения. Можно согласиться с А. Б. Каменским, что «недостатком сложившейся историографической традиции... является то, что обе грамоты рассматриваются обычно изолировано друг от друга... в то время как только изучение их вместе дает возможность раскрыть замысел законодателя, поскольку речь, несомненно, идет о целостной политической программе».⁵⁶ О необходимости параллельного изучения грамот высказывался еще в 1926 г. А. Н. Филиппов, но в своей статье «К вопросу о первоисточниках Жалованной грамоты дворянству 21 апреля 1785 г.» он, к сожалению, только обозначил эту возможность.⁵⁷

Начало изучения истории дворянского сословия и законодательных актов, закрепляющих его права и обязанности, можно отнести к 70-м гг. XIX в.⁵⁸ К 100-летию юбилею

⁵⁵ Дитятин И. И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Русская мысль. 1885. № 6 (июнь). С. 48.

⁵⁶ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 440.

⁵⁷ Филиппов А. Н. К вопросу о первоисточниках Жалованной грамоты дворянству 21 апреля 1785 г. // Известия АН СССР. Сер. VI. Т. XX. 1926. № 1-2. С. 426.

⁵⁸ Романович-Славатинский А. В. Дворянство в России от начала XVIII века до отмены крепостного права. СПб., 1870; Яблочков М. История дворянского сословия в России. СПб., 1876; Дитятин И. И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Русская мысль. 1885. № 4-8; Веселовский К. Н. Дворянская грамота // Исторический вестник. 1885. Март; Корф С. А. Дворянство и его сословное управление за столетие 1762-1855 гг. СПб., 1906; Флоровский А. В. К истории текста Жалованной грамоты дворянству 1785 г. // Русский исторический журнал. 1917. Кн. 3-4; Филиппов А. Н. К вопросу о первоисточниках Жалованной грамоты дворянству 21 апреля 1785 г. // Известия АН СССР. Сер. VI. Т. XX. 1926. № 1-2 и др.

«Жалованной грамоты» можно было подводить итоги ее влияния на становление прав и обязанностей дворянского сословия в России. В связи с этим в научных кругах наметился интерес к истории возникновения грамоты. Если в 1785 г. опубликование грамоты было встречено одобрительно основной частью дворянства, то через 100 лет на нее смотрели как на отживший элемент российского законодательства, не имеющий ни практического, ни теоретического значения. Так, И. И. Дитятин с прискорбием замечал, что «с точки зрения сословных привилегий, придется сознаться, что поводов к празднованию нет, т. к. несомненно, что все, санкционированное этим законодательным актом сто лет назад, почти исчезло, растаяло»,⁵⁹ и к концу XIX в. те права, что были дарованы дворянству, стали «достоянием всего земского населения».⁶⁰ Некоторые исследователи вообще задавались вопросом «А не лучше ли было отмечать дарование вольности дворянству 18 февраля 1862 г.?»⁶¹ К. Н. Веселовский писал о «Жалованной Грамоте» Екатерины II, как о документе только подтвердившем ту свободу, что даровал Петр III, и предоставившем меньше привилегий, чем было даже во времена Петра I⁶² (необходимо отметить, что в советской историографии также звучали подобные высказывания, в частности о том, что корпоративные права дворянства были немного ограничены⁶³). Историк указал на многие «туманности» данного закона, которые впоследствии не могли не «возбудить... ограничительного заявления по этой статье».⁶⁴ Автор подробно остановился на сравнении законодательных актов доекатерининского периода и «Жалованной Грамоты» дворянству 1785 г., сделанные им выводы оказались не в пользу последней: «... в сущности она представляет только систематическую, редакционную работу, без дарования дворянству впервые каких либо прав, которых оно не получило бы в разное время... от соизволения верховной власти».⁶⁵ Однако это мнение можно считать наиболее радикальным, так как в дореволюционной

⁵⁹ Дитятин И. И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Русская мысль. 1885. № 4 (апрель). С. 15.

⁶⁰ Дитятин И. И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Русская мысль. 1885. № 5 (май). С. 35.

⁶¹ Веселовский К. Н. (К. Н. В.) Дворянская грамота // Исторический вестник. 1885. Март. С. 620.

⁶² Там же. С. 623, 625.

⁶³ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XIX в. М., 1956. С. 84.

⁶⁴ Веселовский К. Н. (К. Н. В.) Дворянская грамота. С. 626.

⁶⁵ Там же. С. 627.

и советской историографии утвердилась противоположная точка зрения. Например, С. Ф. Платонов рассматривал дарование «Грамоты» дворянству как завершение процесса обособления дворянского сословия, как последнюю ступень в становлении его привилегий, рост которых наблюдался на протяжении всего XVIII в.;⁶⁶ М. М. Богословский важным достижением «Жалованных грамот» считал «развитие личности».⁶⁷

В рамках традиции советской историографии «Жалованная Грамота» рассматривалась как основной документ, свидетельствующий о закреплении привилегированного статуса дворянского сословия, и как следствие, усиления крепостной системы. В «Очерках истории СССР» «Грамоту» характеризовали как «завершающее звено в политике возвышения дворянского сословия».⁶⁸ Этот взгляд и сегодня находит отражение в ряде исследований, в том числе и у О. А. Омельченко, который считает, что «установление правового статуса других сословий было подчинено... задаче охранения господствующего положения дворянства».⁶⁹ Несмотря на коренной пересмотр советского историографического наследия, с данной постановкой вопроса можно вполне согласиться. При этом следует, правда, учитывать причины, которые повлияли на решение Екатерины II дать именно такую «Жалованную грамоту» дворянству, так, а не иначе, определить его права и обязанности. Эти причины всесторонне рассмотрены А. В. Каменским в его исследовании «От Петра I до Павла I». Автор солидарен с выводами, сделанными И. И. Дитятиным, «что по существу грамота фиксировала то, что... уже было отражено в предшествующем законодательстве или действовало в рамках обычного права».⁷⁰ Н. И. Павленко придерживается более традиционных взглядов, полагая, что основной задачей «Жалованных грамот» дворянству и городам было укрепление сословного строя, а важным новшеством — право дворянству на губернские съезды.⁷¹ Самым консервативным элемен-

⁶⁶ Платонов С. Ф. Полный курс лекций по русской истории. СПб., 2000. С. 707, 709.

⁶⁷ Богословский М. М. Учреждение об управлении губерний и жалованные грамоты Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник / Под ред. В. В. Калаша. Т. IV. М., 1992.

⁶⁸ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XIX в. С. 81.

⁶⁹ Омельченко О. А. «Законосная монархия» Екатерины II. С. 238.

⁷⁰ Каменский А. В. От Петра I до Павла I. С. 450.

⁷¹ Павленко И. Н. Екатерина Великая. С. 193.

тов внутренней политики императрицы историк считает «строгое соблюдение интересов дворянства».⁷²

При изучении историографии городской реформы следует учитывать тот факт, что почти все исследователи исходили из общего представления об отсталости дореволюционного города⁷³ и с этой точки зрения изучали как саму городскую реформу, так и ее последствия. Этот подход несколько искажал реальное положение дел и на современном этапе исторического знания большинство ученых ищут «новые подступы» к городской реформе Екатерины II, хотя «в целом однозначная оценка такого сложного и многоаспектного документа... в принципе невозможна».⁷⁴

В дореволюционной историографии специалистом в области городской политики XVIII в. был признан А. А. Кизеветтер. Автор одного из подробнейших исследований по реформе «Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария», принадлежал к «либерально-демократическому» (по определению А. Б. Каменского) направлению русской историографии, представители которого относились к преобразованиям Екатерины II со значительной долей скептицизма. Особую ценность исследования А. А. Кизеветтера представляет его источниковедческая направленность. На основе анализа источников (ему посвящена вторая глава), многие из которых были впервые введены в научный оборот, историк пришел к выводу, что весь отдел А «Городового положения» и почти все «Ремесленное Положение» — основаны на остзейских законах, с воспроизведением некоторых шведских и прусских цеховых уставов.⁷⁵ При этом историк отметил (это стало уже общепризнанным мнением), что «Положение» являлось «довольно небрежно выполненным соединением отрывков (извлечений из статуты. — М. М.) в один общий текст, словно сшитый из пестрых лоскутков и обрезков. Вот почему неясности и противоречия встречаются на каждом шагу и этом на редкость плохо и неумело отредактированном памятнике Екатерининского законодательства».⁷⁶ А. А. Кизеветтер обратил внимание, что всеобщие принципы, введенные Екатериной в городское «Положение», противоречили русским

⁷² Там же. С. 189.

⁷³ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 324.

⁷⁴ Там же. С. 452.

⁷⁵ Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II 1785 г. Опыт исторического комментария. М., 1909. С. V–VI.

⁷⁶ Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник. Т. IV. С. 547.

законам и порядкам того времени, это и стало причиной превращения реформы в «чисто бумажную», новые учреждения «явились лишь теми новыми мехами, в которых продолжало киснуть прежнее вино».⁷⁷ Несмотря на этот суровый приговор, вынесенный в духе В. О. Ключевского, А. А. Кизеветтер не мог не оценить значение реформы, которая если и «не направила течения городской жизни в новое русло, то принципиально этот закон надлежит признать первым манифестом таких основ городского общественного самоуправления, которое не получали в предшествующие периоды нашей истории не только практического осуществления, но и теоретического признания. — В законодательстве Екатерины II город впервые был провозглашен *всесословным самоуправляющимся союзом*».⁷⁸ С этим выводом соглашался и другой исследователь городского «Положения» И. И. Дитятин, который главным достижением реформы считал внесение в «область законодательства представления о городском населении, как обществе».⁷⁹ Как и большинство реформ Екатерины II городское «Положение» ценили не за практические результаты, а за дух всесословности, за его общие декларации прав горожан. При сравнении двух «Жалованных грамот», большинство историков пришло к выводу, что грамота «дворянству не дала, в течение столетнего периода... тех результатов относительно этого сословия, к каким привела такая же грамота городам по отношению к этим последним за тот же столетний период времени».⁸⁰ Несмотря на то, что большинство историков считали, что дарование «Жалованной грамоты городам» принесло больше практической пользы, чем получение «Грамоты» дворянством, в целом городская реформа получила негативную оценку. Екатерину II обвиняли в необдуманном плагиатстве, т. е. западная цеховая система плохо приживалась на русской почве, тем более, как считало большинство историков, город не был готов к восприятию новых законов.

Интерес к городской реформе в советской историографии был связан в основном с экономическим развитием города, в частности, и государства — в целом. Исследовалась проблема ремесленных цехов, становление мануфактурного производства, постепенное образование городского сословия и

⁷⁷ Кизеветтер А. А. Городовое положение Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник. Т. IV. С. 547, 552, 558.

⁷⁸ Там же. С. 535.

⁷⁹ Дитятин И. И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Русская мысль. 1885. № 6. С. 2.

⁸⁰ Дитятин И. И. К истории «Жалованных грамот» дворянству и городам 1785 года // Русская мысль. 1885. № 4. С. 15.

прохождение буржуазии. Так как реформа считалась продворянской, то представлялось, что именно этот фактор сдерживал развитие городского самоуправления,⁸¹ хотя иногда и раздавались голоса в защиту екатерининских нововведений (например, К. А. Пажитнов акцентировал внимание на том, что российская цеховая система предполагала больше свободы, чем на Западе⁸²).

Мероприятия Екатерины Великой, направленные на улучшение финансового состояния государства, также подверглись тщательному изучению и критическим разборам. Если в начале XIX в. при рассмотрении итогов ее царствования исследователи находились еще под обаянием личности императрицы, то уже к началу XX в., финансовая политика второй половины XVIII в. подверглась резкой критике. Среди наиболее ранних работ по этой проблематике можно отметить «Историю финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины Екатерины II» Д. Толстого,⁸³ которая представляет собой краткую сводку законодательных актов о финансовых учреждениях XVIII в. К вопросам по истории финансового управления в 60-х гг. XIX в. обращался и А. Куломзин.⁸⁴ Им даны обзоры состояния финансового управления в 1760–80-е гг., частично собраны сведения о доходах и расходах в 40–60-е гг., однако уровень исторического знания того времени не позволил автору критично подойти к источникам и в его работах встречаются, к примеру, неправильные подсчеты бюджета.⁸⁵

Наиболее полной работой по данной теме считается труд Н. Д. Чечулина «Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II»,⁸⁶ в котором представлены ценные данные по истории финансов, источникам доходов и расходов в российском бюджете в 60-е гг., система управления финансами. Автор охарактеризовал финансовое положение до Екатерины II и во время ее правления, выявил основные

⁸¹ Каменский А. Б. От Петра I до Павла I. С. 452.

⁸² Пажитнов К. А. Проблема ремесленных цехов в законодательстве русского абсолютизма. М., 1952. С. 80.

⁸³ Толстой Д. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины Екатерины II. СПб., 1848.

⁸⁴ Куломзин А. 1) Государственные доходы и расходы в России XVIII столетия // Вестник Европы. 1869. № 5; 2) Финансовое управление в царствование Екатерины II // Юридический вестник. 1869. № 2-3; 3) Ассигнации в царствование Екатерины II // Русский Вестник. 1869. № 5.

⁸⁵ Тхоржевский С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 8.

⁸⁶ Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906.

меры, предпринятые ее администрацией для улучшения ситуации, ряд положительных сторон новой финансовой политики, в частности, тенденцию к «началу министерскому».⁸⁷ До Н. Д. Чечулина на «министерское начало» впервые обратил внимание еще А. Д. Градовский, который и отметил важную роль князя А. А. Вяземского как в делах прокуратуры, так и в финансовом управлении. После изучения ситуации в России второй половины XVIII в. Н. Д. Чечулин пришел к неутешительному выводу, что уверенность современников в удовлетворительном финансовом положении, «поддерживавшаяся тем, что при поспешном выпуске ассигнаций не чувствовалось долго недостатка в деньгах, неумение и нежелание серьезно и глубоко взглянуть в финансовое положение — парализовали все меры по финансовому управлению и имели следствием то, что при лучшем, чем когда-либо прежде, устройстве финансового управления Екатерининское царствование имело худшие, чем когда-либо прежде, финансы».⁸⁸ Однако причину полного крушения финансовой системы екатерининского царствия историк видел не только в неумении императрицы управлять государством. На первом месте, по его мнению, стояла неподготовленность правительства и чиновников к проведению финансовой реформы, отсутствие «финансовых дарований»,⁸⁹ затем — «крайне незначительное экономическое движение страны вперед за время целого столетия» и последним пунктом Н. Д. Чечулин поставил «крайнее отягощение плательщиков... как неизбежный результат плохого управления финансами и своего рода застоя в экономическом развитии страны».⁹⁰ Подобной точки зрения придерживался и К. В. Сивков, который считал финансовую реформу «наиболее слабым и уязвимым местом всей ее (Екатерины II. — М. М.) работы», лишенной «творческого» и «оригинального» начала.⁹¹ Хотя, в отличие от Н. Д. Чечулина он признавал, что финансовое положение конца екатерининского царствования было куда лучше, чем в начале.

Точка зрения Н. Д. Чечулина была воспринята и советской историографией, в которой основным достижением фи-

⁸⁷ Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 79.

⁸⁸ Там же. С. 86.

⁸⁹ Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. СПб., 1906. С. 376.

⁹⁰ Там же. С. 376, 378.

⁹¹ Сивков К. В. Финансовая политика Екатерины II // Три века. Россия от Смуты до нашего времени. Исторический сборник. С. 488, 500.

нансовой политики Екатерины II считалась наметившаяся в 70-е гг. централизация управления и правильное составление плана государственного бюджета.⁹²

В своих «Очерках» Н. Д. Чечулин затронул тему экономического развития государства в последней четверти XVIII в. Этот вопрос находился в центре внимания в основном советских историков. Почти сразу же после публикации «Очерков» с опровержением мнения Н. Д. Чечулина о незначительном экономическом развитии страны во второй половине XVIII в. выступил Е. В. Тарле. Историк высказал мысль, что «в царствование Екатерины II Россия вовсе не была отсталой страной сравнительно даже с наиболее передовыми странами европейского материка... „легенда“ об исключительном господстве натурального хозяйства в указанную эпоху должна быть отвергнута. К концу царствования Екатерины II наши фабрики и заводы... делали Россию... страной экономически независимой от соседей».⁹³ Дискуссия на эту тему продлилась не одно десятилетие и плавно перешла в советскую историографию.

В советской историографии интерес к екатерининскому времени носил в основном классово-экономический характер. Происхождение и становление российского абсолютизма — один из вопросов, интересующих советских историков. Одни рассматривали его как проявление крепостнического характера внутренней политики, вторые как закономерность «общеευропейского государственного развития», третьи усматривали в нем объективные условия «социально-экономического развития... формирующейся буржуазии».⁹⁴ При правлении Екатерины II произошло окончательное закрепощение крестьян, в то время как дворяне получили свободу — этот факт негативно повлиял на восприятие большинства мероприятий Екатерины II. История XVIII в. вновь оказалась в центре внимания историков в конце 40–60-х гг. XX в., когда возникла полемика о времени складывания всероссийского рынка. Эта проблема была напрямую связана с вопросом о генезисе капитализма, который красной нитью проходил через все дискуссии, посвященные социально-экономическому развитию России. Однако личность самой императрицы оставалась в тени и успехи в экономике рассматривались в основном как результат исторического развития

⁹² Тхоржевский С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С. 34, 263; Троицкий С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. М., 1966. С. 263–265.

⁹³ Цит. по: Плеханов Г. В. История русской общественной мысли. Т. III. М.; Л., 1925. С. 1.

⁹⁴ Очерки истории исторической науки в СССР. Т. V. М., 1985. С. 221–222.

российского государства. Стоит, правда, отметить, что в адрес Екатерины иногда раздавались слова признательности за централизацию финансового управления, за законодательные акты 60-х гг., которые «создавали более благоприятные условия для развития внутренней и внешней торговли... устойчивый рост внешней торговли России и увеличение государственных доходов от сбора таможенных пошлин».⁹⁶

Современный исследователь И. Н. Павленко в книге «Екатерина Великая» затронул эту тему, согласившись с мнением, бытовавшим в советской историографии: «Буржуазные элементы в политике и экономике настолько очевидны, что их можно обнаружить, не прибегая к оптическим приборам...», историк обосновал этот тезис не только наглядными примерами роста промышленного потенциала России, но и общей направленностью политики императрицы: «...идеи просвещения, которыми руководствовалась императрица во многих сферах деятельности, по своей сути были буржуазными...».⁹⁶ Суммируя достижения промышленного развития государства, И. Н. Павленко пришел к выводу, что «промышленность в целом представляла капиталистический островок в море феодального хозяйства России».⁹⁷

Примечательно, что в историографии 90-х гг. XX в. даже опыт денежной реформы Екатерины II, подвергшийся резкой критике уже Павлом I, некоторые исследователи определяют как «чрезвычайно удачный»,⁹⁸ приближаясь к выводам А. С. Лаппо-Данилевского, который считал, что «принципы экономической и просветительской политики Екатерины не утратили своего значения и до сих пор».⁹⁹ Дискуссия по этому поводу, по-видимому, еще будет продолжена, так как результаты экономического развития России в конце XVIII в. были настолько противоречивыми, что их можно оценить как «благоприятные»¹⁰⁰ («материальные средства... чрезвычайно усилились»¹⁰¹) или как «полное крушение финансовой системы екатерининского царствования».¹⁰²

⁹⁶ Тхоржевский С. М. Финансовая политика русского абсолютизма в XVIII в. С. 34, 184.

⁹⁶ Павленко И. Н. Екатерина Великая. С. 303.

⁹⁷ Там же. С. 304.

⁹⁸ Власть и реформы. От самодержавия к советской России. СПб., 1996. С. 181

⁹⁹ Лаппо-Данилевский А. С. Очерк внутренней политики Императрицы Екатерины II. С. 60.

¹⁰⁰ Власть и реформы. Там же. С. 181.

¹⁰¹ Ключевский В. О. Сочинения. Т. V. С. 179.

¹⁰² Чечулин Н. Д. Очерки по истории русских финансов в царствование Екатерины II. С. 374.

Современной российской историографии, на наш взгляд, присуще возвращение к идеализации реформ Екатерины II. Например, в дореволюционной историографии не раз ставился вопрос об искреннем и полном восприятии Екатериной Великой идей Просвещения, и даже высказывалось предположение, что она не вполне понимала их истинное значение. Современные исследователи далеки от подобного скепсиса и высказывают мысль, что «череда преобразований» была вызвана не только потребностями государства, но и стремлением самой императрицы «воплотить в жизнь новые, передовые и популярные... взгляды».¹⁰³ Вступая в противоречие с традициями большинства как советских, так и дореволюционных исследований, сегодня высказывается мнение о том, что деяния Екатерины были «реализацией просветительских идей, увязанных с русскими реалиями...»,¹⁰⁴ она «сумела использовать новые методы исторического мышления для доказательства и поддержки устоев, против которых выступали сами творцы новых идей».¹⁰⁵ Зачастую характеристика качеств Екатерины II напоминает перефразирование цитат из «Похвального слова» Н. М. Карамзина: «Личность русской императрицы, несомненно, достойна восхищения — столь глубоки ее познания, смелы реформаторские замыслы, основательно их исполнение».¹⁰⁶ Екатерину II все чаще сравнивают с Петром I (недаром она сама считала себя продолжательницей его дела¹⁰⁷), причисляя ее к «государственным мечтателям», в основе деятельности которых «лежала не просто определенная философия власти, а некая вера, высокое стремление к достижению общих, абстрактных идей создания совершенного строя, общества в России».¹⁰⁸

Положительная оценка ее деятельности дается не только в работах, посвященных отдельным преобразованиям, но и в монографиях, рассматривающих весь период ее царствования. Интерес к ее царствованию особенно заметный в 1990-е гг., во многом был связан с 200-летней годовщиной завершения ее правления, приходящейся на 1996 г. Однако не только этим объясняется несколько панегирический тон большинства современных исследований о Екатерине II. Можно предположить,

¹⁰³ Власть и реформы. С. 164.

¹⁰⁴ Там же. С. 169.

¹⁰⁵ Гаврилова Л. М. Екатерина II в русской историографии. Чебоксары, 1996. С. 101.

¹⁰⁶ Власть и реформы. С. 164.

¹⁰⁷ Каменский А. Б. «Под сенью Екатерины...» Вторая половина XVIII в. СПб., 1992. С. 129.

¹⁰⁸ Власть и реформы. С. 164.

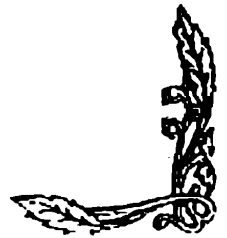
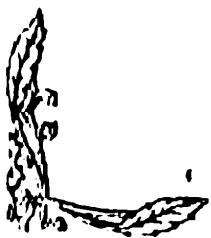
что подобное отношение к личности преобразовательницы связано как с пересмотром результатов ряда ее основных реформ (в свете 200-летия окончания ее царствования), с введением в научный оборот некоторых новых данных, так и с общим социально-экономическим и политическим положением российского государства. В кризисные моменты истории всегда возникает тяга к сильным личностям, историки, поддавшись политической конъюнктуре (в данном случае в положительном смысле), ищут «вдохновение» и примеры в прошлом нашей страны.

И не удивительно, что их взгляды все чаще стали останавливаться на правлении Екатерины Великой. В. О. Ключевский в обычной для него образной и афористичной манере подвел основной итог ее царствования: «С Петра, едва смея считать себя людьми и еще не считая себя настоящими европейцами, русские при Екатерине почувствовали себя не только людьми, но и чуть ли не первыми людьми в Европе... За это не ставили ей в счет ни ошибок ее внешней политики, ни неудобств внутреннего положения».¹⁰⁹

Предлагаемое читателям переиздание курса лекций об Екатерине Великой выдающегося отечественного историка профессора Московского университета М. К. Любавского будет интересно как для специалистов, так и для всех, интересующихся отечественной историей.

¹⁰⁹ Ключевский В. О. Афоризмы. Исторические портреты и этюды. Дневники. М., 1993. С. 294.

М. В. МАНДРИК

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

В ТЕКУЩЕМ семестре нам предстоит познакомиться с историей царствования императрицы Екатерины II.

Это царствование составляет целую эпоху в русской истории, в которой достигли своего кульминационного развития два основных течения, начавшихся еще в XVII веке. Я разумею, с одной стороны, *превращение старого военно-служилого класса в землевладельческий*, господствующий политически и социально над остальным народом, а с другой стороны — *постепенное порабощение земледельческого класса и полное развитие и господство крепостного права*. Тесное сочетание этих основных течений русской жизни и определило характер века Екатерины II: все черты быта были в связи с этим основным явлением.

Кроме того, на эпоху наложила сильную индивидуальную печать личность самой императрицы Екатерины II, предшественники которой только царствовали, а не управляли народом. В 1765 году Миних писал: «Русское государство имеет то преимущество, что оно управляется непосредственно Богом: иначе не может быть, так как же оно может существовать при таких порядках». Предшественники Екатерины не властвовали над людьми, люди властвовали над ними.

Это пассивное управление прекратилось со вступлением на престол Екатерины II, которая, умея приносиваться к обстоятельствам, создала сильную и автори-

тетную власть, проявила энергию и твердость во внутреннем управлении и во внешней политике: такой размер деятельности напоминал Петра и заставил депутатов комиссии 1767 года поднести Екатерине титул Великой. Екатерина вошла в историю крупной исторической личностью. Ее эпоху нельзя объяснить без объяснения ее замечательной личности, к чему мы теперь и обратимся.

Екатерина родилась 21 апреля 1729 года в скромной обстановке в городе Штетине, где ее отец Христиан Август Ангальт-Цербский был губернатором; этот княжеский род уже сильно обеднел и жил службой. В детстве Екатерина жила просто, играла с детьми, ее не звали принцессой. Уже с раннего детства появились черты, отличавшие ее потом как русскую императрицу — это самостоятельность, предприимчивость, любовь к мужскому делу. Сверстники вспоминали, что Фике (то есть Софья — лютеранское имя Екатерины) всегда была впереди всех и обыкновенно ближе к мальчикам, чем к девочкам. Это была здоровая, полная жизненных сил натура. Лица, помнившие ее в детстве, подтверждают это: она была хорошо сложена, с благородной осанкой, выражение лица ее было некрасивое, но влиятельное, причем открытый взгляд делал ее наружность привлекательной; такой Екатерина оставалась до старости. В то время в Германии воспитание детей обыкновенно поручалось французским эмигрантам, покинувшим родину при Людовике XIV. Общей моде последовали и родители Екатерины и пригласили ей в гувернантки француженку г-жу Кардель; придворный проповедник Нерар, учитель чистописания Лоран и учитель танцев были также французы. Из числа учителей принцессы известны только три немца: Вагнер — преподаватель немецкого языка, Лютер — законоучитель, пастор Дэве и учитель музыки Реллинг.

Из всех своих наставников у Екатерины осталась добрая память лишь о г-же Кардель. Это была, по отзыву Екатерины, живая, умная француженка: «Она почти все знала, ничему не учившись; она знала, как свои пять пальцев, все комедии и трагедии и была очень забавна».

Она приохотила принцессу к чтению Расина, Корнеля, Мольера и положила начало ее литературным вкусам. Но о других учителях Екатерина сохранила дурную память, а про учителя Вагнера прямо говорила, что он дурак.

Какие же результаты дало такое воспитание? И по собственному признанию Екатерины, и по отзывам других, результаты были *небольшие*. Екатерина сама писала потом, что дома ее воспитывали лишь настолько, чтобы выдать замуж за какого-нибудь князька.

Но, несмотря на такое скудное воспитание, Екатерина проявляла себя в детстве как умная и способная девочка. Один из друзей упрекал ее мать, что она мало занимается дочерью. По признанию Екатерины, у нее был критический ум: «Я по-своему понимала все». Эту привычку слушать одно, а думать другое подметила и г-жа Кардель и отзывалась про Екатерину, что «эта девица себе на уме» — «elle a un esprit gauche».

Но Екатерина едва ли со своими природными задатками и дарованиями пошла бы далеко, если бы случай не сделал ее женой русского императора.

Императрица Елизавета, озабоченная удержанием русского престола в руках потомков Петра I, вывезла в 1742 году из Голштинии герцога Голштинского Ульриха-Петра, сына сестры, Анны Петровны. В 1743 году, когда Петру исполнилось 15 лет, ему стали подыскивать невесту. Дипломаты сватали много знатных принцесс, дочерей английского, французского королей. Но эти сватовства не нашли сочувствия у Елизаветы, которая думала, что брак с богатой и знатной невестой будет неудобен, и предпочитала найти «бедную, но благородную сиротку». Выбор ее остановился на принцессе Софии. К политическому расчету здесь примешивалось то теплое чувство, которое питала Елизавета к матери Софии, сестре своего умершего жениха, принца Карла: ей приятно было видеть племянницу любимого человека.

В январе 1744 года принцесса София с матерью поехали в Россию. Перед отъездом отец вручил дочери памятку, как ей вести себя в чужой стране; эти наставления очень любопытны, так как они объясняют многое в поведении Екатерины. Самым важным вопросом для отца

был вопрос о перемене веры. Он рекомендовал дочери решить этот вопрос следующим образом: пусть она примет то, что сходно с лютеранской религией, а остальное отвергнет. Но после этого вполне определенного совета отец оставил дочери, на всякий случай, мостик для совести, сказав, что так как каждый живет согласно с личной совестью, то пусть она поступает так, как ей подсказывают ее убеждения. Затем шел ряд практических наставлений. Отец рекомендовал дочери оказывать наибольшее почтение императрице Елизавете, а потом великому князю, ее жениху; затем он советовал дочери не входить ни с кем в близкие сношения, чтобы потом не зависеть от них, милостиво смотреть на слуг, избегать крупной игры в карты, бережно расходовать карманные деньги, не дразнить Сенат, ни с кем особенно не дружить.

«Девочка себе на уме» была достойной дочкой своего папаша, тем более что обстановка, в которую она попала, заставила Екатерину действовать в духе этих наставлений.

Новая обстановка ошеломила и захватила Екатерину. В самом деле, она с матерью долго тащилась по Пруссии, ехали бедно, ночевать им приходилось, так как все постоялые дворы были переполнены, в хозяйской комнате, где жена хозяина утешала кричащих детей, тут же свиньи, поросята и другой скот, все замазано, грязно. Но все это как бы волшебством меняется, когда 6 февраля 1745 года мать и дочь прибыли в Ригу. Вокруг повозки, раньше одиноко ехавшей, появляются гофкурьеры, часовые, трубачи; им представляется генерал-аншеф, дворяне, везде роскошь, золото, бархат, серебро, шелк, все напоминает Екатерине, что она невеста русского наследника. Принцесса получает в подарок дорогую соболью шубу. Далее их везут в императорских саниях, обитых мехами, на 10 лошадях, их сопровождает эскадрон кирасир и целая свита придворных. В Петербурге новая торжественная встреча. Екатерине и ее матери представляются тысячи лиц высшей знати, военные, гражданские чины и духовенство. Из Петербурга с таким же почетом их везут в Москву, где была тогда императрица Елизавета. Тут встреча торжественнее;

не прошло еще и суток, как обе они жалуются орденом св. Екатерины. «Мы живем как королевы, всегда пышные выезды», — писала мужу княгиня-мать. Юная Фике была очарована не менее матери. «Моя дочь, — писала ее мать Фридриху II, — здорова и бодра. Нужно иметь железное здоровье, чтобы перенести все трудности путешествия и утомление придворного этикета. Моя дочь счастливее меня: ее поддерживает молодость. Подобно молодым солдатам, которые презирают опасность, потому что не сознают ее, она наслаждается величием, которое окружает ее».

Я остановился подробно на этом для того, чтобы выяснить, почему Екатерина не только покорила судьбе, но и употребила все средства, пошла навстречу союзу, который, как можно было видеть, не сулил ей личного счастья.

Темным пятном, и притом очень резким, в жизни Екатерины был ее жених. Петр был полной противоположностью Екатерине, цветущей, жизнерадостной, тактичной, умной, развитой не по летам женщины, которая очаровывала всех окружающих. Петр был больной, раздражительный человек, никого не любивший и никем не любимый. Этот принц и от природы получил не много даров, а нелепое воспитание искалечило его и сделало полуидиотом.

Петр нескольких лет лишился матери, а 11 лет отца; до 7 лет он был на попечении женщин, а затем его сдали на руки офицерам, которые стали учить его военному строю, произвели в унтер-офицеры и посылали на караулы и дежурства. Мальчик пристрастился к военщине: когда происходил парад, то он бросался к окну, чтобы любоваться этим зрелищем; наибольшим наказанием для Петра было, когда занавешивали окна, и он не мог видеть солдат.

После смерти отца мальчика сдали обер-гофмаршалу Брюммеру; это был злой интриган, тупой и развратный человек, более способный выезжать лошадей, чем воспитывать людей. Его воспитательная система вредно отразилась и на физическом, и на моральном развитии Пет-

ри. За столом он всегда бранил Петра и грозил наказать, так что тот сидел ни жив, ни мертв, и ничего не ел; нередко Петра и совсем оставляли без обеда. Другие наказания были таковы же: его ставили голыми коленями на порогах, привязывали к столбу, секли. Петра редко пускали на воздух; даже летом, когда все гуляли и играли, он в комнатах должен был танцевать с дочерью Брюммера.

Петра попеременно учили то русскому, то шведскому языку, смотря по тому, на какой престол ему открывалось больше шансов (Петр был внуком русского императора Петра I и шведского короля Карла XII); сообразно с этим к нему ходил то пастор Хоземан, то иеромонах русской посольской Кильской церкви. В результате принц не знал ни русского, ни немецкого Закона Божия, а потом по религиозным убеждениям был даже более лютеранином, чем православным. Его учили и латинскому языку, но он вселил в него только отвращение и настолько сильное, что, уже будучи русским императором, Петр приказал сжечь все латинские книги придворной библиотеки.

Когда Петр попал в Петербург, то кроме отвращения к науке он ничего не имел. Но дело нельзя бросить так, и его принялись учить русскому языку. Уроки Исаака Веселовского по русскому языку пропали даром. А Симон Тодорский Закону Божию Петра не выучил, а русскому языку обучил. Чтобы пополнить общее образование Петра, Елизавета пригласила ученого шведа Штелина, чтобы с приятным сочетать полезное. Три года Штелин смотрел с Петром картинки, делал модели, рассказывал русскую историю по медалям Петра Великого, смотрел планы и чертежи и т. д. Когда ученику не сиделось, то Штелин ходил с ним. Учитель пользовался всяким предлогом, чтобы сообщить ученику знания, и этим отравлял ему и занятия, и игры. Он старался все использовать, например, проходя по комнатам, он указывал на расписанные плафоны и попутно проходил мифологию; если попадалась им на глаза какая-нибудь машина, то Штелин объяснял тут же ее механизм; если им случалось увидеть пожар, то учитель объяснял Петру пожарные инструменты; на аудиенциях его обучали

придворному этикету и т. д. Эти не то занятия, не то развлечения, мешание дела с бездельем, не приучили мальчика к серьезному труду. Строгие требования были лишь относительно танцев, которые он проходил 4 раза в неделю, танцуя с фрейлинами. Таково было умственное и физическое воспитание великого князя.

Не лучше обстояло дело и со стороны моральной. С Петром грубо обращались, унижали его чувство достоинства и часто поступали несправедливо. Брюммер раз чуть не побил Петра палкой и только заступничество Штелина спасло его от этого наказания. Петр как бы застыл в ребячестве и вышел немощным и раздражительным. Он стал искать развлечений у лакеев, слушал их грубые рассказы и сам хвастал, что раз с отрядом голштинцев он разбил датчан; то часами Петр занимался тем, что расставлял оловянных солдатиков. Великий князь рано загрязнил свое воображение и приучился пить. Все усилия исправить его были тщетны.

Елизавета была в отчаянии и поэтому рада была женить Петра. Петр тоже обрадовался этому, так как своей невесте он мог говорить все, что ему вздумается. Он и поспешил заявить ей, что она сосватана ему и, хотя он любит другую, но рад жениться на ней. «Я краснела, слушая его, — писала Екатерина, — но благодарила его за откровенность, а в глубине души дивилась его бесстыдству». Иная девица пришла бы от этого в отчаяние, но Софья, закрыв глаза на то, с кем ей придется жить, думала о новой жизни, какую ей придется вести, и стала готовиться к ней.

Готовясь к своему новому положению, она стала учить русский язык и православное вероучение, часто вставая для этого по ночам. Занимался с ней Симон Тодорский. Раз Екатерина простудилась во время своих занятий и чуть не умерла: это сильно тронуло Елизавету, что Екатерина живота своего не щадит для познания православной веры; расположение Елизаветы еще усилилось, когда больная Екатерина пригласила к себе не лютеранского пастора, а православного священника. Судьба благоприятствовала Екатерине. В лице Симона Тодорского она

получила облегчение для перехода в православную веру. Это был образованный богослов, который внутренний смысл ставил выше обрядностей. Тодорский обращал больше внимания не на различия, а на сходства православного и лютеранского вероучений. После его уроков Екатерина писала: «Я не вижу различий между лютеранством и православием».

28 июня 1745 года принцесса Софья приняла православие и была наречена Екатериной Алексеевной; в тот же день она обручилась с Петром. Твердо шла Екатерина к своей цели. Когда захворал Петр, то Екатерина нежно ухаживала за ним; эта нежность и участие сильно тронули Елизавету, тем более что они были незаслуженными. Петр продолжал играть в куклы и в карты с лакеями. Императрица пришла в ужас, узнав о занятиях Петра с лакеями, и приказала Штелину стеречь его от лакеев, которые учили его, как обходиться с женой. Великий князь был капризен и в 17 лет стал уже настоящим самодуром.

По мере того, как приближалось время свадьбы, Екатерина становилась все меланхоличнее. «Сердце не предвещало счастья, — писала она, — но в глубине души было что-то, что не оставляло меня никогда, что я добьюсь самодержавия». Это что-то было уверенностью, что ее жених недолго будет государем и что она сама станет на его место. Этим объясняется то, что 25 августа 1745 года Екатерина стала женой Петра.

Целых 17 лет ждала Екатерина осуществления своей мечты. За это время она претерпела много опасностей, но зато в это время она прекрасно изучила среду, в которой ей придется действовать, образовала свой ум, овладела искусством приноравливаться к людям, одним словом, приготовилась к роли правительницы.

Семейная жизнь не удавалась Екатерине, Петр открыто признавался ей, что он любит одну фрейлину. У Петра были и другие симпатии и он был холоден к Екатерине. При таких условиях семейная жизнь была тяжела: каждый жил своими интересами, своими привязанностями и, надо сказать, своим сердцем.

До 17 лет великий князь продолжал детские забавы. На лакеев он устраивал полки, наряжал их солдатами,

устраивал службу, при этом грубил и позволял себе непристойные шутки. После людей Петр переходил к игрушкам, к оловянным солдатикам, делал им разводы, смотры, караулы. Все праздники Петр праздновал особым салютом: на столе, где стояли его солдатик, у него был особый шнур, натягивая и спуская который, он издавал звук, напоминавший ему ружейный залп. После кукол Петр принимался за собак и, дрессируя, бил их нещадно хлыстом, так что неистовый визг наполнял комнаты. Иногда Петр принимался терзать уши окружающих игрой на скрипке. Чаще же всего Петр просто ходил и болтал всякий вздор. Екатерина не чаяла, когда он уйдет от нее, до того тягостно было его присутствие; отношения между ними были невозможные. В церкви Петр вел себя непристойно, бранился, показывал язык, за столом он сыпал непристойными шутками и издевательствами. Елизавета не знала, что делать, и приказала канцлеру Бестужеву сочинить указ, чтобы окружающие удерживали великого князя от непристойных поступков, «чинимых во младости лет».

В 1755 году к Петру явились голштинские офицеры и солдаты; с ними он и стал проводить большую часть времени. Петр курил табак, пил мертвую, вел себя настоящим голштинским офицером. В пьяном виде Петр был прямо невозможен: от него доставалось всем, а особенно великой княгине, как писала она сама.

С первых же дней замужества Екатерина запаслась терпением. Для стороннего наблюдателя ее жизнь могла даже показаться приятной: она бывала на спектаклях, на балах, веселилась. Но все эти придворные выезды и торжества не заполняли *всей* жизни великой княгини: возвращаясь домой, молодая княгиня не встречала ни ласки мужа, ни занятий, ни дела и поэтому скучала.

От скуки Екатерина принялась за чтение и стала читать романы. Ей попались под руку письма m-me de Savinie. Живой слог изложения, смелость и ясность мысли, искренность этих писем подкупали к ним расположение читателя, и Екатерина прямо «пожирала» их, встречая в них много ноток, созвучных ее душевному

настроению. В 1746 году Екатерина стала читать сочинения Вольтера, которые много способствовали образованию и просвещению ее ума и головы, она стала разборчивее в чтении и потом писала Вольтеру, а также и другим, что Вольтер был ее учителем. Затем Екатерина обратилась к историческому чтению, читала историю Генриха IV, историю Германии Барра, мемуары Брантома, сочинения Платона, «Дух законов» Монтескье и исторические сочинения Тацита; когда вышел энциклопедический словарь Деламбера и Дидро, она принялась изучать и его.

Чтение оказало могучее влияние на духовную жизнь Екатерины, на ее понятия и чувства. Благодаря Вольтеру, Генрих IV стал ее любимым героем, и когда она хотела указать пример великого полководца, то указывала на него. Сочинение Монтескье «Дух законов» стало ее политическим евангелием. Словарь Бейля подвергал критике все вопросы и вместе с Вольтером убил в Екатерине все наивное и напичкал ее скептицизмом, которым была проникнута вся атмосфера первой половины XVIII века и к которому сама Екатерина была склонна. Энциклопедисты Дидро и Деламбер заложили в Екатерине начала рационализма, которым отличался весь просветительный XVIII век.

Но на Екатерину влияли и такие книги, как мемуары Брантона. Здесь в картинах рисовалась безнаказанность преступлений, оправдывался успех, чем бы он достигнут ни был, восхвалялись низкие инстинкты, словом, уничтожалось различие понятий добра и зла. В этой книге Екатерина читала, что разврат не мешает быть великим полководцем, что супружеская верность не обязательна, а для высокопоставленных дам излишня и даже преступна. Судя по дальнейшему, надо думать, что кое-что из этих «нравоучений» запало в душу Екатерины.

Летом она проводила время разнообразнее. Вот что она сама пишет про свое житье летом 1748 года в Ораниенбауме: «Поутру я вставала в три часа и одевалась сама с ног до головы в мужской костюм. Старый егерь ждал уже меня с ружьями; на берегу стояла рыбацья лодья; мы проходили садом с ружьями на плечах;

я, егерь, лягавая собака и рыбак садились в лодку. Я стреляла уток в тростнике по берегам Ораниенбаумского канала; нередко мы проходили весь канал и ветер уносил нас в море». Раз Екатерина чуть не погибла так в море. В то же время Екатерина пристрастилась к верховой езде. «Я не любила ездить на охоту, но любила верховую езду из-за ее опасностей. Мне случалось до 13 раз на дню садиться в седло». Потом Екатерина изучала верховую езду систематически. В этих развлечениях вместе с удалью и самостоятельностью соединялось здоровье, избыток сил, доходивший до резвости: видно, что тяжелые жизненные условия не сломили ее сильной натуры.

В 1754 году Екатерина исполнила настойчивое желание Елизаветы — родила сына. В ее записках сохранился недвусмысленный намек на то, что этот заказ императрицы был выполнен ею не при помощи супруга. Рождение ребенка обыкновенно дает другую полосу в жизни женщины. Елизавета, боясь потерять внука, не доверила уход за ним матери и отобрала его у нее; больную Екатерину бросили, и она чуть не умерла. То же повторилось через четыре года при рождении дочери. Екатерине, таким образом, не удалось материнство, она была родительницей, но не матерью; ее материнские чувства были грубо попорчены при самом их зарождении. Это не могло не отразиться на дальнейшей жизни Екатерины: ее нравственные силы были отклонены от семьи и направлены к политике.

В этой области Екатерине уже в 1754 году приходилось действовать практически. Муж ее занимался делами герцогства Голштинского, но всякие занятия были ему в тягость, и он передавал их супруге, которая и стала принимать послов и других лиц. Это была хорошая школа для будущей императрицы. Вопросы религии, финансов, торговли, промышленности с сопровождающими их борьбой, честолюбием — все это проходило через руки Екатерины. В занятиях делами герцогства Голштинского Екатерина приобретала не только правительственный опыт, но вместе с тем прояснялись и ее политические взгляды, зрела ее политическая мысль, которая была обращена не к Голштинии, а к России.

Ко времени 1759—1762 годов относятся собственно-ручные записки Екатерины, как бы ее политическая исповедь, из которой видно, что Екатерина думала о своем будущем царствовании в России и что мысль эта стояла у нее прежде всего. Эти записки обрисовывают ее, до некоторой степени, как будущую императрицу. «Я желаю блага стране, в которую привел меня Господь Бог, слава ее — моя слава... Хочу, чтобы страна была богата... свобода — это душа всего, хочу законного повиновения, но не хочу рабов... Хочу сделать счастье для всех, но не своею правотою и жестокостью, которые несовместимы с христианским учением и когда на своей стороне имеешь истину и разум... Следует объявить всем, что разум говорит за необходимость. Власть без доверия народа ничего не значит... Легко достичь славы тому, кто желает быть справедливым — все у него пойдет как нельзя лучше». Такой оптимизм, которым проникнута эта исповедь, не покидал Екатерину всю жизнь. В другом месте своих записок великая княгиня затрагивает более частные вопросы, она говорит о начальствовании, о финансах, о женском образовании, о судопроизводстве, о значении дворян, о причинах большой смертности, о бессмысленности пыток, о соединении Каспийского моря с Черным и т. д. В ее голове уже тогда носился целый рой вопросов, которые потом она разрешала в своей правительственной деятельности. В этих записках сказала вся Екатерина II с ее стремлением к популярности, с ее широкими замыслами, с самоуверенностью и некоторой похвальбой. Но по мере того, как развивались планы Екатерины на русский престол, надвигалась опасность, грозившая ей потерей положения. Екатерина должна была напрячь все силы, что она и сделала, и в конце концов она вышла победительницей в этой борьбе. Она нашла опору в обществе, сумела объединить нужных ей людей. А положение дел было крайне серьезное для Екатерины. Екатерина все более и более привлекала к себе расположение императрицы Елизаветы, тогда как с Петром Елизавета не могла пробыть вместе и четверти часа, плакала и жаловалась, за что Господь послал ей такого племянника.

Петр действительно становился все невозможнее. К его ребяческим выходкам стали присоединяться и серьезные действия. Великий князь стал слушать предложения о перемене престола, и подобная попытка была произведена уже в 1747 году. Это, конечно, не могло увеличить расположения к нему императрицы. Когда началась Семилетняя война, Петр завел с Фридрихом II секретную переписку, не скрывал своих к нему симпатий, открыто радовался неудачам русских войск и даже выдавал государственные тайны. Наряду с этим и в личной жизни Петр все более опускался, стал проигрывать крупные деньги в карты и т. п.

При таких обстоятельствах можно было ожидать отстранения Петра от престолонаследия, но это погубило бы и Екатерину. Но, с другой стороны, и достижение Петром престола не обещало ей ничего хорошего. Сердцем Петра завладела окончательно Елизавета Романовна Воронцова; впрочем, и Екатерина переживала в это время уже свой третий роман. «Я видела, — писала Екатерина, — что мне предоставляется на волю выбрать три одинаково опасных пути: 1) разделить свою судьбу с судьбой великого князя, 2) находиться от него в зависимости и ждать, что он сделает со мной, 3) или *сделать так, чтобы я не зависела от него*; при этом было три исхода, или погибнуть с великим князем, или погибнуть от него, или, наконец, спастись». Екатерина предпочла избрать третий путь.

В этом стремлении навстречу ее желаниям пошли все люди, окружавшие ее при Елизавете, которым не улыбалось будущее царствование Петра Федоровича; все эти люди ввиду общей опасности сблизились друг с другом. Английский посланник Вильямс доносил своему правительству, что великая княгиня чрезвычайно деятельна, что ее все любят и что лица, близкие к императрице Елизавете, желают сблизиться с Екатериной. Сам посланник тоже старался сблизиться с «восходящей звездой», без которой он не мог добиться никаких сведений. Таким образом Екатерина вошла в сношения с Шуваловым, Бестужевым, Апраксиным, Орловыми, Паниным и другими вельможами, из которых Григорий Орлов, кра-

сивый рослый гвардеец, бывший с ней в интимных отношениях, подготовил в ее пользу гвардейскую офицерскую молодежь.

Формируя свою партию, Екатерина раз подверглась сильной опасности. В 1757 году генерал-фельдмаршал Апраксин после битвы при Гросс-Эгерсдорфе, несмотря на то, что поле битвы осталось за ним, зачем-то отступил. Это было поставлено в связь с болезнью Елизаветы и с возможностью перемены престола, о которой будто бы писал Апраксину Бестужев. По настоянию английского и французского посланников он был арестован, у него была захвачена секретная переписка Екатерины с ним и с Апраксиным. Но, к счастью Екатерины, наиболее опасные, компрометирующие бумаги были уничтожены, а попались одни пустяки, по которым на нее нельзя было возвести обвинения, так что она осталась только на подозрении. С другой стороны, приближенные нашептывали великому князю, что пора раздавить изменницу, а приближенные Елизаветы советовали ей выселить Екатерину в Германию. Екатерина постаралась опять сблизиться с Елизаветой, что ей до некоторой степени удалось; императрица не выслала Екатерину в Германию, так как не могла примириться, что царствовать будет Петр. По-видимому, она хотела его отстранить, назначить императором Павла, а его мать назначить регентшей до его совершеннолетия. Но этого она не успела совершить. 25 декабря 1761 года Елизавета умерла, а на престол взошел Петр III.

С восшествием на престол Петра положение Екатерины стало еще опаснее. Император выказывал явную ненависть к Екатерине, проводил дни и ночи с Елизаветой Воронцовой. В день празднования заключения мира с Фридрихом II, 1 мая 1762 года, Петр за столом при всех называл Екатерину дурой и велел ее арестовать. Но Екатерину выручил дядя Петра, голштинiec принц Жорж. Это было только отсрочкой. В последних числах июня Петр возложил орден св. Екатерины на Елизавету Воронцову и опять распорядился арестовать Екатерину, которую вторично спас принц Жорж.

После двукратной попытки арестовать ее Екатерина убедилась, что ей не ужиться вдвоем с мужем и что кто-нибудь из них, он или она, должен погибнуть.

Петр со своей стороны сделал все, чтобы облегчить супруге достижение этой цели. Правда, первые распоряжения правительства, внушенные ему своекорыстными людьми, произвели на общество благоприятное впечатление: по указу Петра было возвращено из ссылки много лиц — Бирон, Миних, Лесток и др.

Затем, 18 февраля 1762 года Петр обнародовал манифест о вольности дворянства, в котором говорилось, что при Петре Великом нужно было принуждать дворян, чтобы они служили и учились, отчего произошло много пользы, умножилось число сведущих людей, но теперь уже нет нужды в принуждении. Манифест говорит, что дворяне могут служить, но могут и выходить в отставку, когда того захотят, кроме военного времени и за три месяца до начала войны. Неслуживые дворяне могут ехать за границу и поступать на службу к дружественным государям, но по первому требованию правительства должны вернуться на родину. Манифест выражал уверенность, что дворяне не будут злоупотреблять данной им свободой, будут сами служить, а детей своих будут учить наукам, и грозил ослушникам «презрением и уничтожением».

Освобождение от обязательной службы было общим желанием дворян, и некоторые шаги к нему были сделаны еще до Петра. Именно, срок обязательной службы был сокращен до 25 лет; затем дворяне, кончившие кадетские корпуса, специально для них учрежденные, начинали службу не рядовыми, а офицерами; кроме того, от обычая записывать в полки еще детей, 25 лет обязательной службы истекали для дворянина довольно рано. Мысль об окончательном освобождении дворян от обязательной службы была подсказана Петру, вероятнее всего, Р. Воронцовым, который имел свои виды упрочить это царствование, так как намеревался выдать за Петра свою дочь Елизавету.

Этими людьми была проведена и другая мера — уничтожение Тайной канцелярии и запрещение выкрикивать

ненавистное всем «слово и дело». Затем, в конце января 1762 года Петром был издан указ, позволявший беглым раскольникам возвращаться в Россию и селиться в Сибири и содержать свой закон по обычаю и по старым книгам. Это разрешение указ мотивировал тем, что в России живут и нехристиане — магометане и язычники, а раскольники все же христиане, «точию в суеверии и упрямстве пребывающие». Кроме того, была понижена цена на соль, составлявшую казенную монополию.

Но все эти меры не достигали своей цели, ибо дурные поступки императора возбуждали против него решительно всех.

Прежде всего Петр восстановил против себя духовенство. Монастырские и архиерейские крестьяне были отобраны им у духовенства и отданы в ведение Монастырского приказа, тогда как при Елизавете, государыне старорусского вкуса, любившей монашеский чин, они были возвращены в ведение духовенства. Указом 16 февраля 1762 г. Петр заменил церковную власть над крестьянами властью отставных штаб- и обер-офицеров, подчиненных Коллегии экономии. Крестьяне должны были платить кроме подушной подати еще 1 рубль, за что они наделялись землей. Все доходы с церковных имений на нужды церковных учреждений должны были идти через казну, а само духовенство получало жалованье по штату: 3 архиерея по 5000 рублей, а остальные по 3000 рублей в год, архимандриты десяти важнейших монастырей по 500 рублей, а архимандриты остальных монастырей по 100, 150 рублей, монахи по 6 рублей и 6 четвертей хлеба в год и т. д. Духовенство, перестав быть хозяином в своих имениях, сильно возмущалось на Петра.

Вышеприведенные меры касались только черного духовенства. Но и белое духовенство было в претензии на Петра за его указ, предписывавший брать в солдаты поповских и дьяконовских детей, не выучившихся грамоте, а также тех, которые живут при родителях без определенных занятий, дожидаясь дьяконовских мест. До этих детей церковников добирался еще Петр I, добрался и Петр III.

Раздражение увеличилось еще тогда, когда Петр призывал митрополита новгородского Дмитрия Сеченова и приказал ему, чтобы в церквях были иконы только Спасителя и Божьей Матери, а остальные иконы приказал вынести, и кроме того, чтобы священники сбрили бороды, сняли рясы и носили штатское платье, и чтобы все домовые церкви были запечатаны. Императора возмущал один старый обычай: иметь каждому прихожанину свои иконы и молиться на них, причем молиться другим на эти иконы запрещалось, отчего бывали дикие сцены. Эти остатки идолопоклонства бросились в глаза даже малоумному императору, но в своем распоряжении он зашел слишком далеко, так что попал в «иконоборцы»: русские люди думали, что император хочет ввести лютерскую ересь.

Кроме духовенства на императора была возмущена еще *гвардия*, так как еще в бытность великим князем Петр не скрывал своего отвращения к гвардейцам и называл их янычарами. Когда Петр сделался императором, то стал говорить, что гвардии скоро настанет конец, и стал во всем отдавать предпочтение голштинцам. Национальное чувство русских было задето за живое преклонением перед Фридрихом II, который сам был несколько раз бит русскими войсками. Негодовали также на прекращение Семилетней войны, на которую было потрачено столько русских денег и жизней. Вступив на престол, Петр не только велел прекратить военные действия против Фридриха II, но заключил с ним мир и вернул ему все завоевания и даже готов был воевать вместе с ним против своих вчерашних союзников. Петр повесил над своей кроватью портрет Фридриха, не расставался с прусским орденом Черного Орла и во всеулышание говорил, что для него воля Фридриха — воля Божия. Петр отнял у гвардии старые удобные зеленые мундиры, данные ей еще Петром I, и заменил их узкой формой прусского покроя. Он ввел строгую дисциплину и ежедневные экзерсии, чем отягчил все войска. Ни возраст, ни чин не давали облегчения старым офицерам, и они наравне с молодыми солдатами должны были месить грязь. Все его распоряжения имели вид какого-то

издевательства. Гвардия начинала открыто роптать. «По Петербургу, — пишет очевидец, — ходят люди, гвардейцы и въявь ругают государя».

Наряду с этим, всех шокировала личная жизнь Петра: не довольствуясь Елизаветой Воронцовой, он завел романы с итальянскими актрисами, и это тогда, когда Елизавета еще лежала в гробу. Ежедневно пьяный до обеда, за обедом он говорил такие вещи, что сердце кровью обливалось от стыда перед иностранцами. «Но особенно тяжело, — пишет современник, — когда Петр приходил куда-либо в гости. Он возил с собой табак и трубки, и вмиг вся комната наполнялась густым дымом, а государю то любо было, он шутил, говорил и хохотал; не успеют, бывало, сесть за стол, как гремят уже бокалы и столь прилежно, что все становятся как малые ребята и говорят страшную чушь; а однажды, вышедши с балкона в сад, стали они играть, прыгать, а друг друга повалить стараясь. А посему судите, каково нам было смотреть вельмож играющих и хохочущих, шум и бокалам гремение и государя пьяного».

Негодование на государя было сильно не только у знати, но скоро стало делаться и всенародным. Тупой, пьяный, невожатый Петр III был убежден, что весь мир существует для него, потерял способность правильно мыслить и был ослеплен своей властью.

Потеряв всякое чувство меры, Петр дал гвардии приказ выступить в поход против Дании за Голштинию. Гвардия была охвачена негодованием. Вскоре последовал второй приказ арестовать императрицу. Офицеры-заговорщики стали просить Екатерину стать во главе преданных ей людей и низвергнуть Петра. Этот совет, давно уже продуманный ею самой, Екатерина выслушала благосклонно, но медлила. В это время был арестован Пассек, один из заговорщиков. Арест Пассека вызвал опасения, что он выдаст кого-либо из заговорщиков, надо было торопиться, и Екатерина согласилась на переворот, который вскоре и последовал.

Переворот 28 июня 1762 года осуществил мечту Екатерины, которую она лелеяла целых 17 лет — сделал ее самодержавной русской императрицей.

Петр III, отрекшийся от престола и власти, временно был помещен в Ропшу, пока для него готовилась камера в Шлиссельбургской крепости. Но не прошло и недели, как Екатерина получила письмо от Алексея Орлова, написанное дрожащей, по-видимому, пьяной рукой:

«Матушка милосердая Государыня! Как мне изъяснить, описать, что случилось: не поверишь верному рабу своему; но, как перед Богом, скажу истину. Матушка! Готов идти на смерть, но сам не знаю, как эта беда случилась. Погибли мы, когда Ты не помилуешь. Матушка, его нет на свете... Но никто сего не думал, и как нам задумать, поднять руки на государя. Но, государыня, совершилась беда. Он заспорил за столом с князь Федором (Барятинским); не успели мы разнять, а его уже и не стало. Сами не помним, что делали, но все до единого виноваты, достойны казни. Помилуй меня хоть для брата. Повинную тебе принес, и разыскивать нечего. Прости или прикажи скорее окончить. Свет не мил: прогневили тебя и погубили души на век».

Вот свидетельство о смерти Петра. Очевидно, пьяный Петр заспорил и был убит. Есть известие, что Петр был задушен силачом Орловым.

Екатерина была потрясена этим известием, но не велела производить следствия. «Il faut marcher droit — je ne doit pas être suspecte» (надо идти прямо — я не должна быть подозреваемой), — так определила свою будущую политику Екатерина. В манифесте она объявила, что император впал в болезнь и волей Всемогущего Бога скончался.

Современное мнение обвиняло Екатерину в смерти мужа. Но письмо Орлова показывает, что если Екатерина в чем и была виновна, то только в сокрытии преступления.

Так началось новое женское правление, продолжавшееся 34 года и отличавшееся от прежних женских правлений тем, что во время него был проведен целый ряд важных реформ в области государственной и общественной жизни России.

Когда исполнилась заветная мечта Екатерины, когда она стала самодержавной русской императрицей, ей пред-

стояла еще более трудная задача — упрочить за собой престол.

Прежде всего трудно было дисциплинировать заговорщиков и ввести их в определенные границы. Каждый последний гвардеец считал, что воцарение Екатерины — это дело его рук. На первых порах Екатерина не только не властвовала, но с ней самой обращались не как с императрицей, а как с участницей заговора: к ней лезли со всевозможными претензиями. Екатерине приходилось все выслушивать и улаживать. Французский посланник доносил своему правительству, что интересно наблюдать, как в больших собраниях Екатерина хочет нравиться всем, как все толкуют ей разные вещи, а она старается всем угодить; значит, замечает посланник, она зависима. Екатерина сама писала Понятовскому, что ей приходится считаться с последним гвардейским солдатом.

Для удовлетворения заговорщиков Екатерине пришлось раздать всем им до 180 000 душ крестьян и до 180 000 рублей единовременно, не считая пенсий и позднейших наград. Особыми милостями были осыпаны братья Орловы, из которых трое — Григорий, Алексей и Михаил — были возведены в графское достоинство. Это обстоятельство удовлетворило Орловых и вскружило голову другим, из которых некоторые стали думать, как бы устроить другой переворот в целях собственного возвышения. Так произошла всем известная попытка поручика Мировича возвести на престол Иоанна Антоновича, содержавшегося в тюрьме; еще ранее были аналогичные попытки поручиков Гурьева и Хрущева. Затем многие говорили, что короновать следует Павла, а Екатерину объявить регентшей до его совершеннолетия. Некоторые из участников переворота — Рославлев, Хитрово — недовольные возвышением Орловых, стали интриговать. Иноземные наблюдатели считали положение Екатерины шатким. Английский посол писал своему правительству, что Екатерина сделала большую ошибку, возложив корону на себя, а не на Павла.

Но английский дипломат был не прав: Екатерина не только не ошиблась, но и прочно утвердилась на престоле

и установила сильную авторитетную власть. Ее выручили природный ум, тактичность, знание среды и необыкновенное искусство применяться к людям. Ее задача облегчалась тем, что ей приходилось действовать с разрозненными людьми, а не с какой-нибудь солидарной общественной композицией, не с определенным недовольством, а с брожением. Не удивительно поэтому, что Екатерина восторжествовала почти во всем и прочно уселась на престол, на который не имела решительно никакого права.

В 1762 году при вступлении на престол Екатерины русское общество *не проявило* конституционных стремлений, с которыми оно выступило при вступлении на престол императрицы Анны Иоанновны в 1730 году. Чем объясняется такой, по-видимому, шаг назад в сравнении с 1730 годом? Ведь момент, казалось бы, был удобный для перемены образа правления.

Прежде всего, надо указать на гибель вожakov конституционного движения 1730 года, многих из них сослали, казнили, а новых не народилось. Затем, важно также то, что дворянство, примкнувшее к движению 1730 года, теперь было склонно только к сословным интересам и схладело к политическим вопросам. Теперь вожаки дворянства с князем Черкасским во главе не чувствовали нужды в перемене правления. Кроме того, царствование Елизаветы было неблагоприятно для развития конституционных стремлений. Государыня мало занималась управлением, и знать фактически держала все в своих руках. При Елизавете возвысилось значение Сената, где заседала та же знать и дворянство; но из этих лиц никто не достигал того положения, которым раньше пользовались фавориты. И кто бы мог забрать власть в свои руки? Только два лица — Разумовский и Иван Шувалов. Но Разумовский — это был ленивый, не интересовавшийся государственными делами человек, живший в роскоши и наслаждавшийся ею; а Шувалов был деликатный, ласковый человек с высокими стремлениями. Личные качества императрицы были таковы, что они не могли никого особенно возбудить против нее и вызвать горькие чувства и раздражение на деспотизм и

стремление свергнуть его. Царствование Петра III могло бы, конечно, возбудить общественную оппозицию, но оно было слишком кратковременно, чтобы общественное раздражение могло вылиться в какое-либо определенное течение. Поэтому Екатерина и должна была считаться не с конституционными домогательствами, а с простым хозяйничаньем знати, которому она и решила положить конец.

6 июня 1762 года Екатерина издала манифест, в котором было всенародно объявлено: «Наиторжественнейше обещаем Нашим императорским словом узаконить такие *государственные установления*, по которым бы правительство любезного Нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имеет». Эта неопределенная фраза подавала повод к толкованиям, что Екатерина введет известное конституционное устройство. На самом же деле под именем «государственных установлений» Екатерина разумела знать, сосредоточившуюся в *Сенате*, и намекала именно на него.

В исполнение предначертаний Екатерины Никита Иванович Панин представил ей проект устройства верховного правительства. В объяснительной записке Панин вооружился против совмещения в Сенате исполнительной, законодательной и судебной власти (Сенат на самом деле, как видно из практики, писал императорские указы). Панин подчеркивал, что Сенат должен лишь блюсти законы, а не создавать их. Так раскрывается содержание неопределенной фразы манифеста 6 июля. Чтобы восстановить значение верховной власти, Панин предлагал учредить «Верховное Лежислатство» (то есть верховную законодательную власть), решения которого идут на соизволение монаршей власти. Таким верховным местом, которое должно во всем способствовать самодержавной верховной власти, является *Императорский Совет* из 6 или 8 персон, заседающих под председательством императрицы.

Прежде чем излагать этот проект, надо оговориться, что Панин был поклонником шведских учреждений, и что Императорский Совет является не конституционным, а совещательным учреждением; но Панин надеялся, что

со временем он сумеет приобрести себе и законодательную власть. Из 6 членов Императорского Совета 4 министра (иностранных дел, внутренних дел, военный, морской), ведению подлежит все, что по существу своему подлежит ведению верховной власти; что идет на решение государя, то теперь должно идти на решение Императорского Совета, который должен составлять с государем неразрывное целое. По определению проекта, «Императорский Совет есть не что иное, как то самое место, в котором мы об империи трудимся, и потому все, доходящие до нас, яко до государя, дела должны быть по их свойству разделяемы между теми статскими секретарями (министрами), а они по своим департаментам должны их рассматривать, вырабатывать, в ясность приводить, нам в Совете предлагать и по ним отправления чинить по нашим резолюциям и повелениям» (ст. 5). Порядок дел в Императорском Совете должен быть следующий: дела, подлежащие ведению какого-нибудь министра, докладывались им, обсуждались в Совете и на окончательную резолюцию или к государю. Как на аналогию Императорского Совета можно указать на папский конклав: папская власть абсолютна, но ее решения проходят через конклав.

С учреждением Императорского Совета Сенату оставалось одно только текущее управление. Панин предлагал разделить Сенат на 6 департаментов, в которых и должны решаться дела, а общему собранию Сената должны докладывать лишь дела, вызвавшие разногласия в департаментах.

Сначала Екатерина сочувственно отнеслась к этому проекту и даже подписала манифест об учреждении Императорского Совета. Но затем не столько умом, сколько инстинктом Екатерина поняла, что тут дело неладно и дала проект на рассмотрение приближенным лицам, которые отнесли к нему отрицательно. Генерал-фельдцейхмейстер Вильбоа сказал ей, что автор проекта склонен к аристократическому правлению. Ведь императрица, рассуждал он, и так усвоила себе взгляд, что личные распоряжения государя не могут идти против мнения Государственного Совета, но зачем же делать

обязательным проведение закона через него. Ведь дело и том, «что влиятельные члены обязательного и государственного законом установленного совета (особенно, если обладают достаточным к тому своеволием, честолюбием и смышленостью) весьма удобно могут вырасти и соправители». Вильбоа понимает, что «благоразумие и ее (то есть императрицы) светлый взгляд не нуждаются ни в каком особенном совете, но ее здоровье требует облегчения от несносной тягости восходящих до нее нерасследованных дел», поэтому он и предлагает разделить личный кабинет императрицы на департаменты, секретари которых должны принимать входящие бумаги, отпускать исходящие бумаги и докладывать дела и бумаги императрице для резолюции и подписания, а затем уже чинить исполнение. В эти секретари императрица может выбирать кого ей угодно из умных и полезных людей, так зачем же ограничивать ее известным, обязательным кругом лиц. В заключение Вильбоа говорит: «Русский государь необходимо должен обладать неограниченной властью. Императорский же Совет, напротив, слишком уж приближает подданного к государю, и у подданного может явиться желание поделить власть с государем».

Против проекта Панина высказался и Бестужев-Рюмин. Он указал Екатерине на опасность учреждения совета, с которым *необходимо* делиться властью.

Теперь Екатерине дело стало ясным, и она надорвала уже подписанный ею манифест об учреждении Императорского Совета. Так рухнула попытка устроить на Руси нечто вроде конституционного правления.

Екатерина организовала совет, но не постоянный, а из лиц по ее собственному выбору, еженедельно собиравшийся во дворце. В него входили Бестужев-Рюмин, Панин, вице-канцлер Голицын и др. Екатерина не могла обойтись без совета, она им пользовалась, но не как учреждением, а как собранием угодных ей советников.

Но проект Панина не пропал даром, и его предложение о разделении Сената было исполнено. В 1763 году Сенат был разделен на 6 департаментов, и его общие собрания с тех пор стали происходить редко. Все дела

начинались и окончательно решались в отдельных департаментах, а в общие собрания вносились лишь в случае разногласия. Раздробив Сенат, Екатерина увеличила власть *генерал-прокурора*, сделала его контролером и предоставила ему много дел, которые изъела из ведения Сената. Благодаря этому генерал-прокурор сделался как бы министром юстиции и внутренних дел, от него были отделены только 3 коллегии: иностранных дел, военная и морская.

Екатерина умалила Сенат и в области законодательной власти: у него было отнято право толковать законы и предписано исполнять их буквально. Сенату было вменено в обязанность обо всем докладывать императрице. Сенат, бывший при Елизавете фактическим правительственным, государственным учреждением, при Екатерине снизошел до исполнительной власти.

Так Екатерина не только утвердила за собой престол, но и сосредоточила такую власть, которой еще не было после смерти Петра I. Она стала самодержавной не только по титулу, но и на самом деле.

Екатерина без колебания взялась за управление и сразу обнаружила кипучую правительственную деятельность, смотрела бумаги, делала на них заметки и т. д. Резкий тон, которым она делает замечания Сенату, указывает на ее повышенное самомнение; Екатерина смотрела сверху вниз, самоуверенность осталась ей присущей до самой смерти. Эта самоуверенность Екатерины в своих силах питалась фактическим состоянием тогдашней русской правительственной деятельности. Возьмем, например, Сенат. Задав всякую самодеятельность в подчиненных органах, Сенат сам не справлялся со своими делами и вершил их кое-как и зачастую подолгу. Одно дело о выгоне города Мосальска Сенат слушал 6 недель. Сенат не знал точно, какой воевода в каком городе, не знал и числа городов, карты России он не имел. Раз Екатерина, будучи в Сенате, узнав это, рассердилась и, дав 5 рублей, послала купить атлас Кириллова, вышедший в 1745 году.

Сенат не знал точного количества доходов империи и при восшествии Екатерины на престол донес ей, что до-

ходов 16 000 000 рублей. Екатерина сразу, на глаз, определила, что доходов должно быть больше, и назначила комиссию из Вяземского и Мельгунова, которая несколько лет считала доходы государства и насчитала их до 23 миллионов. Екатерина приписывала это запущенности, отсутствию энергии у Сената и у других учреждений и полагала, что лишь монархическая власть может наладить ход государственной машины.

Сама Екатерина проявляла колоссальную работоспособность. Она вставала в 5 часов утра и тотчас же принималась за дела. Министры говорили про императрицу, что она работает 15 часов в сутки. Тут ей помогло ее энциклопедическое образование. Стараясь тщательно подбирать лиц, Екатерина думала устранить недостатки: нередко она выступала в роли воспитательницы. Редко у кого из государей исполнение обязанностей связано с таким чувством ответственности; и в то же время Екатерина обладала редким оптимизмом и верой в свои способности, в свою непогрешимость. Этот оптимизм объясняется отчасти ее собственной крепкой натурой, а отчасти влиянием века. Екатерина вынесла из французской политической литературы идею о всемогуществе законодательной власти, а так как она считала себя умной, то верила, что может дать хорошие законы. Эти психологические объяснения необходимы для того, чтобы понять вполне деятельность и личность Екатерины.

Тяжела была задача, взятая на себя Екатериной: государство было в крайнем расстройстве, финансы были истощены, армия два месяца не получала жалованья, торговля была в жалком состоянии, ни в чем не было системы, военное ведомство было в долгах, а морское едва влачило свое существование, духовенство было недовольно отнятием земель, заводские и монастырские крестьяне были в открытом непослушании, а к ним готовы были присоединиться и помещичьи, правосудие было дорого, что вызывало всеобщий ропот.

Итак, Екатерине предстояли следующие четыре задачи: 1) *улучшить финансы, упорядочить хозяйство*, 2) *решить вопрос о церковных имуществах*, 3) *умиротворить*

крестьянское население, 4) упорядочить и удешевить судебный процесс.

Екатерина сначала стала решать эти вопросы сама, но затем убедилась, что одних этих мер недостаточно и что ей нужно призвать себе на помощь широкое содействие общества. Но прежде, чем дойти до сознания, что без содействия общества ей не обойтись, Екатерина стала действовать при помощи *бюрократии*.

На первый план выдвигался сам собой *вопрос денежный*. Екатерина увидела, что получается мало косвенных доходов, что свидетельствует об упадке торговли, и приписала это развитию казенных монополий. Поэтому указом 31 августа 1762 года она разрешила вывозить на продажу за границу хлеб, соленое мясо из всех портов с уплатой половинной пошлины. Этот указ уничтожал также все стеснения при ввозе товаров, тяготевшие над некоторыми портами: это еще Петр I обложил высокой пошлиной товары, идущие через Архангельск, с целью отвлечь торговлю в Петербург. Теперь Екатерина уничтожала эти ограничения, справедливо полагая, что если они и приносят некоторую пользу Петербургу, то в общем причиняют казне зато больший вред. Отданы были в вольную торговлю узкий холст, ремень, шелк, бобровые меха (раньше эти товары составляли монополию казны); уничтожены были откупы на рыбные, бобровые и тюленьи промыслы. Всеми этими мерами Екатерина надеялась оживить торговлю.

В 1763 году Екатерина созвала комиссию «для рассмотрения коммерции государства Российского». Эта комиссия рекомендовала ей уничтожить пошлины с посылок за границу. Екатерина брала на себя инициативу в деле расширения торговли, она вошла участницей в компанию для торговли с Италией и за свой счет снарядила корабль, который в 1764 году прибыл в Ливорно, нагруженный русскими товарами.

Для оживления торгового оборота Екатерина пришла к мысли увеличить само *число денег и организовать кредит*. В 1763 году на одном из заседаний Сената Екатерина высказала мысль, что в России находится в обра-

щении не более 5 000 000 рублей денег. Уже во времена царя Алексея Михайловича чувствовалась необходимость пополнить количество денежных знаков, так как благородных металлов было мало. Екатерина решила чеканить медные деньги по 16 рублей из пуда. Так и появились большие екатерининские пятачки, попадающиеся еще и теперь.

Ввиду того, что эти деньги были неудобны для торговых оборотов, Екатерина заявила, что желает устроить в разных местах банки, чтобы можно было делать на них переводы и таким путем избавиться от перевозки тяжелых денег. В 1764 году Екатерина велела бить золотую монету 88-й пробы, империалы и полуимпериалы, с тем расчетом, чтобы золотая монета была дороже серебряной в 15 раз. Но кредит было трудно организовать, Екатерина велела, чтобы банки принимали и частные вклады с тем, чтобы выдавать ссуды из них только частным лицам. Эти меры вводились не сразу, а постепенно.

Для удовлетворения текущих потребностей Екатерине пришлось увеличить как прямые, так и косвенные налоги. В 1763 году была увеличена цена вина на 30 копеек с ведра, а пива и меда на 5 копеек с ведра. Но увеличение цены казенного вина вызвало сильное развитие корчемства и сильное сокращение потребления казенного вина. Это зло приняло такие размеры, что с ним стало невозможно бороться. «В корчемстве, — писала Екатерина, — столько виновных, что наказывать их нельзя». Продажа казенного вина происходила двумя способами: она или отдавалась на откуп, или поручалась городским ратушам. Откупщики так много платили в казну, что самим им приходилось продавать без барыша, поэтому они сами сплошь и рядом покупали и продавали контрабандное вино; что же касается ратуш, то тут, по отзывам современников, происходили «великие подлоги, утайки и тяжбы». Екатерина долго билась над этим вопросом и в конце концов решила созвать комиссию, которая бы указала ей, что делать с вином. Комиссия высказалась за то, чтобы отдать продажу вина на откуп, но не с ведрами, как прежде, а оптом с целой местности. Сенат согласился с этим, и 1 августа 1764 года родилась та откупная

система, которая существовала около 100 лет вплоть до отмены ее при Александре II. Доход с откупов простирался до 4 000 000 рублей в год, что равнялось пятой части тогдашнего государственного дохода.

Что касается мер увеличения *прямых* налогов, то Екатерина позаботилась произвести новую *ревизию*, так как подати (подушная) собирались по ревизским сказкам. Распоряжение о производстве третьей ревизии было отдано еще Елизаветой, но не было приведено в исполнение. Новая ревизия была сущим бедствием для населения. Не говоря уже о том, что к старым плательщикам присоединялись еще новые, сам процесс производства ревизии для населения был разорителен. Ревизоры прямо обирали и помещиков, и крестьян; от ревизии, как от морового поветрия, народ бежал, преимущественно в Польшу. Ревизоры за взятки или показывали меньшее число жителей, или, если им было дано мало, показывали большее число жителей, а так как подати вносились не каждым отдельным плательщиком за себя, а по раскладке всем миром или помещиком оптом за всех крестьян, то это было разорительно как для крестьян, так и для помещиков.

Ввиду этого Екатерина решила изменить порядок производства ревизии. Она предписала Сенату, чтобы каждое селение через своих помещиков или старост вычисляло наличное число ревизских душ, свою ревизскую сказку пересылало бы в воеводскую канцелярию, воеводская канцелярия пересылала бы губернатору, а губернатор уже в Сенат. В скором времени оказалось, что воеводские канцелярии отказываются принимать без взяток от старост их ревизские сказки; тогда Екатерина предписала отправлять ревизские сказки в воеводские канцелярии по почте. При таком способе переписи, конечно, были утайки, но ведь утайки были и при ревизорах, и поэтому Екатерина решила, что лучше уж пусть происходит так, по крайней мере ревизоры не будут разорять население. Тем не менее были объявлены строгие наказания за утайку ревизских душ. В общем Екатерина не ошиблась в своем расчете; ошиблась она только в расчете на скорость переписи, которая была окончена только

к 1 июня 1768 года. Но все же расчет Екатерины оправдался, ибо всех ревизских душ теперь (для 1764 г.) оказалось 7 363 348, тогда как по второй ревизии их значилось всего 6 614 529, то есть плательщиков прибавилось более чем на 700 000.

В связи с вопросами государственного хозяйства выдвинулся *вопрос о церковных имениях*. Уже Петр III приступил к его разрешению и распорядился все церковные имения взять в Коллегию экономии, которая должна была только часть доходов отдавать на содержание духовенства. По восшествии на престол Екатерины духовенство подало ей челобитную о возврате отобранных у него имений. Сенат обсудил челобитную духовенства и решил вернуть ему отобранные имения, но с церковных и монастырских крестьян, кроме подушной подати, брать еще 1 рубль, из которого 50 копеек шли в казну на содержание инвалидов и 50 копеек на духовенство. Монастырские крестьяне должны были управляться собственными выборными старостами и освобождаться от присуда Коллегии экономии, управлявшей через своих отставных офицеров. Указом 12 августа 1762 года коллегия экономии с ее офицерами была «отставлена», то есть уничтожена. Но мнение Сената о разделении доходов не было принято Екатериной. Духовенство обещало платить государству оптом за все церковные имения 300 000 рублей в год.

Но жадные часто расплачиваются за свою жадность, так случилось и с духовенством. Когда духовенство предлагало этот платеж, Екатерина не знала еще, согласиться или нет. По предложению новгородского митрополита Дмитрия Сеченова была образована комиссия из светских и духовных лиц для сочинения «штатов» духовенству и монастырям. Когда заседала эта комиссия, монастырские крестьяне, не желая принадлежать опять духовенству, сильно взбунтовались. Это было на руку Екатерине, и по ее предначертанию комиссия решила восстановить Коллегию экономии с ее отставными штаб- и обер-офицерами, которые управляли церковными вотчинами и выдавали из собираемых ими денег на содержание архиереев

и училищ. Духовенство теперь уже не было в состоянии возражать против этого.

Монастырских крестьян было отобрано в казну до 911 000 душ, не включая сюда губернии Херсонскую, Екатеринославскую, Харьковскую, Курскую и всю Малороссию. Решено было, чтобы каждый бывший церковный крестьянин, кроме подушной подати, платил еще за землю 1 рубль 50 копеек с души, что давало в общем 1 366 299 рублей в год. Из этой суммы 149 500 рублей шли на содержание архиерейских домов, почти 175 000 на содержание 676 мужских монастырей, вошедших в штат, 33 000 — на содержание женских монастырей и т. д. Что касается остальных монастырей, не имевших крестьян, то 161 из них, которые могли жить своими средствами, были оставлены, а остальные упразднены. Каждый архиерейский дом должен был содержать кроме архиерея еще богадельню и духовную семинарию.

Так был решен вопрос о церковных имениях, поставленный на очередь еще в начале XVI века при царе Иване III. Решение его в пользу государства имело крупные последствия. Секуляризация, лишив церковь ее материального обеспечения, лишила ее и самостоятельности и независимости от государства, которое с тех пор получило полное господство и торжество над ней.

Кроме задач упорядочения финансов перед Екатериной стоял грозный *крестьянский вопрос*. Екатерина говорила потом, что в начале ее царствования в явном возмущении было 49 000 заводских и до 150 000 помещичьих крестьян.

Для усмирения заводских крестьян Екатерина отправила князя Вяземского. В данной ему инструкции Екатерина поручала сначала привести крестьян «в рабское повиновение и послушание», затем сыскать подстрекателей и, наконец, исследовать те злоупотребления, которые привели заводских крестьян к возмущению. Екатерина боялась быть в данном случае справедливой и, чтобы не поднять еще большего возмущения, виновных приказчиков приказывала наказывать нестрого и тайно от крестьян. Усмирив крестьян и сыскав зачинщиков, Вя-

веземский должен был расследовать состояние заводов и узнать, не лучше ли вместо крепостных употреблять рабочих по вольному найму и таким образом предотвратить беспорядки.

Вяземский исполнил данное ему поручение: крестьян усмирил и представил записку, в которой излагал причины их волнений. Эта записка очень любопытна в качестве описания жизни заводских крестьян. Крестьян, вопреки закону, приписывали к заводам не целыми деревнями, а отдельных по выбору, чиня этим им сильное отягчение. Затем, работы на заводе были так велики, что никто не мог выполнить своего урока, не говоря уже о том, чтобы оставалось свободное время. Иногда приписывали крестьян, живших от завода верст за 400, так что они теряли много времени на проход туда. При таком положении дел заводы не приносили прибыли, а крестьяне бедствовали и бунтовали.

Результатом этой записки был указ Берг-коллегии, который предписывал объявить заводчикам, что крестьяне восстали не сами, а послушавшись по простоте своей наущения злоумных людей; но так как крестьяне несли большие отягчения от заводчиков, то и содержатели заводов не могут искать своих убытков. Так, Екатерина оштрафовала заводчиков за отягчение крестьян. Затем заводчикам предлагалось войти в мирное соглашение с крестьянами относительно работы.

Но это были совершенно платонические пожелания. Екатерина сознавала это сама, и в 1765 году была создана комиссия, чтобы решить вопрос, не лучше ли заводы из партикулярных рук отобрать в казну на ее содержание. В своих записках Екатерина признается, что возмущения заводских крестьян происходили до тех пор, пока крупные заводы не были отобраны в казну и в 1779 году не был издан манифест, таксировавший размеры работы на заводах.

Еще труднее был вопрос о помещичьих крестьянах, которые бунтовали в разных местах России. Усмирять их Екатерина послала Бибикова с солдатами и пушками, который исполнил ее поручение, причем некоторые селения пришлось бомбардировать.

Но все эти меры не были решением крестьянского вопроса. Справедливость требовала, чтобы после манифеста 18 февраля 1762 года, освобождавшего от обязательной службы государству дворян, последовало бы освобождение крестьян от обязательной работы на дворян, службу которых они обеспечивали. Это сознание и подняло крестьянские массы и привело их в волнение. Но государственные основы крепостного права затмились в сознании правительства и высших классов и заменились частно-правовой точкой зрения. Екатерина, обязанная дворянам своим восшествием на престол, не могла отклониться от этого взгляда, и в манифесте, изданном в начале царствования, она прямо заявила, что благосостояние государства требует, чтобы «все при своих имениях и правостях сохраняемы были, и мы намерены помещиков нерушимо во владении сохранять и крестьян им содержать».

Легко сказать, но трудно было выполнить эту программу. Крестьян усмиряли военной силой, а они отвечали на это побегами в Польшу. Эти побеги были так сильны, что встревожили правительство. Одним из побуждений русского правительства произвести раздел Польши, которое разделялось и дворянством, было желание уничтожить ту область, куда укрывались беглые крестьяне. Частные меры, вроде амнистии вернувшимся на родину и даже посылки военных команд в Польшу, не помогали общему положению дел: *необходимы были не частные, а общие меры.*

Екатерина была озабочена этим вопросом, и вскоре Петр Иванович Панин подал ей доклад, в котором указывал на причины крестьянских побегов и на меры их пресечения. Интересно послушать от дворянина XVIII века, как жилось на Руси крестьянам. Из России в Польшу бежало много раскольников. Панин объясняет это строгостью корыстолюбивого духовенства. Затем, крестьяне бежали от рекрутских наборов и от привычки продавать крестьян из своих деревень другим помещикам для зачета рекрутов, требуемых с крестьян того помещика. Панин считает возможным добирать лишних рекрутов в другой деревне того же помещика, если в какой-нибудь

его деревне не хватает рекрутов, но продавать крестьян другим помещикам для зачета в рекруты Панин считает совершенно недопустимым. Затем он указывал на дурное содержание рекрутов до распределения их по полкам: рекрутов обирали, заставляли работать, оставляли без помещения, так что зимой они целый день проводили на морозе, а ночь в жаре в торговых банях. Панин указывал также на безграничность власти помещиков, роскошь которых заставляет употреблять труд своих крестьян свыше меры. Общие условия жизни также были неблагоприятны: дорогие цены на соль и вино и их монопольная продажа. Много, по Панину, значило неправоудие, нерадение и лихоимство администрации. Тут уже затрагивался вопрос, полезный не только для одних крестьян.

Для возвращения беглых Панин рекомендовал Екатерине вернувшихся раскольников облагать небольшой подушной податью в 2 рубля 70 копеек; крестьян, вернувшихся из-за границы не возвращать прежнему помещику, с которым они не ужились, а платить ему выкуп в 100 рублей, а крестьян зачислять в казенные, а если возвращались дети или внуки бежавших, то помещики не получали ничего. С деревень и городов, которые лежат не далее 70 верст от границы, Панин предлагал совсем не брать рекрутов, а брать выкуп в 100 рублей на вербовку вольных людей в гусарские полки. Затем надо запретить продажу рекрутов в чужие деревни, а вообще же продажу крестьян разрешить только семьями. Так как много крестьян бежало от рекрутчины, то Панин предлагал издать закон «для приласкания идущих в солдаты и для утешения разлучающихся семей», то есть предлагал гуманное отношение к солдатам. Затем, вследствие того что многие крестьяне бежали по вине помещиков, Панин предлагал сочинить «примерное уложение для работ», но не опубликовать его, а тайно разослать губернаторам, которые должны были руководиться им при усмирении волнений. В этом «уложении» Панин рекомендовал требовать с крестьян 4 рабочих дня в неделю, считая нормальным рабочим днем, если крестьянин вспашет 1 десятину,

скосит три четверти десятины сена или нарубит полторы погонных сажени дров.

Но опять-таки легче было написать, чем исполнить все это. Екатерина увидела всю непрактичность этих мер, поняла, что вопрос лежит глубже, и стала искать новые пути. Об этих путях и о тех применениях, которые она сделала из них, речь будет впереди. Пока же мы остановимся на одной стороне вопроса.

Дело в том, что препятствием к раскрепощению крестьян была *незначительность населения*. На вольнонаемном труде нельзя было построить ни частного, ни казенного хозяйства, и поэтому правительство поневоле «приписывало» крестьян, а помещики укрепляли их за собой. До чего велика была нужда в крепостном праве видно из того, что даже депутаты торгового сословия в «Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения» просили себе права иметь крепостных, мотивируя это тем, что не из кого им нанять надежных приказчиков. Екатерина поняла это и стала заботиться о приращении населения в России.

Екатерина, будучи поклонницей французской просветительной литературы, верила, что в том государстве процветают образование, наука, искусство, торговля и промышленность, в котором много населения. В этой уверенности есть доля правды, так как, действительно, при более густом населении жизнь вообще идет ускоренным темпом. И вот Екатерина указом 15 октября 1762 года велела Сенату принимать в Россию без доклада всех иностранцев, кроме евреев. Так как иностранцы боялись ехать в Россию, опасаясь притеснений, то была устроена особая канцелярия «опекунства иностранцев», президентом которой был назначен Орлов. Иностранцам по желанию позволялось записываться в купцы, в цеховые любых городов или селиться особыми колониями. Они получали гарантию в свободе исполнения своей религии, разрешение строить церкви и держать пасторов и обращать в свою веру магометан. Им запрещалось только строить монастыри (это относилось к католикам) и совращать православных. Колонисты получали льготы на 20 лет, а поселившиеся в го-

родах — лет на 5–10; каждый из них по прожитии 10 лет три года получал денежное вспомоществование. Все колонии получали самоуправление.

Так было положено начало иноземной колонизации Поволжья и южных степей, если не считать иностранной колонизации, которую производила в военных целях Екатерина, поселяя на пограничных линиях сербов.

Предоставляя льготы иноземцам, Екатерина имела в виду не только одно численное увеличение населения, но и культурное влияние их на русских. Но эта надежда ее не оправдалась: иностранцы до самого последнего времени жили особняком, не сообщаясь с остальным населением.

В интересах гуманности Екатерина заботилась и о «зазорных детях», то есть о незаконнорожденных. В 1763 году Екатерина утвердила план генерального Императорского Воспитательного дома, который через год и был открыт в Москве, а несколько позже и в Петербурге.

Панин указывал на страшное неправоудие и нерадение администрации. На это зло указала и императрица в своем манифесте от 18 июля 1762 года. «Ищет ли кто, — писала она, — защиты от клеветы, он обороняется деньгами, клеветает ли кто, он действует тоже ими... Судьи свое священное место в торжище превратили. Звание судьи почитают данным для доходов на дом, а не за службу Богу, государю и отечеству... Берут не только за незаконные дела, но и за те, за кои монаршее благоволение следует». Екатерина была очень расстроена, узнав, что новгородский губернский регистратор Яков Ренберг брал деньги за привод к присяге на верность ей.

Господствующее лихоимство Екатерина объясняет тем, что на должности назначают людей без разбора, и тех, которые не имеют пропитания, отсылают к делам, а денег им не платят.

Действительно, после Петра I у нас водворилась еще более откровенная система кормлений, чем в былое время в Московской Руси, где дьяки, подьячие и разные приказные люди какое-никакое, но все же получали денежное жалованье, а после Петра люди определялись на

3-1255

должности совершенно без жалованья с тем, чтобы они кормились от дел. 15 декабря 1763 года Екатерина издала манифест о назначении жалованья чиновникам по штату, служащим не только в столице, но и в провинции. Этот манифест был крупным шагом вперед в деле государственного управления. Последовательность требовала и назначения пенсий, что и было сделано: за 30 лет службы была назначена пенсия.

Кроме лихоимства чиновническое управление страдало от их полной индифферентности: подчиненные органы не проявляли никакой инициативы. Это объясняется отчасти тем террором, который был наведен на чиновников в царствование Петра I: чиновники во избежание ответственности или даже просто объяснений ничего не делали по собственному почину, исполняли только то, что приказывало начальство.

Такую индифферентность Екатерина склонна была объяснять тем, что Сенат лишил подчиненные органы инициативы. Но дело заключается не только в этом. Еще в Московском государстве подчиненные органы были исполнителями приказаний свыше: централизация — это давнишний злой факт русской жизни. Екатерина считала централизацию крупным недостатком и старалась противодействовать ему.

В 1764 году она издала инструкцию губернаторам, объясняющую им их права и обязанности. Здесь Екатерина объясняет, что губернатор — это хозяин губернии, ответственный за нее перед государем, который должен заботиться о населении вверенной ему губернии, о процветании в ней земледелия, торговли и промышленности, о размножении производимых здесь продуктов, должен следить за дорогами, ловить воров и разбойников, заботиться о сохранении лесов и т. д. Всех чиновников, обвиненных в лихоимстве, он должен отстранять без суда. В экстренных случаях, на пожаре, при наводнении или во время народного мятежа, губернатор должен принять на себя главное начальство над всеми. Все учреждения, до сих пор не подчиненные губернской канцелярии, переходят в ведение губернатора. Как «опекун» губернии губернатор имеет право представлять о пользах и нуж-

дах общественных и должен защищать бедных. Эти взгляды Екатерина воплотила потом в «Учреждении об управлении губерний»: инструкция 1764 года была теоретической прелюдией закона 1775 года.

К числу мероприятий, предпринятых Екатериной до созыва комиссии 1767 года, относится реформа управления Малороссией. Екатерина слышала о нестроении гетманского управления Малороссии и поручила Тяглову написать доклад. Тяглов, бывший в Малороссии, представил Екатерине записку о беспорядках. По его словам, Малороссия управлялась не законом, а силой и кредитом старшин. Благодаря этому число свободных казаков и посполитых уменьшалось, а число крепостных — увеличивалось. По ревизии, произведенной после смерти гетмана Скоропадского, числилось 45 000 дворов свободных казаков и посполитых, а при Разумовском число их сократилось до 4000, то есть уменьшилось раз в 11. Происходило это так потому, что свободные земледельцы — казаки и посполитые, желая избежать тягостей военной службы, продавали свои земли казацким старшинам, а сами становились по отношению к ним в положение арендаторов, подсосудков, которые военной службы не несли, а платили подать 2 копейки или алтын: это и соблазняло казаков и посполитых бросить свои земли. Тяглов говорит, что переход крестьян очень разорителен для бедных помещиков и вреден для крестьян, которые, таскаясь от помещика к помещику, приучились к лени и безделью.

По докладу Тяглова Екатерина издала указ об учреждении *Малороссийской коллегии* вместо бывшей ранее гетманской власти. Президентом этой коллегии был назначен Румянцев, а членами — 4 великорусских чиновника и 4 малороссийских старшины. Румянцеву была дана инструкция, чтобы он составил подробную карту Малороссии, чертежи и планы разных городов, чтобы он заботился о процветании земледелия, о сохранении лесов, разведении табака и других полезных растений и т. п. Кроме того, ему поручалось помогать архиереям, но в то же время наблюдать за ними, чтобы

они не присваивали себе власти сверх своего сана и не вмешивались бы не в свои дела, что они любят делать по корыстолюбию своему.

Результатом выполнения этой инструкции явилась так называемая Румянцевская опись Малороссии, богатый материал, который в настоящее время исследуется учеными.

Все эти мероприятия Екатерины не были радикальным разрешением вопросов, поставленных на очередь русской жизнью. Екатерина сознавала это и, желая ближе ознакомиться с положением дел в своей стране, предпринимала путешествия. Так, в 1763 году она ездила из Москвы в Ростов и Ярославль, в 1764 — из Петербурга в Малороссию, а в 1767 году — по Волге вплоть до Симбирска.

Эти путешествия не могли дать ей полного понятия о России. Более пользы принесла ей созданная ею «Комиссия для составления проекта Нового Уложения». К рассмотрению этого наиболее замечательного учреждения Екатерины мы теперь и обратимся.

В своих записках 1779 года Екатерина говорит, что в первые годы своего царствования из разных прошений, сенатских и коллежских дел, из рассуждений сенаторов она усмотрела «неединообразные о единой вещи суждения и правила», также усмотрела, что законы, изданные в разное время, противоречат друг другу, и задалась целью привести законодательство в лучший порядок.

Действительно, трудно представить себе что-либо более хаотичное, чем русское законодательство того времени. В него входило и Уложение царя Алексея Михайловича 1649 года, и новоуказные статьи, и Петровские регламенты, и указы, которые изменяли их, и новые указы Сената, Верховного Тайного Совета и т. д. Все эти указы отменяли один другой, не были собраны воедино и вообще не были известны правительственным органам, кроме немногих старых подьячих, которые из своей монополии знания всех законов извлекали большую выгоду.

Хаотичное состояние законов заботило и предшественников Екатерины, но их попытки улучшить положение остались без результата или имели очень слабый успех.

В 1700 г. Петр учредил палату для исправления Уложения, в состав которой вошли бояре, окольные, дьяки, всего 71 человек. Эта палата должна была написать «Новоуложенную книгу», то есть свести Уложение 1649 года с новоуказными статьями. Палата исполнила возложенное на нее поручение, но «Новоуложенная книга» явилась чисто механическим сводом статей Уложения с новыми, между которыми часто не было согласия: рядом со статьями, расположенными в системе, стояли статьи совсем без нее. Познакомившись с «Новоуложенной книгой», Петр велел, чтобы судьи судили по старому Уложению, а из новых указов пользовались лишь теми, которые «не в перемену, а в развитие и дополнение старых статей изданы». Это еще более затрудняло дело. Не надеясь на исполнение, Петр приказал Сенату озаботиться собранием статей, изданных в дополнение к Уложению, и присоединить их к нему, то есть составить новый кодекс законов. Сенат, не желая заниматься этим делом сам, выделил из себя особую комиссию. Петр велел составить новый кодекс к 1720 году, но к этому времени комиссия успела дополнить лишь 10 глав.

Скучая в ожидании русских законов, Петр решил заменить «Новоуложенную книгу» иноземным кодексом, исправив его и приспособив для русской жизни. Но откуда взять иноземные законы? Наиболее подходящими Петру казались шведские законы. Тогда была создана новая комиссия, в которую вошли 3 иностранца и 5 русских. Комиссия эта работала до конца 1725 года, но исправила всего 4 книги Уложения. Большинство членов комиссии со временем выбыло, так что Екатерине пришлось пополнить ее 2 духовными, 2 военными особами, 2 гражданскими чиновниками и 2 из главного магистрата. Но прибавка новых членов не помогала, так как дело само по себе очень несуразное: русские люди должны были разбирать иностранные законы, в которых ничего не понимали, так как не знали ни языка, ни строя

иностранных государств, которые им приходилось теперь изучать. Из их работы ничего не вышло.

Отчаявшись в возможности сделать что-либо при помощи чиновников, правительство решило обратиться к обществу. В мае 1728 года Верховный Тайный Совет указал Сенату организовать новую комиссию для сочинения Уложения, для чего выслать из офицеров и дворян каждой губернии (кроме Эстляндии, Лифляндии и Сибири) по 5 человек, которые должны собраться в Москве к 1 сентября 1728 года. Но дворяне не спешили выбирать, а выборные не спешили ехать в Москву. Все смотрели на это дело как на новую тяжелую повинность, как на прихоть правительства. Местное начальство для поощрения выборов должно было прибегнуть к репрессивным мерам: чтобы дворяне охотнее выбирали и чтобы выборные скорее ехали в Москву, губернаторы стали арестовывать их жен и захватывать их крепостных. В результате были выбраны не пригодные к делу лица: дворяне послали тех, кто не мог отбодриться. Когда эти выборные собрались, то правительство поспешило распустить их по домам и предписало произвести новые выборы под ответственностью губернаторов.

Тем временем Екатерина I умерла. При Анне Иоанновне приказано было произвести выборы, кроме как от дворян, еще от духовенства и от купцов. Но общество и на этот раз отказалось от законодательной работы. К декабрю 1730 года осталось всего 5 депутатов, остальные разбежались. Видя такое упорное нежелание общества, правительство велело отпустить и этих; работа опять была поручена одним чиновникам. Но чиновники тоже не выполнили своей задачи, так как она, кроме того, была еще осложнена. С одной стороны, приказано было выбрать новый материал из иностранных законов, а с другой стороны, требовалось сделать сводку русских законов. Такие требования действительно могли казаться капризом правительства. Чиновники, заваленные текущей работой, уделяли мало времени на составление кодекса и при Анне Иоанновне разработали только вотчинную главу.

Но жизнь настоятельно требовала новых законов, и правительство Елизаветы пошло навстречу этому требо-

ванию. В 1754 году Сенат постановил для составления свода законов избрать общую комиссию из 8 лиц и целый ряд (35) частных комиссий при ведомственных учреждениях и губернских канцеляриях. Задачей общей комиссии было уложить главы судную, уголовную, вотчинную и о правах состояния, то есть гражданское и уголовное уложение и закон о правах состояния; другие, более частные отделы права подлежали разработке и специальных комиссиях. Ко времени 1755 года общая комиссия разработала 2 части — судную и криминальную, а когда дошла до закона о правах состояния, то надумала привлечь к делу выборных от дворян, духовенства и купечества. Сенат согласился с этим и, издавая указ о производстве выборов от дворян и купцов, указывал, сколь необходимо участие общества в законодательстве. Общество и на этот раз осталось глухо: выборные и депутаты прибегали ко всяким уловкам, чтобы только не явиться, а явившихся пришлось отпустить, так как это были глухие старцы. Но на этот раз выборные как-никак приняли участие в кодификационной работе. К сожалению, у нас имеется мало сведений об их работе, мы знаем только, что депутаты оставались до 1763 года, а комиссия работала вплоть до самого 1767 года.

Деятельность Елизаветинской комиссии не была безрезультатной. Она разработала три главы: 1) о суде, 2) о розыскных делах и «как за словесные преступления казнити» и 3) о состоянии подданных, то есть о юридическом положении сословий. Анализ содержания разработанных глав показывает, что это были не простые своды, а *проекты*, предлагавшие новые ответы, вводившие новые начала. Многие из постановлений Елизаветинского уложения повторялось в депутатских наказах Екатерининской комиссии: очевидно, что эти поправки в Елизаветинское Уложение были *внесены по инициативе выборных*. В этом и состоит характерная черта Елизаветинской комиссии, объясняемая участием и влиянием выборных.

Итак, кодификационные попытки не пропали даром, принесли известный результат. Екатерине оставалось

воспользоваться трудами своих предшественников, но она предпочла идти не проторенной дорогой, а самостоятельным путем, задумала составить кодекс *новых* законов. Это соответствовало взглядам Екатерины — последовательницы французской просветительной литературы. Она хотела дать *идеальные законы*, а их она совсем не видела в старых русских законах. Смотря гуманным взглядом на наказание, Екатерина не соглашалась со строгими нормами Елизаветинской комиссии. Вдохновляемая французскими авторами, Екатерина считала составление новых законов делом легким; она пожелала продолжить и работу представителей.

Для осуществления своего намерения Екатерина считала необходимым сначала найти *общие правила*, принципы, а затем уже разработать подробности.

Нахождение общих принципов Екатерина взяла на себя. В 1765 году она обратилась к изучению западноевропейской литературы того времени, и, в частности, к уже знакомому ей «*Духу законов*» Монтескье. Екатерину прямо очаровывало это произведение, которое, по ее словам, должно быть молитвенником монарха, и она стала полной рукой черпать мысли Монтескье для своего плана законов. Екатерина писала Деламберу: «Скоро я пришлю вам тетрадь, из которой вы увидите, как я обобщила президента Монтескье. Но я надеюсь, что если бы Монтескье с того света увидал это, то простил бы мне мою литературную кражу, так как она совершенна для блага 20 000 000 людей. Он слишком любил человечество, чтобы обидеться на это. Его книга — это молитвенник монархов». Анализируя содержание екатерининского «*Наказа* комиссии для составления проекта Нового Уложения», можно заметить, что из 526 его статей около 250 действительно заимствованы из «*Духа законов*» Монтескье. Кроме «*Духа законов*», Екатерина много заимствовала еще из сочинения итальянского юриста Беккариа «*О преступлении и наказании*»: отсюда она взяла до 100 статей. Затем, она пользовалась сочинением Гельвеция «*О разуме, о человеке*» и др. Таким образом, Наказ Екатерины есть, в сущности говоря, компиляция.

Сама Екатерина, посылая экземпляр Наказа Фридриху II, писала: «Ваше Величество не узнаете здесь ничего нового. Я, как ворона в басне, нарядилась в чужие перья, набрав в разные части своего сочинения чужие мысли, только распределяя их по предметам, то строчку, то несколько слов, так что, если собрать мои мысли, то будет не более 2–3 листов». Заимствования свои Екатерина делала, или переводя слово в слово (так она заимствовала из Беккариа), или переделывая, как она поступала с Монтескье (часто не совсем удачно: по-видимому, Екатерина сама не всегда точно понимала смысл).

Работая два года, Екатерина секретничала и никому не говорила. Но как-никак через два года первая часть задачи была решена, общие принципы были найдены Екатериной, но тут ее постигло первое разочарование. Когда Наказ был уже готов, Екатерина по частям раздавала его разным лицам, желая знать их мнение. Только один Орлов был в восторге, а другие держались совсем иного мнения. Никита Панин, воспитатель наследника, был поражен радикализмом Наказа, его несоответствием с русской действительностью и прямо заявил его автору: «Ведь это такие аксиомы, от которых стены дрогнут». Подобные замечания были сделаны и другими лицами. Это заставило Екатерину переделать свой Наказ. В 1767 году она писала Деламберу: «Я занимаюсь не тем, что желала бы сделать. Половина моей работы зачеркнута и сожжена, и Бог знает, что будет с остальной, однако придется окончить работу». Перед изданием сокращенной уже редакции Наказа Екатерина созвала в село Коломенское, где она тогда находилась, «вельми разномыслящих персон» и заставила их слушать Наказ. При обсуждении каждой статьи возникали сильные прения. «Я дала им волю черкать и вырезать, — писала потом Екатерина, — и они более половины помарали, и остался Наказ, яко оный напечатан». Таким образом, *едва ли четверть всего, написанного Екатериной, попало в печать.*

Сохранилась, однако, рукопись Екатерины, и по ней можно установить, какие именно сделаны сокращения: эти сокращения чрезвычайно характерны, они указывают

на настроение той дворянской среды, которая окружала Екатерину. Так, например, в первой редакции Екатерины писала: «Два рода есть покорностей, одна существенная, другая личная, то есть крестьянство и холопство; существенная — это значит обязательственные отношения, которые привязывают крестьян к определенному участку земли. Такие рабы были, например, у германцев: они служили господам своим, давая им определенную часть урожая или скота, или своего изделия, далее этого их зависимость не шла. Так дело обстоит и сейчас в Венгрии, в Чехии, в Южной Германии и других странах. Личная служба — это принадлежность определенной личности. *Великое злоупотребление бывает, когда смешиваются вместе покорность личная и существенная*». В этом рассуждении правильно определяются понятия крепостного права и холопства и осуждается смешение их. В XVIII веке не только фактически, но и в понятиях произошло смешение крестьянства и холопства.

Это рассуждение, делающее честь меткости глазомера Екатерины, глубине ее анализа, было вычеркнуто цензорами и в печатный Наказ не попало. Цензоры оставили только следующую затем фразу: «Какого бы рода покорность ни была, надлежит, чтобы законы гражданские злоупотребление рабством отвратили и разобрали бы, отчего сие может произойти», то есть цензора выпустили, как бы сказать, все ядро рассуждения Екатерины и оставили лишь одну скорлупу.

Цензоры целиком выпустили рассуждение Екатерины о том, что всякий человек должен иметь пищу и одежду по своему состоянию и что надо гарантировать законом, чтобы рабы в старости и в болезни не были бросаемы, что господин должен наказывать своих слуг *как судья* и что надо установить правильный порядок производства суда, чтобы не могло быть подозрения в самоуправстве и несправедливости. Екатерина указывала на пример Финляндии, где 7–8 выборных крестьян судят односельчан в имении помещика.

Екатерина далеко заносилась в своих мечтах, она мечтала об освобождении крестьян, но не быстром и крутом, а медленном и постепенном. «Законы могут чи-

нить нечто полезное для рабов, — писала она, — и их в таком состоянии содержать, чтобы сами они себе купили свободу. Надлежит, чтобы законы гражданские определяли точно, сколько рабам за освобождение своим господам по уговору уплатить». Из этого видно, что Екатерина в своем Наказе не прочь была исподволь подготовить эмансипацию крестьян, обеспечив законом имущественные права крестьян, чтобы они не только не разорялись, а могли бы накопить имущества для своего выкупа, право которого должно быть оговорено.

Но на деле оказалось, что далеко не всеми принципами рационального законодательства можно пользоваться при составлении кодекса новых законов. Но все же Екатерине удалось выработать ряд правил, отвечавших идеалам современной западноевропейской философской мысли. В печатном Наказе мы встречаем такие положения, которые в настоящее время стали уже общепринятыми аксиомами, но тогда были новостью, особенно для русского общества. Например, Екатерина высказала следующую норму: «Ничего не должно запрещать законом, кроме вредного или каждому, или, особенно, целому обществу»; прежде держались другого мнения, что разрешено все, что не запрещается законом. Затем Екатерина писала: «Законы устанавливаются не с иным намерением, как на пользу людям; посему нужно, чтобы каждый знал, что ради его пользы соблюдать законы должно». Екатерина высказывалась, что пытка «противна здравому, естественному рассуждению». Рассуждая о мерах пресечения, Екатерина говорила, что арест (предварительный) есть наказание, и потому «законы должны стараться, чтобы определить знаки преступления и при этом самое заключение сколь возможно короче и снисходительнее быть, ибо обвиняемый не есть обвиненный». Екатерина высказывалась против смертной казни, говоря, что применение ее не приносило пользы; также она была против наказаний, уродующих человека, и вообще — за мягкие наказания. Наказание — это только паллиатив, лучше предупреждать преступления, чем наказывать за них: «Надо воспитывать добрые нравы, нежели дух граждан в унынии казнями держать».

«Хотите предупреждать преступления, надо воспитывать людей во взаимной любви». Поэтому Екатерина уделяет воспитанию целую главу, в которой излагает общие правила; она советует «вперять детям любовь к отечеству и к законам, возбуждать их к трудолюбию и к таким занятиям, чтобы быть полезными гражданами своего отечества, хорошими членами общества, украшением родины». Само общество должно быть в таком состоянии, чтобы гражданское равенство поддерживалось одними законами, чтобы бедный не боялся богатого. Свобода бывает лишь там, где граждане боятся не друг друга, а лишь закона.

Екатерина дала не только общее определение свободы, но и говорит и о *свободе слова, печати и вероисповедания*. Так, о печати она пишет: «Весьма беречься надо, изыскивая о сочинениях язвительных, ибо опасность есть погубить дарование, разум и охоту писать», то есть Екатерина говорит, что не надо быть придирчивым, чтобы не парализовать всякое стремление. Веротерпимость Екатерина считает обязательной для правительства такого государства, как Россия, в котором живет столь много разных народов.

Я нарочно подробно остановился на разборе Наказа Екатерины. Вы видите, таким образом, что он вносил в обиход русского общества много тех либеральных воззрений, из которых слагается наше теперешнее мировоззрение. Можно сказать, что Наказ Екатерины — прародитель современного либерализма.

В свое время Наказ расходился не только с русской жизнью, но и с чувствами русского общества. Екатерина не могла этого не заметить и старалась оправдать свой радикализм. «Россия есть страна Европейская, — писала она в начале своего Наказа, — доказательства тому следующие: перемены, которые предпринял Петр I, оказались очень удобными потому, что нравы наши не сходствовали с климатом и принесены были к нам чужими народами, в применении европейских нравов Петр нашел такие удобства, которых не ожидал». Екатерина и хочет продолжать дело Петра, она вносит европейские начала в русские законы, которые, по ее словам, не

могут не привиться на Руси. Таким образом, Екатерина зажигала веру в русский народ как в народ европейский, в его способность принять в себя европейские начала, хотя на первых порах они могут быть и не всегда удобными.

Этими доводами Екатерина старалась убедить всех в исполнимости ее намерений. Только в одном она ошибалась: ее европейские начала нигде тогда в Западной Европе не применялись, а были лишь принципами философии. Но Екатерина верила, что эти начала должны и могут найти себе применение в реальной жизни: в этом сказалась присущая ей самоуверенность. Приступить к составлению Нового Уложения Екатерина решила в 1767 году при помощи депутатов от народа на началах, которых не отвергнут те, кто любит человечество.

Но Екатерина жестоко ошиблась: депутаты не только не приняли ее основных начал, но и Уложения не составили...

Задачу составления Нового Уложения на основах установленных ею начал Екатерина возложила на общество. Она понимала, что правительству не под силу справиться с такой задачей. «Можно найти общие правила, — писала Екатерина Вольтеру, — но подробности?» Екатерина понимала, что в законодательстве должно выражаться коллективное творчество народа, но она не понимала, что это коллективное творчество есть сложный, продолжительный процесс. К этому коллективному творчеству Екатерина и решила пригласить народ, чтобы он сразу составил систему законов. Для этого необходимо было произвести выборы депутатов.

И вот указом 14 декабря 1766 года Екатерина приказала на будущий 1767 год созвать комиссию, прислать к ней депутатов от Сената, Синода, канцелярий, кроме губернских и воеводских, и от всех городов и уездов. Этих депутатов она вызывала не только для того, чтобы послушать Наказ, но они допускались и в «Комиссию для составления проекта Нового Уложения».

К этому указу был приложен и порядок производства выборов или, как выражалась Екатерина, обряд выборов. Депутаты созываются от дворян, от горожан,

от свободных крестьян и от кочующих инородцев, причем дворяне выбирают по депутату от каждого уезда, горожане по депутату от каждого города, крестьяне по депутату от каждой провинции и кочующие инородцы по депутату от каждого народа. *От горожан и дворян выборы должны быть одностепенные, а от крестьян трехстепенные*, то есть от каждого погоста выбирался поверенный, поверенные погостов одного уезда выбирали уездного поверенного, из которых затем выбирался депутат провинции. Определение числа депутатов от казаков было возложено на их начальство. Депутаты должны быть не моложе 25 лет, им назначалось жалованье: дворянам 400 рублей в год, горожанам по 122 рубля, а остальным по 37 рублей в год. Депутаты навсегда освобождались от смертной казни, от пыток и телесного наказания; обиженный депутата отвечал вдвое. Внешним отличием депутатов был значок, носимый ими на шее, на котором было написано «блаженство каждого и всех». Каждый депутат получал полномочия и наказ, составленный комиссией пяти избирателей. Кроме того, дворянство каждого уезда перед выборами депутата должно было выбрать себе на два года *предводителя*, который занимал меж ними первое место и под председательством которого происходили уже выборы депутата. Точно так же и горожане перед выборами должны были выбрать *городского голову*.

Нельзя сказать, чтобы положение о выборах в должной мере соответствовало положению страны, чтобы за будущим кодексом была обеспечена должная полнота. Дело в том, что целые сословия не получили представительства, например духовенство, которое, как-никак, занимало известное положение в государстве. Не было представителей и от дворцовых, экономических (бывших монастырских) и от посессионных (то есть заводских) крестьян, которых легко можно было приравнять к свободным крестьянам. В целях Екатерины важно было участие в представительстве и владельческих крестьян, но об это она и подумать не смела, зная настроение дворянства. Таким образом, значит, далеко не все русское общество было представлено. Потом,

нельзя не указать на неравномерное распределение внутри сословий и на несоответствие выборных представителей фактическому значению класса. Например, в числе депутатов были уравнены такие большие города, как Петербург и Москва, с такими захудалыми городишками, как Буй или Волоколамск. Затем, так как число городов было более числа уездов, то представителей от городов было более, чем представителей от уездов (от городов 208 представителей, а от дворян 161), так что можно было бы подумать, что преобладающим классом в России того времени была городская буржуазия, а не землевладельческое дворянство. Впрочем, необходимо оговориться, что горожане выбирали не как сословие, а как обыватели города, так что их депутатами часто бывали дворяне. Так, от Петербурга депутатом был граф Орлов, а от Москвы князь Черкасов.

Но как бы то ни было, на этот раз общество отозвалось с большей готовностью, чем раньше, и на открытие Комиссии для сочинения проекта Нового Уложения явилось в Москву к сроку 460 депутатов; это уже не какие-нибудь 5—6 депутатов времени Елизаветы. Опоздала к сроку и не явилась всего какая-нибудь одна шестая часть из всех выборных.

Почему же Екатерининская комиссия имела такой успех в обществе? Ответ на этот вопрос надо искать в условиях выбора и участия депутатов в работах комиссии. Во-первых, депутаты получали жалованье, так что не было соображений материального характера отсутствовать (в прежнее время дворянство принуждено было складываться, чтобы отправить в Москву депутата). Во-вторых, депутаты пользовались почетом и отличием от других людей, они носили особый значок и пользовались своего рода пожизненной неприкосновенностью личности, следовательно, быть депутатом было не только не разорительно, но даже лестно. Затем, население отправляло депутатов не с пустыми руками, а с требованиями, которые должны были получить удовлетворение. Население серьезно отнеслось к делу и им было составлено более 1600 депутатских наказов, которые и были

привезены в Москву, из них 163 наказа от дворян, 401 от горожан и 1066 от государственных крестьян — каждый погост, каждая волость вырабатывала свой наказ.

Но несмотря на готовность населения содействовать законодательству, последнее не удалось. Какие же были тому причины?

Прежде всего необходимо отметить трудность задачи, возложенной Екатериной на комиссию. Комиссии было поручено составить проект Нового Уложения, обнимающий собой все стороны права, причем законы, выработанные ею, должны быть *новыми* законами. Русское общество рассматривалось Екатериной как находящееся в первобытной стадии развития, поэтому она считала необходимым создать заново русский государственный и гражданский быт. Все предыдущее развитие как бы аннулировалось и Русское государство сравнивалось с «*tabula rasa*», чистой доской, которую предстояло заполнить законодателю.

Из каких же источников надо было почерпнуть содержание русских законов? По мнению Екатерины, такими источниками должны были быть *«непререкаемые правила и истины ее Наказа, желания и требования общества, выраженные в депутатских наказах, здравый смысл и любовь к отечеству депутатов»*. Что же касалось до действующего права, то Екатерина, разрывая с прошлым и желая заново создать русский государственный и гражданский строй, считала, что им нужно пользоваться лишь как справочным материалом.

Но составить Новое Уложение по этим источникам было чрезвычайно трудно.

Возьмем, например, Наказ с его *«непререкаемыми правилами»*. Наказ мало дает как источник закона: по многим вопросам он давал общие и неопределенные начала или делал указания на иностранные законы, не делая, впрочем, выводов. Вот, например, какие мысли были в нем: *«Надо установить порядок, неподвижный для наследства»*. Но ведь в этой фразе нет никакого ответа на жизненные вопросы. Или другой раз Екатерина, указывая на греческие и римские законы о наследстве, добавила: *«Мое мнение склоняется к разделу»*. У нас на Руси

имения тоже делились: но довольна ли была императрица, она не указывала. Или еще пример: «Полезно учреждение об опекунах». Возникает вопрос: какое учреждение? Автор говорит, что опека должна быть над малолетними и безумными, но в России и ранее была опека, и притом не только над малолетними и безумными, но и над жестокими и расточительными, и ее правила определялись полнее, чем в «непререкаемых истинах Наказа». По многим отраслям права Наказ не давал никаких указаний, гражданское же право он совершенно игнорировал. По мнению Сергеевича, Наказ не обнимал собой и сотой части всей сложной системы права, так что депутатам приходилось работать собственными усилиями. Таким образом, «непререкаемые правила Наказа» мало годились для практического законодательства.

Второй источник законодательства — это депутатские указы, но эти депутатские указы часто противоречили большому Наказу. Я уже говорил вам, что Екатерина отрицательно смотрела на смертную казнь и вообще на строгие наказания, а дворянство в своих указах, жалующься на размножение воров, ретиво просило отмены ограничения пытки и смертной казни, требуя возвращения к практике Уложения. Вопреки мнению императрицы дворяне говорили, что мягкие законы и гуманные суды приведут к разложению общества. Такие противоречия депутатских указов с Наказом императрицы ставили комиссию в затруднительное положение. Кроме того, Екатерина предупреждала, что ее Наказ не имеет предвещающей силы, то есть правила, изложенные в нем, «не надлежит выписывать яко законы, а мнения на них основывать можно». На деле приходилось указы, противоречащие Наказу Екатерины, отсылать назад для исправления. Таким образом, депутатские указы только затрудняли, а не облегчали работу комиссии.

Но как ни трудна была работа депутатов, как ни несовершенен был их состав, они все же смогли бы выработать Уложение, если не во вкусе просвещенной философии XVIII века, то соответственно с русской действительностью. Но этому помешали нелепая организация работ в комиссии и неумение руководить работами. Легче бы

всего правительство достигло своей цели таким образом, если бы оно само при помощи специалистов готовило проект нового Уложения, а потом предложило бы его депутатам для обсуждения и исправления. Таким путем шло правительство царя Алексея Михайловича, которое, составив в комиссии проект, предложило его Земскому собору, на котором он читался и исправлялся и в конце концов добился известного результата: Уложение 1649 года, отвечавшее тогдашним нуждам, было готово. Но Екатерина пошла совершенно противоположным, более длинным путем. Она поручила составление нового Уложения такому учреждению, которое, по-настоящему, должно было только слушать его и обсуждать: не дело собрания пестрого состава вести эту работу, ему следовало бы решать дела в окончательной форме. Но раз составление Уложения было возложено на многочисленную комиссию, то надо было, по крайней мере, провести разделение труда, организовать отдельные подкомиссии, поручив им разработку отдельных частей, а общему собранию предоставлять уже готовые законопроекты. Екатерина пыталась, но неудачно, организовать частные подкомиссии, разделить дело между отдельными депутатами, но она не освободила от черной и подготовительной работы и общее собрание, причем делопроизводство комиссии пришло в полный хаос.

В силу «обряда управления комиссией» при большой комиссии были учреждены 3 частных: 1) *дирекционная*, 2) *экспедиционная* и 3) *комиссия для разбора депутатских наказов*.

Обязанности *дирекционной комиссии* заключались в общем направлении работ: она предлагала общему собранию организовать новые подкомиссии, и под ее надзором происходили выборы кандидатов в них. *Дирекционная комиссия* наблюдала также за деятельностью частных комиссий, которые через каждую неделю должны были представлять ей «мемории» о своих работах. Выработанные законопроекты представлялись в дирекционную комиссию, которая смотрела, не противоречат ли они Наказу, то есть как бы цензуровала. После этого законопроекты переходили на рассмотрение экс-

педиционной комиссии (нелепое название), которая следила за тем, чтобы законопроекты «по правилу языка и слога изложены были», то есть цензуровала их с внешней, стилистической стороны. Третья комиссия, по разбору депутатских наказов, должна была читать указы и разбирать их по материям. Таким же образом было организовано 16 частных комиссий, установилось сложное, медленное делопроизводство.

Вот каково было нормальное течение дел: каждый вопрос предварительно обсуждался в общем собрании, затем по предложению дирекционной комиссии поручался частной комиссии, которая, выполнив возложенное на нее дело, передавала его дирекционной комиссии. Дирекционная комиссия цензуровала проект и, если была надобность, то передавала его обратно в частную комиссию. Когда дирекционная комиссия кончала свои дела, то проект переходил к экспедиционной комиссии, чтобы та внесла его в окончательной форме на общее собрание. Таким образом, каждое дело проходило несколько ступеней, и притом повторявшихся. Устанавливая такой порядок делопроизводства, Екатерина совершенно не предусмотрела *очереди* вопросов: поэтому вопросы попадали в комиссию случайно, без плана, перебивая один другой, результатом чего был полный хаос.

Не наблюдалось плана, системы и в организации частных комиссий, которые возникали по личной инициативе отдельных депутатов, из-за этого по одному вопросу возникало несколько комиссий. Так, например, была учреждена комиссия «о разборе родов государственных жителей», мы бы сказали, комиссия о сословиях, но затем образовали комиссию «о среднем роде людей», то есть о горожанах. Устроена была комиссия «о размножении народа и о домостроительстве», а затем возникла комиссия «о сохранении лесов» — вопрос, входивший в компетенцию предыдущей комиссии. Курьезнее всего то, что, учредив комиссию для разбора депутатских наказов, Екатерина не освободила и всю комиссию от слушания и разбора их в общем собрании. Таким образом, общее собрание не освобождалось от черновой, подготовительной работы.

При такой организации дела и при неумении «маршала» Бибикова, работы комиссии затянулись и не привели к результатам.

Комиссия собралась 31 июля 1767 года в Москве в Грановитой палате. На первом собрании выбрали 3 кандидатов в председатели, из которых Екатерина утвердила Бибикова. Шесть следующих заседаний депутаты читали Наказ императрицы, который привел их в восторг, после чего они решили поднести Екатерине титул *Премудрой, Великой и Матери Отечества*. Вопросу о титуле было посвящено целое заседание, на что Екатерина иронически замечала: «Я велела им рассмотреть законы, а они занимаются анатомией моих качеств». 12 августа состоялось торжественное поднесение титула Екатерине, но она отклонила от него, говоря, что премудрый и великий только Бог, что же до титула матери отечества, то она ответила уклончиво, говоря: «Любить подданных за закон почитает и желает быть ими любима».

Начиная с восьмого заседания, целых 15 заседаний депутаты читали указы и прочитали их 12. Не дочитав их, они стали разбирать закон о дворянах, справлялись со старыми законами, плохо их понимали и потратили на это 10 заседаний. Не кончив этого дела, они обратились к чтению купеческих наказов, на что ушло 36 заседаний. Таким образом, до 60 заседаний они потратили на чтение законов и наказов; это чтение без голосований, без резолюций проходило совершенно даром. От купеческих наказов комиссия обратилась к Эстляндским и Лифляндским привилегиям, на что ушло 11 заседаний.

18 февраля 1768 года комиссия была переведена в Петербург, где стала заниматься вопросами юстиции. Тут депутаты делали свои замечания и заседали в частных комиссиях. Председатель по-прежнему не поднимал вопросов и не ставил их на голосование. Так прошло еще 5 месяцев. Не кончив вопроса о юстиции, депутаты опять вернулись к вопросу о сословиях, ибо комиссия «о разборе родов государственных жителей», закончив к этому времени порученный ей разработку вопрос, внесла его на общее собрание. На это потратили 20 заседаний, но к

определенному решению не пришли. После этого стали обсуждать закон о вотчинах.

Так дело продолжалось до 18 декабря 1768 года, когда началась война с Турцией и когда высочайшим указом депутаты, не состоявшие членами частных комиссий, были отпущены по домам. Частные комиссии продолжали заседать до самого конца 1774 года, когда указом от 4 декабря и они были прекращены.

Таким образом, Екатерининскую комиссию постигла та же участь: Новое Уложение не было составлено. Остались лишь проекты, из которых многие, как, например, о городах, об училищах и другие, не были закончены. Вполне разработаны были только 3 закона: о правах благородных (то есть дворян), о правах среднего (горожан) и низшего (то есть свободных крестьян) рода государственных жителей.

Но было бы крупной ошибкой думать, что Екатерининская комиссия ничего не сделала — в действительности результаты ее деятельности были огромные. Важно то, что перед Екатериной были депутаты, и она лучше, чем в путешествиях, познакомилась с нуждами своей страны. «Комиссия об Уложении, — писала она, — подала мне свет и сведения обо всей Империи, с кем дело имею и о ком пещись должно». Правительство, знакомясь с прениями в большой комиссии, читая депутатские наказы и узнавая дела частных комиссий, должно было убедиться в необходимости реформ, и именно, каких реформ. Мало того, комиссии подготовили те законы, которые были потом проведены в жизнь. Городовое положение 1785 года и Жалованная грамота дворянству были переделками проектов, выработанных в комиссиях. Другими словами, комиссия 1767–1768 годов вдохновила Екатерину на реформаторскую деятельность, но не в рационалистическом духе, а в соглашении с нуждами страны, и подготовила ее реформы.

Лишь только замерла работа комиссий, как началась законодательная деятельность самой Екатерины. В 1775 году она издала «Учреждение об управлении губерний Всероссийской империи».

Это Учреждение радикально изменяло старое положение и изменяло соответственно с пожеланиями, выраженными в наказах. Чтобы познакомиться с тем, что произошло, необходимо узнать, против чего протестовали в комиссиях и в наказах.

Органами местного управления до 1775 года были *воеводы*, со своими канцеляриями, уездными и провинциальными. Наказы полны нападок на канцелярии, и рисуемая ими картина их злоупотреблений чрезвычайно красочна и ярка. Когда обиженные, пишут лихвенские дворяне, обращаются к судьям, то те нападают на них с бранью и с криком, что им впору управиться только с казенными делами. Примеру судей следуют секретари, которые обращаются чрезвычайно грубо даже с заслуженными дворянами. Дворянские наказаы поэтому требуют, чтобы в секретари не назначались люди, имеющие офицерские чины, «дабы дворяне за дерзости могли их палкой штрафовать». Рязское дворянство жалуется на беспечность властей, которые не производят розысков по уголовным делам, и на их своеволие: колодников они иногда держат более срока, а иногда, чтобы не было канители, сразу отпускают их; мостов и дорог в исправности не содержат; за продажей казенной соли не наблюдают, а на целовальников, которые дают им взятки, совсем не принимают жалоб; присылаемых приказов во всеобщее сведение не публикуют; служителей до того развратили, что они всегда пьяны, даже когда они при делах, так что воеводская канцелярия превратилась в кабак. Наказы жалуются на «злоимание»: взятки брали решительно со всех и сколько могли. Взяточничество было хорошо замаскировано: в Рязской канцелярии, например, подьячие взяток не брали, о чем они всегда заявляли, но надо было платить «за труд» 15 вольнонаемным писцам, которые брали в таком размере, что хватало и на подьячих.

Более всего наказаы жалуются на судебные порядки, на недоступность суда. Суд был малодоступен по двум причинам: он был иногда слишком далек, верст за 300 (в большом уезде); во-вторых, суд был дорог: при подаче прошения надо было заплатить пошлин 3 рубля (на наши

деньги рублей 27), все писали на дорогой гербовой бумаге; за ответчиком надо послать посыльного, непременно канцелярского подьячего, за плату по особому с ним соглашению, таких посылок по меньшей мере должно быть три. Данковские дворяне высчитали, что она подача иска и три посылы стоят 5 рублей 84 копейки (рублей 50 на наши деньги). При таких условиях было, что цена иска сплошь и рядом была дешевле судебных пошлин, так что многие предпочитали совсем не начинать дел. Сюда еще надо прибавить расходы по проживанию в городе и необходимые взятки. Суд был тем еще дороже, что был чрезвычайно продолжителен. По выражению дмитровских дворян, «суд есть обряд продолжительный и, можно сказать, бесконечный». Процессы сплошь и рядом тянулись 10, 20 и более лет.

Медленность суда зависела как от свойств самого судебного процесса, так и от злоупотреблений судей и тяжущихся сторон. Наказы требуют отмены форм суда, введенных еще Петром I в 1723 году. Положение 1723 года вводило медленный состязательный процесс, который при известном желании и умении мог растянуться до бесконечности.

Затем дворяне жалуются на бесконечное число судебных инстанций. Судебное дело шло по следующим ступеням: 1) уездная воеводская канцелярия, из нее 2) в провинциальную канцелярию, затем 3) в губернскую канцелярию, 4) в коллегия, 5) в Сенат.

Дело затягивалось также противной стороной и воеводами. Чтобы ускорить ход дел, необходимы были взятки, иначе появлялась необходимость в составлении всяких выписок, записей, переписей, описей, затягивающих дело до бесконечности. Затягивали дело и ответчики, которые, по выражению Верейского наказа, употребляли такие «промыслы и пронырки», что лет по пять бывали неразысканными. Найти ответчика обычно подражался подьячий, который, обыкновенно, не находил его дома: подьячему говорили, что ответчик уехал в Сибирь и Астрахань. Тогда ответчику давался долгий поверстный срок по Уложению для возвращения. По истечении этого срока обыкновенно говорилось, что ответчик болен; одним

словом, сильный и влиятельный человек прямо не обращал никакого внимания на приказания явиться в суд. Судьи очень раздражались, если человек низкого звания жаловался на знатного. В комиссии один однодворец заявлял, что судья кричал на однодворцев, если они жаловались на дворян, и велел выгонять их из канцелярии в шею.

Благодаря состязательному процессу развился институт адвокатуры, ибо тяжущиеся не умели говорить на суде. Они нанимали таких поверенных, которые «в ябедничестве искусными своими речами стараются запутать судью, чтобы он не сыскал правды».

Такая картина управления рисуется не только в дворянских наказах, но и в наказах государственных крестьян. У горожан были свои суды, магистраты и ратуши, так что им нечего было жаловаться на воевод.

Наказы не только указывают на такое состояние управления, но предлагают, особенно дворянские указы, известные меры к исправлению. Какие же это меры?

Одни указы предлагают все управление передать в руки дворян, говоря, что уездный съезд дворян должен выбирать воевод, станowych комиссаров на 1 или на 2 года, по истечении которых они должны дать дворянам отчет. Уездный съезд дворян имеет право судить, штрафовать и низлагать этих лиц собственной властью. Наказы по разному называют этих властей: воеводами, ландратами, опекунами, градоначальниками и т. д. Только Тульский наказ просит не называть их ни в коем случае «воеводами», «дабы изгладить из памяти сие ненавистное имя».

Другая группа наказов идет не так далеко. Она требует участия дворян в управлении наряду с представителями коронной администрации. Одни указы требуют назначения дворян товарищами воеводы и секретарями, другие требуют выборных товарищей губернатора или воеводы. Но все они сходятся в одном: *выборный сословный суд*; съезд дворян каждого уезда выбирает выборного судью, который решает дела дворян, кроме важных уголовных. Наказы предлагали передать ему и полицейские функции, заведование дорогами, опеку над мало-

летними, розыски о разбое, о корчмах и т. п. Некоторые предлагали избирать и низших судей, с тем чтобы их делопроизводство было словесное. Все выборные судьи должны быть под контролем дворянского общества.

Заботясь об организации дворянских судов, некоторые наказы желают подчинить дворянам и коронные суды, для чего предлагают учредить должность выборных от дворян прокуроров, которые должны следить за законностью деятельности коронной администрации.

Не только дворяне, но и другие сословия требовали себе выборного сословного суда. Иркутский депутат просил, чтобы в магистрат назначались люди не из дальних городов, а выборные от купцов. Депутат от жителей крепости св. Елизаветы предлагал к магистрату прибавить 12 выборных от купечества. Депутаты от свободных крестьян также просили себе выборного суда. Депутат от нижегородских пехотных солдат просил учредить для них земских старост и земских судей. Его поддержал депутат от казанских ясачных крестьян и также внес такое предложение. Депутат от елецких однодворцев просил того же. Таким образом, все сословия требовали себе выборного сословного суда.

После улучшения суда и местного самоуправления наказы требовали ослабления централизации, которая давила местное управление. Крапивненские дворяне требовали, чтобы апелляции шли прямо в Сенат, минуя бесчисленные промежуточные инстанции. Затем большинство наказов хлопотало о том, чтобы земельные сделки укреплялись в местных учреждениях, а не в Москве, в Вотчинной коллегии, куда позволено было бы посылать одни копии. Сосредоточение поземельных дел в одном учреждении, в Вотчинной коллегии, является наследием московской старины, когда все земельные сделки совершались в Поместном приказе. Тогда, при развитии поместной системы, такой порядок был необходим: правительство должно было во всякое время знать, сколько за кем и какой земли. Но теперь, в XVIII веке, когда раздача земель в поместье прекратилась, не было нужды сосредоточивать сделки в одном месте. Такой порядок был очень неудобен: за утверждением земли надо было

ехать в отдаленную Москву, тратиться на проживание там. Поэтому мелкие дворяне предпочитали совершать земельные сделки и владеть землей без крепости и документов, так как получение этих документов порой стоило дороже, чем сама земля. Такое неукрепленное владение землей вызывало со стороны сильных и недобросовестных людей различные ухищрения оттягать ее у владельцев. Дворяне и требовали, чтобы земельные сделки совершались перед местными учреждениями и чтобы для справок главный вотчинный архив был разослан по местам, то есть децентрализован.

Наказы хлопотали не только о реорганизации местного управления, но и о многих частных делах и мероприятиях. Например, указы жалуются на отсутствие медицинской помощи и просят послать «лекарей с подлекарями, с подлежащими их должности инструментами и аптеками». Орловский указ хлопотал даже об умножении «медицинских университетов». Раздавались также голоса и об учреждении школ. Псковский указ, например, просил, чтобы учителями были попы и дьяконы, которые лучше грамоте знают, и чтобы обучение было обязательно для одной сотой детей крестьян. Копорский указ просит построить училища как для русских, так и для чухонцев, чтобы их дикость просвещением смягчить. Ямбургский указ предлагает даже устроить особый сбор для содержания училищ. Наконец, многие указы хлопочут об устройстве хлебных магазинов.

Я привел наиболее крупные желания общества: медицина, народное образование, продовольствие. К чему же в общем сводились желания общества? *Общество желало: 1) приблизить власть к населению и чтобы народные нужды удовлетворялись по местам, то есть просто децентрализации; 2) заменить коронную администрацию выборной или поставить последнюю рядом с первой под своим контролем; 3) чтобы местные власти заботились не только о государственных нуждах и интересах, но и о нуждах общества.* Говоря об обществе, мы подразумеваем дворянство, которое проявило себя наиболее деятельно.

Вот каковы были желания общества. Посмотрим, какое же удовлетворение нашли они в реформах Екатерины. Ответ на этот вопрос даст ясное представление о том, какое значение имела комиссия 1767 года в деле государственного строительства в царствование императрицы Екатерины II.

Стремления сословий в общем совпадали со взглядами самой Екатерины. Я уже приводил вам указ Екатерины 1764 года, обращенный к губернаторам, в котором она ставила им на вид, что они должны не только пассивно, но и *активно* заботиться о благосостоянии вверенной им губернии. Единодушным желанием сословий было иметь свой выборный суд. Это опять совпадало с мнениями, выраженными в Наказе, в 180 статьях которого Екатерина писала: «Весьма полезно иметь такие законы, которые предписывают всякого человека судить через равных ему». Это стремление Екатерины, навеянное западной философией, совпадало с реальными, конкретными желаниями сословий. Затем требование особых сословных судов совпадало со взглядами императрицы на деление властей на законодательную, судебную и исполнительную. Сословный суд должен был явиться особым органом судебной власти; выборные же суды увеличивали число правящего класса и приближали его к населению. В предисловии к «Учреждению об управлении губерниями» Екатерина говорила, что некоторые из губерний при своей обширности недостаточно снабжены «как правительствами, так и людьми» (то есть присутственными местами и чиновниками), и что поэтому жители жалуются, что в одном месте и доходы собирают, и счета ведут, и полиция, и управление, и суд, что в губернских канцеляриях решают дела всякого рода. Не удивительно, продолжала она, что отсюда «вельми ощутительные неприятности проистекают», медленность, волокита, ябедничество и всякий ущерб. В данном случае желание Екатерины увеличить административный персонал совпадало с желанием сословий. Сословия просили также о народном образовании и о медицинской помощи, а это заветная мечта Екатерины. «Хотите предупредить

преступления, — писала она, — распространяйте просвещение». Говоря о смертности крестьянских детей, Екатерина добавляла: «В какое цветущее состояние может государство прийти, если бы учреждения могли предотвратить сию пагубу».

Совпадение ее желаний с желаниями сословий относительно местного самоуправления усилило желание Екатерины выработать новое положение. Это интересный пример в нашей истории, когда государь сам является автором закона. Екатерина сознавалась, что она страдала «легисноманией», то есть страстью писать законы. Пять месяцев Екатерина сочиняла «учреждение об управлении губерниями». Пособиями ей были комментарии на английские законы Бекстона и Остзейское уложение. Екатерина знакомилась с порядками тех стран, где в местном самоуправлении преобладали дворяне.

Результатом труда Екатерины было изданное в 1775 году «Учреждение об управлении губерниями Российской Империи». Мы и ознакомимся теперь с этим Учреждением, что нового вносило оно в русскую жизнь.

Прежде всего Екатерина обратила внимание на чрезмерно большое пространство губерний (разделенных еще Петром) и «дабы губерния порядочно могла быть управляема, полагается на нее от 300 000 до 400 000 душ; губерния делится на уезды или округа по 20 000—30 000 душ в каждом». Это не совсем удачное решение вопроса. Дело в том, что население у нас не везде равномерно распределено: сообразуя новые губернии с числом населения, нельзя было сообразовать их с пространством, некоторые губернии остались велики. Но все же новые губернии были значительно меньше прежних.

Главной местной властью, по Учреждению, должен был стать *наместник*, или *генерал-губернатор*, который должен иметь надзор за всеми и общее попечение о благе. Он должен строго взыскивать со всех мест и людей, если они виноваты, а также мог отдавать их под суд. Являясь защитником всякого, он должен вступаться за всякого, «кого по делам волочат». Если генерал-губернатор усматривал что-либо неправильное в решении

судебных учреждений, то, приостановив их решение, мог докладывать Сенату, а в важных случаях и ее императорскому величеству. Это было так потому, что по уголовным делам, которые наказывались смертной казнью или отнятием имущества, окончательный приговор нельзя было произнести без ведома генерал-губернатора. Генерал-губернатор — это главный начальник полиции, он может пресекать всякие злоупотребления, а наипаче роскошь, беспутство, мотовство, тиранство, жестокость, то есть он являлся главой не только полиции безопасности, но и полиции нравов; на него же возложено попечение и о казенном интересе, о казенных повинностях, о благоустройстве и соблюдении осторожности от соседей.

Таковы функции генерал-губернатора, как они очерчены в Учреждении о губерниях.

Генерал-губернатор являлся, кроме того, председателем *Губернского правления*, в состав которого, кроме него, входили еще губернатор и *два губернских советника*. *Губернатор* — это ближайший помощник и заместитель генерал-губернатора, он ведал всеми теми делами, которые были возложены и на генерал-губернатора. *Губернские советники* — это только советники, которые обсуждают дела и подают по ним резолюции, они обязаны повиноваться резолюциям генерал-губернатора и губернатора. «Буде же если распоряжение губернатора, — говорилось в Учреждении, — не соответствует пользе, и губернатора отворатить от сего будет не можно, то советники должны письменно изложить свое мнение и послать его в Сенат, а приказаний губернатора отменять не могут».

Каковы же функции Губернского правления? Здесь мы видим перечень тех же дел, что подведомственны и губернатору. «Губернское правление — это место, которое управляет губернией: оно обнародует указы, повеления, приказания Императрицы, Сената и прочих государственных мест, следит, чтобы другие исполняли законы. Губернское Правление прилежное старание имеет о сохранении благонравия, мира и тишины не только в городах и селениях, но и на дорогах, реках и всех

местах губернии, затем оно взыскивает по подписанным счетам, ясным контрактам и по судебным приговорам». В важных случаях наместник наводит справки с мнением Уголовной и Гражданской палаты, и если ему что кажется неудобным, то он представляет в Сенат, а затем уже приводит в исполнение. Надзирая за деятельностью губернских учреждений, Губернское правление само подчинено Сенату, который и разбирает поданные на него жалобы.

Анализируя постановку управления, ее нельзя не признать бутафорской. В самом деле, имеются 3 власти, которые делают одно и то же: это генерал-губернатор, губернатор и Губернское правление. Обратите внимание на неясность в должности губернатора и Губернского правления. Если советники *только* советники, то ответственен должен быть собственно *один* губернатор, на деле они сливаются и правят вместе в Губернском правлении.

Скоро увидели ненужность таких трехэтажных властей и были произведены следующие изменения: генерал-губернаторы, или наместники, стали назначаться по одному на две губернии, и им был поручен высший почетный надзор за губернаторами, на которых и была возложена текущая работа по губернии. Так и создалось потом деление России на наместничества и на губернии, не предусмотренное Екатериной. Что касается деятельности губернаторов и Губернских правлений, то они потом размежевались меж собой: губернатор стал решать более важные дела, а менее важные дела отошли к Губернскому правлению. Так вместо совместной работы создалось известное разделение труда.

Генерал-губернатор, губернатор и Губернское правление были общими для всей губернии. Для других специальных дел был создан другой ряд учреждений. Екатерина, следуя теории и желанию сословий, создала отдельно административные и отдельно судебные учреждения. Начнем с административных.

Административные учреждения — это *казенная палата* и *приказ общественного призрения* для губерний и *уездное казначейство*, *нижний земский суд* и *городничий* для уезда и уездных городов.

Казенная палата, по определению закона, есть соединенный департамент камер-коллегии и ревизион-коллегии. Она ведала дела о народной переписи, о казенных доходах и расходах, заведует доходными статьями соляных и винных откупов, казенными зданиями и имуществами и ревизует счета других учреждений, то есть в казенной палате делалось то, что теперь подлежит ведению казенной палаты, управления государственных имуществ и контрольной палаты. Вследствие обширности подведомственных ей дел состав казенной палаты был сложным. Председательствовал в ней *вице-губернатор*, а членами ее были директор экономии, 2 советника, 2 ассессора и губернский казначей, которые и составляли присутствие казенной палаты.

Приказ общественного призрения, как видно из названия, заведовал школами, домами для сирот, надзирал за больницами, за домами для неизлечимых больных, за работными домами, то есть приказ общественного призрения заведовал тем, что ныне состоит в ведении городских и земских учреждений. Земские и городские учреждения являются органами общественного самоуправления. И Екатерине не была чужда мысль привлечь к этому делу выборных людей. В состав приказа общественного призрения вошло по 2 депутата от выборных судов, 2 — от верхнего земского суда (то есть от дворян), 2 — от нижнего земского суда, 2 — от купцов и мещан и 2 — от верхней расправы (то есть от государственных крестьян); по желанию в него могли входить губернский предводитель дворянства и городской голова губернского города, председательствовал в нем губернатор. Таким образом, в приказе общественного призрения были выборные, хотя и не прямо от всех сословий.

Таковы были административные учреждения губернского города — казенная палата и приказ общественного призрения.

В уездном городе было, прежде всего, *уездное казначейство*, которое принимало сборы, вело казенные доходы и расходы, а книги по ним отсылало в губернский город. То есть уездное казначейство ведало те же дела, что и теперь.

Нижний земский суд — учреждение, главным образом, административного характера и лишь немного судебного, он ведал в уезде то, что в губернии ведало Губернское правление. По «учреждению» он должен иметь попечение, дабы в уезде благочиние, благонравие и порядок были и дабы все законы исполнялись. В его руках были сосредоточены полицейские заботы о торговле, о порядке, он же принимал меры против падежа скота, против распространения бродяг, заботился о безопасности от огня и т. д. Нижний земский суд обязан был приводить в исполнение все решения губернского правления, палат казенной, уголовной и гражданской и высшего земского суда. Возникает вопрос, почему же это учреждение называлось судом, если в его ведении находились дела административно-полицейского характера? Дело в том, что на нижний земский суд была возложена специальная обязанность следить, чтобы никто не принимал к себе и не держал беглых крестьян; в данном случае ему была предоставлена известная юрисдикция. Но эта юрисдикция не была обязательной, и, кто был ею недоволен, мог перенести дело в соответствующий сословный суд. По Учреждению о губерниях» нижний земский суд состоял из *исправника* и двух или трех *заседателей*; и на ту и на другую должность назначались выборные от дворян уезда. Таким образом, нижний земский суд был выборным учреждением от дворян.

В городах нижний земский суд не действовал (он был только для уезда), а его обязанности исполнял знаменитый *городничий*; в пограничных городах его заменял комендант.

Таковы были административные учреждения в уезде.

Обзор *судебных* учреждений для удобства мы начнем снизу.

В уездном городе было 3 судебных учреждения: 1) *уездный суд*, 2) *городовой магистрат* и 3) *нижняя расправа* (последняя не во всех городах).

Уездный суд был по уголовным делам местного дворянства сословным дворянским судом. Он состоял из судьи и двух заседателей, выбираемых местным дворянством на три года. При уездном суде была *дворянская*

опека для вдов и малолетних детей умерших дворян. В ней председательствовал уездный предводитель дворянства, и в нее входил весь уездный суд.

Городовой магистрат был судебным местом по гражданским и уголовным делам для мещан и купцов. Он состоял из 2 бургомистров и 4 ратманов. Невольно напрашивается вопрос, почему этим лицам даны такие странные названия: бургомистры, ратманы, почему не просто судьи и заседатели? Дело в том, что городской магистрат был не только судебным, но и административным учреждением, это старый Петровский магистрат, только приспособленный к суду. При этом городском магистрате был *сиротский суд*. Председателем его был городской голова, и состоял он из 2 членов городского магистрата и городского старшины. Это учреждение, параллельное дворянской опеке, только ведавшее вдов и сирот мещан и купцов.

Нижняя расправа имелась только в тех городах и округах, где жили однодворцы или «всяких прежних служб служилые люди», черные крестьяне или крестьяне, приписанные к заводам; нижняя расправа предполагалась на каждые 10–30 тысяч душ. Тут был назначаемый расправный судья и 8 заседателей по выбору.

Такова *система низших судебных инстанций*: уездный суд для дворян, городской магистрат для купцов и мещан и нижняя расправа для свободных крестьян.

Апелляционной инстанцией для дворян был *верхний земский суд*, для горожан *губернский магистрат* и *верхняя расправа* для крестьян.

Верхний земский суд полагался один на губернию, но если губерния была велика, то их могло быть и более — 2 или 3. Верхний земский суд должен был состоять из одного или двух председателей, назначаемых императрицей по представлению Сената, и из 10 заседателей, выбираемых на 3 года дворянами той части губернии (или губерний), которая была в юрисдикции данного верховного земского суда. Этот суд делился на департаменты уголовный и гражданский. Компетенция его следующая: в него входили дела по апелляции и дворян из нижнего земского суда, жалобы дворян, жалобы на дворян, дела,

4-1255

касающиеся вотчин, завещаний, дела о бесчестии, а также дела разночинцев, которые были в юрисдикции верхнего земского суда (разночинцы — это такие люди, которые состояли на службе, дворянами не были, а считались ими как бы впрок).

В *губернском магистрате* было 2 председателя, назначаемых не императрицей, а Сенатом по представлению Губернского правления (здесь сказался взгляд на дворян как на первое и благородное сословие), и, кроме того, из 6 заседателей. Губернский магистрат делился на 2 департамента, в него поступали дела по апелляциям от городских магистратов и посадских ратуш.

Верхняя расправа состояла из 2 назначаемых председателей и 10 выборных от крестьян. Она рассматривала дела по апелляции от нижней расправы.

Такова была система судов с выборными сословными членами.

Но в губернском городе была еще *палата гражданских дел* и *палата уголовных дел*. Это, по определению закона, департамент юстиции и вотчинной коллегии. Палата уголовная разбирала дела, которые поступали к ней без апелляций, на ревизию и от верхней расправы. Эти дела касались жизни и чести. Если, например, какое-нибудь судебное дело разбиралось в верхнем земском суде и приговор по нему заключал смертную казнь или отнятие чести, то на окончательное решение дело должно было перейти в уголовную палату. *Уголовная палата* является, таким образом, *ревизионным трибуналом*. Что же касается *гражданской палаты*, то это был *апелляционный трибунал*; в нее поступали по апелляциям все гражданские дела из верхнего земского суда, губернского магистрата, верхней земской расправы.

Эти два высших судебных учреждения — ревизионный трибунал (уголовная палата) и апелляционный трибунал (гражданская палата) — были *коронными* учреждениями. Председатели их назначались императрицей, а советники и ассессоры — Сенатом.

Затем, в губернском городе был *совестный суд*, в состав которого входили 2 выборных от дворян, 2 от горожан и 2 от государственных крестьян. Совестьный суд

должен был быть не только органом правосудия, но и органом естественной справедливости. В его компетенцию входил разбор преступлений, совершенных безумными или малоумными, дела о колдовстве («поелику сие есть тупость, обман и невежество»), дела и споры детей с родителями об имуществе, то есть такие дела, которые требовали больше чуткой совести, чем юридических норм, совестный суд ведал также мировые сделки по гражданским делам. Ему принадлежала еще одна замечательная функция: совестному суду жаловались на незаконное заключение в тюрьму. Если кто-либо считал себя неправильно заключенным в тюрьму, то он мог жаловаться в совестный суд; последний тотчас же должен был послать за заключенным и за объяснениями и бумагами из тюрьмы; совестный суд допрашивал заключенного, рассматривал бумаги и, в случае неосновательности обвинения, мог освободить на поруки.

Таковы были учреждения, введенные в 1775 году для управления губерниями.

Необходимо остановиться еще на одном институте, который получил большое распространение, — это *прокурорский надзор*. При наместническом управлении состоял один прокурор и два стряпчих; затем, по прокурору и стряпчему было при Губернском правлении и верхнем земском суде; в уезде также был один прокурор. Они должны были заботиться о сохранении в производстве дел порядка, наблюдать за целостью власти ее императорского величества и истреблять повсюду зловредные взятки. Так определялась законом их должность.

Познакомившись с губернскими учреждениями Екатерины, мы видим, что стремления общества нашли известное удовлетворение: согласно с заявлениями сословий была произведена децентрализация, общество получило возможность иметь суд на местах, увеличено было также число должностных лиц, отчего должна была уменьшиться волокита, сословия получили выборные суды, и на местные учреждения возложены были заботы о том, о чем просили указы.

Я нарочно подробно остановился на этом вот с какой целью: в исторической литературе высказывались такие

взгляды, что при царском и императорском абсолютизме русское общество оставалось пассивным материалом, на котором рука верховного законодателя писала, что хотела. Но если вы припомните, как составлялось Уложение царя Алексея Михайловича, какую роль играли в его создании земские челобитные, а затем и выборные народа, и, наконец, в какой мере законодательство императрицы Екатерины II, казалось бы, основанное на философских началах западной мысли и почерпнутое из иностранного материала, являлось плодом работы самого народа, вам станет ясно, что это расхожее мнение не имеет никакого исторического основания.

Наибольшее количество прав по Положению 1775 года выпало на долю дворянства. Это сословие получило известную внутреннюю организацию. Дворяне должны теперь совещаться целым уездом, выбирать себе предводителя, исправников и заседателей. Уездное дворянство становится сплоченным обществом, оно получает управление уездом и административно-полицейскую власть. Дворянство получает также преобладание и в выборном Губернском правлении. Если сюда прибавить, что чиновники коронной службы, бюрократы были тоже дворяне, то можно сказать, что все губернское управление было в дворянских руках. Это было последней стадией в возвышении дворянства. С упадком старого боярства, который можно отнести к концу XVII века, дворянство стало помощником верховной власти в управлении страной, а теперь, с 1775 года, вся Россия стала управляться дворянством: в центре бюрократией, а на местах выборными. С этой точки зрения Россия стала дворянской страной. Это установившееся политическое положение дворянства было естественным следствием его социального положения: дворяне господствовали в селах и деревнях, немудрено поэтому, что они стали господствовать и в управлении, и во всем.

В Учреждениях 1775 года получили удовлетворение не все желания дворянства, выраженные им в наказах. Дворяне желали консолидироваться, обособиться от остальных и обставить себя правами. Идея «Дворянского

корпуса» как чего-то изолированного уже созрела в дворянских головах и наполнила все их начинания. «Чтобы корпуса дворянского права и преимущества ограждены были», — требовали волоколамские дворяне. «Корпуса дворянского, отдельного от остальных людей», — требовали волховские дворяне. «О составлении права дворян, — просили симбирские и казанские дворяне, — дабы правами они пользовались и отличались тем от остальных людей».

Но дворянские указы не ограничивались одними требованиями общего характера, они определяли также состав дворянского корпуса и те права и преимущества, которыми они желали отделиться от остальных людей подлого рода. Поэтому дворяне отрицательно относились к «табели о рангах» Петра I, который чин ценил более породы. Многие дворянские указы и хлопочут, чтобы дворянство не давалось зря, по чину 8 класса, а чтобы оно жалуемо было самим государем; мало того, некоторые указы просят исключить из числа дворян тех, кто попал в него по чину 8 класса. Но большинство указов не шло так далеко; большинство просило исключить из дворянства тех лиц, которые не имели дворянских дипломов, но продолжали состоять в числе дворян. В старину и при Петре еще было несколько низших разрядов служилого сословия, которые оставались на каком-то межеумочном положении: некоторые из них попадали в подушный оклад, некоторые нет, но и не зачислялись в ряды благородного шляхетства, хотя по старой памяти и продолжали называться дворянами. Так вот теперь их старшая братия и не захотела иметь их в своей среде. Некоторые указы предлагали дослужившихся до дворянства вводить в особый класс «помещиков». Ярославское дворянство, представителем которого был известный князь Михаил Михайлович Щербатов, просило, «чтобы дворянство было расписано по 6 реестрам: князя, графы, бароны, дворяне иностранного происхождения, пожалованные и чиновники»; затем ярославские дворяне просили «расписать дворян по городам, учредить им ежегодные собрания и завести дворянские книги». Высоко ценя свое благородное дворянское достоинство,

дворяне просят, чтобы оно отнималось не иначе, как по суду за неблаговидные для дворян проступки, какими по «Проекту прав благородных» были измена, воровство, подлог, нарушение клятвы и т. п. Затем дворянские наказы ходатайствуют об освобождении дворян от телесных наказаний, пыток и смертной казни, а некоторые наказы прибавляют сюда и конфискацию имущества.

В области имущественных прав дворяне требовали себе исключительного права владеть крепостными душами. Это их право подтверждалось еще при императрицах Анне и Елизавете, но на практике плохо исполнялось, так что дворяне и просят теперь запретить всем недворянам владеть землями с крепостным населением. Дворяне хлопочут об отмене стеснительного указа Петра Великого о руде, просят разрешить им приобретать дома в городах, беспощинно курить вино для домашнего употребления, брать откупы и подряды и продавать продукты своих земель. Затем дворяне хлопочут о сложении с них мелких, но докучливых сборов с бань, мельниц, пасек и т. п.

Таковы были ходатайства об организации дворянской корпорации и о ее правах.

Все сословные домогательства дворян были приняты Екатериной и удовлетворены почти полностью в *Жалованной грамоте дворянству 1785 года*. В одном только Екатерина не выполнила желания дворян: она не замкнула дворянского сословия, оставшись на точке зрения указов Петра I.

Именно, в Жалованной грамоте было сказано, что дворянство приобретается службой и трудами, престолу российскому полезными. Но все же Екатерина признала и другой принцип — тот, который выдвигался в наказах, и дала также другое название дворянству: «Дворянское звание есть следствие, истекающее от качеств и добродетелей, приобретенных древними мужами, от заслуг, обращающих род в достоинство и приобретающих потомству нарицание благородных». Таким образом, Екатерина признала два начала в дворянском звании: чин, заслугу и наследственное происхождение, то есть сочетала две несовместимые идеи.

Как логическое следствие из этого общего положения Жалованная грамота говорила, что дворянин, женись на недворянке, сообщает свое звание ей и детям и что дворянское звание неотъемлемо иначе, как по суду за те преступления, за которые следует телесное наказание или лишение чести, и не иначе, как с конфирмацией государя. Раз дворянское звание в таком смысле неотъемлемо, то Жалованная грамота признает, что дворянка, выйдя замуж за недворянина, не теряет своего звания, но не сообщает его ни мужу, ни детям. Дворянин, покамест он остается дворянином, не может быть подвергнут телесному наказанию или лишению чести, должен быть судим равными себе и свободен от податей, которыми обложены люди подлые. Таковы права, вытекающие из самого понятия благородства.

Затем Екатерина утвердила за дворянами все те права, которые были им дарованы раньше: дворяне вольны служить и вольны просить об отставке, они имеют право вступать на службу к дружественным иностранным государям, но при нужде государства каждый дворянин должен служить, не щадя ничего, даже живота своего.

Кроме подтверждения старых, Екатерина даровала и новые льготы дворянству, о которых они просили в комиссии для составления проекта Нового Уложения. На дворянских имениях лежал целый ряд ограничений в праве распоряжения. Екатерина дала право свободного распоряжения благоприобретенными имениями и установила, что наследственные имения не подлежат конфискации, а переходят к наследникам. Затем дворянам было даровано право торговать оптом плодами своей земли, открывать заводы, ярмарки и подлежать, если они захотят, городскому праву. Исполняя желания дворян, Екатерина подтвердила их права на недра земли. Кроме того, был снят с дворянских лесов целый ряд ограничений, которые лежали на них по указам Петра I, запрещавшего в целях сбережения мачтового леса рубить дубы и сосны известной величины: все эти ограничения теперь снимались. Помещичьи дома в деревнях освобождались от постоя.

Вняв желанию дворян составить особый «корпус», Жалованная грамота позволяла дворянам собираться в той губернии, где живут, и составлять общества. Созывались дворяне генерал-губернатором или губернатором через каждые 3 года для выборов и для выслушивания предложений и требований генерал-губернатора и губернатора. На этих собраниях дворяне выбирали двух кандидатов в губернские предводители дворянства и членов в нижний земский суд и т. д. На предложения генерал-губернатора дворяне имеют право чинить пристойные ответы о добре и пользе общественной. Дворяне через депутатов имеют право подавать жалобы в Сенат и непосредственно государю. Дворяне каждой губернии имеют право иметь свой дом, архив, свою печать, своего секретаря и составлять своими складками особую казну.

Желая, если не замкнуть, то ясной чертой отделить дворянство от остальных классов, Екатерина разрешила дворянам иметь в каждом уезде свою родословную книгу и на предмет ведения ее выбирать одного депутата. Этот депутат вместе с предводителем дворянства должен иметь попечение о составлении и исполнении *Дворянской родословной книги*. В нее должно записывать дворян, которые имеют недвижимость в уезде и могут доказать свое право на дворянское звание. Родословная книга делится на 6 частей. В первую часть вносятся действительные дворяне, то есть кто пожалован в дворяне благодаря гербу, печати и чей род существует более 100 лет. Во вторую часть заносятся те дворяне и их потомки, которые во Франции назывались «дворянство шпаги» (*noblesse d'épée*), то есть потомки обер-офицеров, возведенных в дворяне по «табели о рангах» Петра I. Третья часть вмещает в себе те фамилии, которые во Франции назывались *noblesse de robe*, то есть потомство чиновников, попавших в дворянство по «табели о рангах» Петра Великого. В четвертую часть записывались иностранные роды, переехавшие на службу в Россию, пятая часть обнимала собой титулованные роды — князей, графов, баронов, а в шестую часть, самую почетную, попадали самые благородные роды дворян, которые вели свое родословное древо с XVII и даже XVI столетия.

Все внесенные в Родословную книгу получали право присутствовать на дворянских собраниях, а правом голоса пользовались лишь те, кто достиг 25-летнего возраста, имел свою деревню и дослужился до обер-офицерского чина. Кто не удовлетворял этим условиям, тот мог только присутствовать, но ни активным, ни пассивным избирательным правом не пользовался. Эти ограничения существуют и до сих пор. Пассивным избирательным правом, чтобы быть выбранным, пользовались те, кто имел со своих деревень дохода не менее 100 рублей.

Таким образом, мы видим, что Екатерина пошла навстречу желаниям дворянского сословия и удовлетворила их.

Жалованная грамота дворянству 1785 года была кульминационным пунктом, который завершил консолидацию и социально-политическое возвышение дворянства. Дворянство теперь — это свободный общественный класс, привилегированный, который обставлен рядом гарантий по отношению к верховной власти и ее представителям. В истории гражданского развития Жалованная грамота — это первый шаг на пути раскрепощения личности, признания прав человека, права самоопределения личности независимо от власти. С этой точки зрения значение Жалованной грамоты дворянству шире ее практического значения. Это не только привилегии обществу — это своеобразная *Magna Charta Libertatum*, это как бы предвозвестник в новом направлении русской общественности, что вслед за дарованием и признанием одному сословию неминуемо, рано или поздно, должны быть дарованы права и другим сословиям русского общества.

Это тем более справедливо, что вместе с дворянами Екатерина дала *Жалованную грамоту и городам*. Уже в своем Наказе Екатерина проводила мысль, что в том государстве, где дворянство есть основание, должен быть и средний род людей. В основе дворянского рода людей, рассуждала она, лежит добродетель и честность, а в основе среднего рода людей лежит добронравие и трудолюбие, с потерей которых теряются и права среднего рода людей. К ним принадлежат те, кто не хлебопашец,

не дворянин, кто подвизается в торговле, ремеслах, искусстве, судоходстве, мореплавании, а также дети чиновников и питомцев Воспитательного дома. Высоко ценя дворянский род людей, Екатерина и за средним родом людей признавала важные государственные функции. За ними она признавала как бы корректив, дополнение к дворянству, и, даровав права одним, она дала их и другим. Эту мысль она проводила и в Наказе, согласно с ней поступала и на деле.

В один и тот же год, в один и тот же день, *21 апреля 1785 года*, вместе с Жалованной грамотой дворянству, Екатерина издала и знаменитое *Городовое положение*. Городовое положение сыграло видную роль в развитии общественности, и на нем мы остановимся подробнее.

Городовое положение по содержанию разделяется на три части. В первой части содержится определение города как единицы и юридического лица, и определяются права сословий. Во втором отделе определяется внутренняя организация отдельных разрядов городского населения, гильдий, цехов и право каждого разряда. В третьей части описывается устройство городского самоуправления. В такой последовательности мы и будем рассматривать Городовое положение.

Но надо сказать, что в самом памятнике это деление не совсем выдержано. Хотя Городовое положение и выработывалось долгое время, но оно, как доказал А. А. Кизеветтер, вышло в черновом виде и представляет много камней преткновения. В нем встречаются противоречивые статьи, встречается разная терминология, некоторые вопросы не предусмотрены законодательницей. Я не стану останавливаться на недостатках Положения, а остановлюсь на том, что не вызывает сомнения и ясно.

По Положению Екатерины, каждый город есть юридическое лицо и пользуется имущественными правами. Что город юридическое лицо — это новость в русской жизни. Вся земля со всеми находящимися на ней угодьями, на которой расположен город, на вечные времена отводится городу. Но в составе городской территории различаются частные владения горожан и общественные. За всеми жителями сохраняются их владения. Хотя тер-

ритория города и составляет собственность города, но город ограничен правами владельцев. Как естественное следствие из этого положения вытекает право города на наследование выморочных имуществ, находящихся в пределах его территории. На городских общественных землях город имеет право содержать мельницы, харчевни, гостиницы, трактиры, гостиные дворы и отдавать их внаем. Город имеет право содержать свой особый дом. Каждый город строится по особому плану, получает свою печать, герб за подписанием руки императрицы. В городе могут жить люди всяких сословий и занятий, хотя город и рассматривается преимущественно как сосредоточие ремесел и торговли, и потому Городовое положение подтверждает это. Всеми законными правами пользовались те, кто был приписан к городу, а иногородцы, не приписанные к городу, не могли торговать. Допускалось, впрочем, одно исключение — это в каждом городе бывала ярмарка и базарные дни, в которые уездные люди и могли привозить и продавать свой товар; на ярмарки имеют право приезжать и иногородние купцы и продавать и покупать товары, не приписываясь к городу. В интересах жителей город должен иметь клейменные весы и меры и установить разборку и браковку товаров. Согласно основному взгляду на город как на сосредоточие торговли, рукоделия и ремесел, Городовое положение под горожанами понимает купцов, мещан, вообще «средний род людей», но сюда же оно относит и дворян, если они имеют в городе дома, сады, места или дворы. Дворяне, приписанные к городу, должны нести тягости наравне с мещанами, за исключением повинностей, непристойных для дворян: они не платят подушной подати, в наряды не ходят и рекрутов не ставят. Так как в городе живут не одни купцы и мелкие торговцы и ремесленники, то Екатерина дает и другое определение городским обывателям: «Городские обыватели это те люди, которые живут в городе, или старожилы, или родились, или поселились в нем, или имеют дом, место, или записаны в гильдию или цехи, отправляют службу, записаны в оклад и несут тягости». А кто из отдельных лиц, в частности, относится к горожанам, кто нет, право определять

это принадлежит, по Городовому положению, местному городскому обществу.

В своем большом Наказе Екатерина параллельно дворянству ставила и среднее сословие. Этот параллелизм идей отразился и на законодательстве Екатерины, и на ее отношении к городскому сословию. Екатерина старалась во всем провести параллель между дворянами и горожанами: так, например, городские обыватели приравнивались ею к уездным дворянам.

Через каждые 3 года граждане с позволения или по приказанию генерал-губернатора или губернатора собирались под председательством своего выборного городского головы для выборов или для выслушивания предложений губернатора. В это время они выбирали бургомистра, ратманов, заседателей в городские суды и т. д. Активным и пассивным избирательным правом пользовались граждане, достигшие 25 лет и обладающие имущественным цензом (вдвое меньшим, чем для дворян) в 50 рублей годового дохода с недвижимости. На предложения генерал-губернатора горожане, как и дворяне, дают пристойные ответы. Этот параллелизм можно подметить не только в отдельных правах дворян и горожан, а даже в целых фразах Городового положения, которые будто списаны с Жалованной грамоты дворянству. Городские обыватели, как и дворяне, могут представлять губернатору о своих нуждах. Для своих общественных собраний горожане могут иметь особый дом, а также свой герб, свою печать, своего писаря. Городовому обществу дозволяется своими складками составить казну и употреблять ее по общему согласию на общественные нужды.

Как и у дворян, в каждом городе предполагается *Городовая обывательская книга*, в которую записываются обыватели города и их потомки. Для ведения *Городовой книги* выбирают старшину и депутатов. Эта *Городовая книга* разделялась, как и *Дворянская родословная*, на 6 частей. В первой части (в дворянской книге записывались действительные дворяне) *Городовой книги* записывались *настоящие городские обыватели*, имеющие в городе дома, места, дворы. Во вторую часть (в дво-

рянской — дети офицеров) были внесены все лица, записанные в гильдии. В третьей части (в дворянской — дети чиновников) Городовой книги были записаны ремесленники, купцы, не внесенные в гильдии, и купцы 1-й, 2-й и 3-й гильдий, то есть сказавшие за собой капитала: первые не менее 10 000 рублей, вторые от 1000 до 10 000 рублей и третьи не менее 500 рублей. Четвертая часть (в дворянской — иностранные дворянские роды) обнимала собой иногородних и иностранных гостей, поселившихся в городе ради торговли или ремесла. В пятую часть (в дворянской — титулованные дворяне) Городовой книги вносились именитые граждане. Сюда относятся те горожане, которые отправляли службу по выборам и кончили ее с похвалой, ученые, имеющие аттестаты академий и университетов, архитекторы, живописцы, музыкосочинители с академическими дипломами и крупные капиталисты, объявившие за собой капитала свыше 50 000 рублей, оптовые торговцы, торговавшие без лавок, амбаров и лабазов, судозавода, банкиры и т. д. Шестая часть Городовой книги (дворянская книга — старинные знатные роды) состояла из почтенных старожильцев города, торговцев и ремесленников, не внесенных в другие книги. Аналогия в записывании по книгам соблюдена полностью.

Итак, городское общество было организовано на тех же началах, что и дворянское. Аналогия шла дальше в определении личных прав и привилегий горожан. Мещанское звание, как и дворянское, — наследственное, оно передается жене, детям. Мещанин без суда не может быть лишен жизни, имущества и судится равным себе мещанским судом. Благоприобретенным имуществом он может распоряжаться по своему усмотрению, а наследственным по закону; мещанин может заводить по желанию торговлю, промыслы. За обиду, учиненную мещанину словом, ему полагалось бесчестье, то есть денежное вознаграждение, величина которого должна равняться количеству податей, платимых мещанином в год; за обиду его жены бесчестье полагалось вдвое больше, за обиду его мальчиков бесчестье — в половину, а за обиду девочек — в 4 раза больше. Таковы были общие права

городовых обывателей, людей среднего рода; в них даются гарантии личного и имущественного характера.

Затем были определены специальные частные права различных разрядов городских обывателей. Именитые граждане, купцы 1-й и 2-й гильдий освобождались от телесных наказаний, а также от подушной подати: вместо наряжения в наряды и поставки рекрутов они имели право вносить деньги. Именитые граждане имели право устраивать заводы, иметь загородные сады, дворы и прочее, торговать оптом и в розницу внутри городов и в уездах. Посадские люди имели право содержать дворы, лавки, имели право торговать по мелочам, брать подряды и т. д. Иностранным гостям гарантировалось свободное отправление своей веры и право отъезда за границу, обусловленное только своевременным заявлением магистрату и уплатой недоимок и трехлетней подати.

Таким образом городскому сословию давались чуть ли не все те права, которые получили дворяне (кроме, главным образом, права иметь крепостных), но *не в равной мере всем разрядам*. Так, например, освобождены от телесных наказаний были только именитые граждане и купцы 1-й и 2-й гильдий, от подушной подати — они же и еще купцы 3-й гильдии и т. д.

Эти главные разряды городских обывателей, купцы и ремесленники, получили по Городовому положению известную внутреннюю организацию.

Во главе купцов и посадских людей стояли особые старшины, которые созывали собрания, вели книги и т. д.

Но с особой заботливостью и вниманием Екатерина остановилась на организации ремесленных цехов, и поэтому ее Городовое положение вышло чем-то странным, так как большая часть статей относится к организации цехов. Тут Екатерина предусмотрела все, и ее цеховой устав вышел наиболее жизненным и во многих своих частях действует до сих пор.

Цехи имели свои *ремесленные управы*, учреждавшиеся во всех тех городах, в которых было более пяти мастеров данной специальности. Разделение цехов по специальностям производилось Городовым магистратом. Каждый цех получал свое «ремесленное положение», свой

значок, печать, весы, меры, пробу и пр. Все эти принадлежности вместе с цеховой казной хранились там, где собирался цех. Мастера собирались ежегодно для выбора цехового старшины и управского старосты. Цеховой старшина заседал в городской думе и представлял о нуждах цеха; но главной его обязанностью было внутреннее управление цехом. Управский старшина с товарищами рассматривал жалобы на ремесленников и судил исковые дела на сумму не свыше 25 рублей, а свыше 25 рублей должен был передавать в Городовой магистрат. Он должен был следить, чтобы мастера работали чисто и добросовестно и чтобы изготавливаемые ими продукты соответствовали определенному весу и т. п., а в случае жалобы на недобросовестное исполнение заказа должен производить экспертизу и чинить управу. Затем, он принимал жалобы на неумеренно запрашиваемые цены и определял их, разбирал жалобы на неисправное исполнение заказов и т. п. Он же заведовал цеховой казной, которая составлялась из самообложения на собраниях мастеров и из штрафных денег. Расходовать эту казну управский старшина мог только с согласия цеха; из нее выдавались пособия членам цеха, пришедшим в бедность из-за несчастного случая.

Ремесленники делились на мастеров, подмастерьев и учеников. Ремесленное положение Екатерины детально определяет те отношения, которые должны быть между ними. На этом мы не будем подробно останавливаться, отметим лишь вопрос о рабочем дне. Рабочих дней для ремесленников в неделю должно быть 6: работать по воскресеньям и двенадцатым праздникам разрешалось лишь в случае крайней необходимости. Рабочий день устанавливался в 10 часов; на завтрак полагалось полчаса, а на обед полтора часа. Но на практике это никогда не соблюдалось.

Все цехи собирались вместе и выбирали *ремесленного голову*, который утверждался ратушей. Этот ремесленный голова заседал в Шестигласной городской думе и представлял о нуждах цеха. Ремесленный голова разрешал все столкновения между цехами, которые могли возникнуть у них из-за вторжения в чужую специальность,

когда какой-нибудь часовых дел мастер начинал лудить самовары, а лудильщик, недовольный его конкуренцией, подавал на него жалобу. Без дозволения ремесленного головы никого нельзя было выгнать из цеха, он также приводил своих товарищей к присяге, когда это требовалось.

Полнота Ремесленного положения объясняется не тем, что у нас в России были развиты ремесла, а тем, что оно было списано Екатериной с хорошего иностранного источника.

Мастерам-иноверцам разрешалось свободно строить церкви; католики подчинялись могилевскому епископу, а лица аугсбургского вероисповедания подчинялись консисториям, состоявшим из пасторов и светских заседателей. Гражданские права иноземных гостей обеспечивались тем, что там, где их было 500 и более душ, им разрешалось к наличному числу бургомистров прибавлять одного своего и вести делопроизводство на своем языке; это правило было применимо и к цехам.

Таково было внутреннее устройство главных разрядов городского общества. Все эти классы объединялись общим городским самоуправлением.

Теперь мы обратимся к третьей части Городового положения — к устройству городского самоуправления.

До Екатерины управление городами находилось в руках *магистратов* и *ратуш*; магистраты были в больших городах, ратуши (по своему составу упрощенные магистраты) в более мелких. Хотя это и были выборные сословные учреждения, но по роду деятельности они были скорее органами центральной власти, чем городским самоуправлением. Их главной обязанностью был *суд* над горожанами и *раскладка* казенных податей и повинностей. Правда, на магистрате лежали заботы о внешнем благочинии и о внутреннем благоустройстве, но эти полицейские функции не получили развития. Прежде всего, полиция благочиния находилась в заведовании особого должностного лица, полицмейстера в больших городах и городничего в более мелких, а полиция благоустройства и благосостояния (постройка школ, сиротских домов, госпиталей) оставалась большей частью на

бумаге; когда же некоторые города на самом деле стали заводить школы, то их деятельность сузилась и стала заключаться только в доставлении денег, а действительное заведование перешло в руки администрации. Таким образом, и петровские магистраты, и ратуши не были органами городского самоуправления, а скорее местными исполнительными органами центральной власти.

Екатерина и задумала изменить этот порядок и создать такое учреждение, которое главным образом раздело бы о пользах и нуждах города и было бы действительным органом городского самоуправления. Петровский магистрат с его сословным характером она оставила как учреждение *судебное*. Но, оставив магистрат как судебное учреждение, Екатерина по рассеянности забыла снять с него функции административные, так что с изданием Городового положения 1785 года магистрат оставался не только судебным, но и административным учреждением.

Рядом с ним и в подчиненное положение, вроде какого-то приростка, Екатерина поставила *городскую думу*. Это было очень большой неловкостью.

Что такое эта городская дума, из кого она состояла и какова была ее компетенция? *Городская общая дума* состояла из городского головы и из гласных от каждого из 6 разрядов населения; при этом гласные от одного разряда имели один голос, то есть все вопросы предварительно должны были обсуждаться в пределах каждого сословия, а затем уже их решение представлялось одним голосом. Это бывало так в средние века, например, в генеральных штатах во Франции. Эти гласные выбирались следующим образом: так как настоящих городских обывателей было много, то они выбирали по одному гласному от каждой части города, гильдии — по одному гласному от каждой гильдии, цехи — по одному гласному от каждого цеха, иностранные и иногородние гости — по одному от народа или от города, именитые граждане по одному человеку от каждого звания, буде их будет пять или более человек; так как посадских людей было много, то они, как и настоящие городские обыватели, выбирали по гласному от каждой части города.

По своему составу общая городская дума была *общесословным* городским учреждением, но она оказалась пришитой к сословному городскому магистрату и в зависимости от него.

Общая городская дума собиралась раз в три года или чаще, если бывали экстренные дела. Заседания происходили в городском общественном доме.

Для ведения текущих дел городская дума избирала из себя *Шестигласную думу*, в состав которой входило по одному гласному от каждого разряда жителей, всего 6 гласных под председательством городского головы.

Что касается ведомства городской думы, то по Городовому положению оно было определено так. Дума должна заботиться, чтобы «жители города нужными пособиями к содержанию себя обеспечены были», то есть о народном продовольствии; затем она должна заботиться об охране города от ссор и тяжб с соседними городами и селениями, а также хранить мир и согласие между жителями города, поощрять привоз необходимых продуктов, наблюдать за прочностью городских зданий, заботиться о возведении всего полезного, стараться о приращении доходов, разрешать недоумения между Шестигласной думой и магистратом и наблюдать, чтобы Городовое положение и Ремесленное положение были повсюду соблюдаемы. Два последних пункта могут вызвать вопрос недоумения: как же так? Некоторое разъяснение дает нам то обстоятельство, что всякие столкновения между гильдиями и цехами разрешали и дума, и магистрат. Городской думе строго запрещалось вмешиваться в судные дела жителей и делать постановления, противоречащие Городовому положению, Ремесленному положению и другим законам.

Так как на городскую думу были возложены известные задачи, то ей были предоставлены и известные финансовые средства. Она получала: 1) 2% таможенных сборов с привозных товаров (в тех городах, где были таможни, преимущественно портовых), 2) 2% с доходов от казенной продажи питей, 3) арендную плату с городских имуществ и угодий, 4) штрафные деньги с местных жителей и, наконец, 5) все выморочные имущества шли

городу. Эти доходы шли на содержание магистрата и других должностных лиц, затем на школы, богадельни и другие заведения, на постройку и ремонт городских зданий и т. п. Екатерина оговорила, что кроме этих пунктов городская дума не имеет права расходовать деньги самовольно. Если же городу предстоит какой-либо расход, то дума должна представить о нем губернатору и ждать его разрешения. Губернатору же должны представляться отчеты о доходах и расходах города.

Мы не будем касаться вопроса о том, в какой мере эти положения 1785 года вошли в жизнь, ибо вопрос этот еще не разработан в русской историографии, хотя представляет большой интерес, как вошли в жизнь разноречивые нормы Городового положения: А. А. Кизеветтер в своей диссертации раскрыл нам, какие недоумения возникали в Москве при его применении, но многое осталось им неразработанным. Наверное, Городовое положение нельзя было провести целиком в жизнь. Например, такое дело: многие города, особенно на юге, были так бедны, что в них совсем не было купцов, за которыми был бы гильдейский капитал, и гильдий, таким образом, не было; а раз не было гильдий, то отпадал один из 6 гласных, или представитель от гильдейских купцов. Все эти факты еще ждут своего исследователя, тем более что Городовое положение не осталось одной фантазией законодательницы, а вошло, как-никак, в жизнь.

Но как бы то ни было, надо сказать, что Городовое положение Екатерины является провозвестником развития общественного самоуправления. Впервые на Руси появилась такая организация, в которую входили все сословия. Ранее общественные органы были органами для платежа государственных податей, несения государственных повинностей, для наилучшего отправления правосудия и т. д.; интересы общества были налицо и ранее, но они имелись в виду лишь постольку, поскольку это было в интересах государства; наконец, они преследовали лишь сословные цели и не распространялись на все население данной территории. В Городовом положении Екатерина отступила от сословного начала и создала такое положение, которое заботилось

о городе как о торгово-промышленном и культурном центре. Городовое положение — это начальное звено в той цепи общественных учреждений, которые так пышно расцвели в царствование императора Александра II.

При начертании этого Положения Екатерина не доходила до такой зависимости от общества, как при составлении Жалованной грамоты дворянству и Губернских учреждений. Ведь Жалованная грамота дворянству была прямым ответом на вопросы дворянства в наказах; учреждение о губерниях также шло навстречу их потребностям. Что касается Городового положения, то тут при его составлении Екатерина действовала независимо и самостоятельно, руководствуясь не столько заявлениями купцов, сколько своими убеждениями о среднем роде людей.

Приведу для иллюстрации ряд примеров. Екатерина объединила в городе все сословия без исключения, в том числе и дворян, а наказы от городов предлагали объединить только один торговый класс: во всех наказах проводилась идея, что купеческим правом должны пользоваться лишь купцы. Как и дворяне, купцы желали замкнуться и поэтому они предлагали, чтобы купцам и цеховым был запрещен выход в другие сословия, чтобы купеческие вдовы и дочери выходили замуж за людей других сословий, лишь продав свою торговлю, и чтобы право заниматься торговлей, ремеслом и промыслами было предоставлено лишь купцам и ремесленникам. Но Городовое положение дало право на эти занятия всем. Стоя на сословной точке зрения, наказы предлагали организовать город на сословных началах, чтобы его органы — магистрат и ратуша — сплошь состояли из купцов. Только два наказа, от Москвы и Петербурга, предлагали допустить в общественное самоуправление и дворян, живущих в городе; это противоречие требованиям других наказов объясняется тем, что Москва и Петербург были переполнены дворянами. Екатерина, как вы уже знаете из описания устройства городского самоуправления, не ответила положительным образом на эти домогательства и в состав городского общества ввела также и дворян, имеющих недвижимость в городе.

Хотя Екатерина и самостоятельно составляла Городовое положение, но надо указать, что она использовала и те материалы, которые представляли ей указы депутатов. Например, все указы просили отвести для городов выгоны, сенные покосы, леса и пахотные земли. Екатерина пошла навстречу этим просьбам и предоставила городам все просимые ими угодья. Указы хлопчут об отмене телесного наказания для купцов. Екатерина и это желание удовлетворила до известной степени, освободив от телесного наказания именитых граждан и купцов 1-й и 2-й гильдий, а остальным было гарантировано, что они могут потерять имущества не иначе, как по суду. Указы просили освободить горожан от казенных служб и от натуральных повинностей, а рекрутскую повинность просили заменить денежной. И в этом случае Екатерина пошла навстречу желаниям горожан, и именитые граждане, и купцы 1-й и 2-й гильдий были освобождены от личных служб и посылок, от командировок в казначейство для счета денег, для сбора кабацких денег и т. п. Жалованная грамота освобождала дома некоторых граждан от постоянной повинности, а для купцов рекрутскую повинность заменила денежной. Статья 101 Городового положения гласит: «Записанные в гильдию не избираются к казенным службам, где такие еще суть, к соляной, винной службе, к смотрению казенного имущества, на должности целовальников, счетчиков, а вместо того гильдии платят, сколько пристойно». От постоянной службы были освобождены дома, где жили городской голова, бургомистр, ратманы. От рекрутской повинности купцы за плату в 360 рублей были освобождены еще в 1776 году, а в 1785 году эта их привилегия была подтверждена.

Удовлетворяя нужды торгового класса, Екатерина заботилась и о ремесленниках. Все городские указы просили организовать цехи. Ярославский указ просил, чтобы заниматься ремеслом позволено было только в цехах, а чтобы сторонним людям было запрещено. Екатерина, как мы знаем, ответила на этот запрос. Указы требовали устройства ярмарок, банков. И это нашло удовлетворение в Городовом положении, статья 26 которого

гласит: «Учредить в городе одну ярмарку и более и для сего определить время, отвести место, куда иногородние люди могут свои товары привозить и продавать их, а непроданные свободно увозить». Грамота позволяла из остатков капитала устраивать банки.

Итак, даже в свободно составленное Екатериной Городовое положение вошло много пожеланий, выраженных в комиссии для сочинения проекта Нового Уложения, и в данном случае деятельность комиссии прошла не бесследно, хотя и не в таком размере, как для Губернских учреждений 1775 года и для Жалованной грамоты дворянству 1785 года.

Екатерина решила вопросы дворянский и городской, но не решила *крестьянского* вопроса так, как она того хотела.

Еще в бытность великой княгиней, в 1759–1762 годах, Екатерина отрицательно выражалась про крепостное право: «Противно христианской вере и справедливости делать невольниками людей». Уже в ту пору Екатерина прониклась философской идеей естественного права, в непримиримом противоречии с которым стояло крепостное русское право. Екатерина думала, что лет через 100 крепостное право может кончиться: она мечтала издать закон, который определял бы, что при передаче имения из одних рук в другие крестьяне освобождались от крепостной зависимости. Но действительность заставила Екатерину идти другим путем. Ее супруг 18 февраля 1762 г. освободил дворян от обязательной службы. Как логическое последствие этого манифеста должна была бы быть Жалованная грамота крестьянству. Крестьяне и стали ждать себе освобождающего их манифеста, а так как его не оказывалось, то появились слухи, что помещики скрыли этот государев манифест, и крестьяне стали волноваться. Волнения происходили в Тверской и в Смоленской губерниях. Тогда Петр III 19 июня издал манифест, коим опровергал эти слухи, «непотребными людьми распространяемые», и заявлял, что он «намерен помещиков в их владении нерушимо сохранять, а крестьян в повиновении им соблюдать».

Через 10 дней после этого манифеста Екатерина революционным путем при помощи гвардии, то есть высшего слоя дворянства, вступила на престол. Что же оставалось ей делать в таких условиях, как не подтвердить манифест своего супруга, что она и сделала 3 июля, какую-нибудь неделю спустя после восшествия на престол.

Между тем волнения крестьян все увеличивались и охватили Каширский, Тульский, Епифанский уезды Тульской губернии, Волоколамский уезд Московской губернии, Галицкий Костромской губернии, Вяземский и Южновский Смоленской губернии. Екатерина усмирять их послала князя Вяземского с солдатами и пушками.

8 октября Екатерина издала новый указ «О пребывании крестьян под властью помещиков» и велела читать его в церквях по воскресным и праздничным дням. Под впечатлением крестьянских волнений в 1765 года издан был закон о праве помещиков ссылатъ на каторгу своих крестьян (и возвращать их) «за дерзостное состояние». Так, следовательно, крепостное право было не только не уничтожено, но и санкционировано и даже расширено. В 1767 году издан был еще новый указ, который запрещал крестьянам подавать жалобы на высочайшее имя.

Но было бы ошибкой думать, что изданием этих указов Екатерина и ограничилась в разрешении крестьянского вопроса, который ставился на очередь ей самой жизнью. Эти указы изданы были благодаря сложившимся обстоятельствам, по требованию минуты, но Екатерина не отступила от своего первоначального плана, только дала ему другое направление. Русская действительность показывала ей, что немыслимо было поднимать вопрос об освобождении крестьян, можно было думать только об ограждении их от произвола. На это указывали ей и сановники.

Я уже приводил вам записку Панина, поданную Екатерине в 1764 году, а в 1766 году она получила еще записку от Елагина. Елагин указывал на необходимость не только утвердить размеры повинностей, но и наделить крестьян землей; эту реформу он предлагал начать с дворцовых крестьян. Елагин возлагал много надежд на то, что быт крестьян сильно повысится, если

они будут работать на своей земле. Другой вельможа, русский посланник в Париже князь Дмитрий Александрович Голицын в письмах своему двоюродному брату вице-канцлеру Александру Михайловичу Голицыну советовал крестьянам даровать право собственности на их движимость. Вице-канцлер эти письма давал читать Екатерине. В них Д. А. Голицын излагал ответы Швейцарского экономического общества на тему о влиянии права собственности на быт земледельцев. Это сделало вопрос о крестьянской собственности предметом общественного обсуждения.

В 1765 году Екатерина обратилась в Вольное экономическое общество, недавно тогда учрежденное, с письмом, в котором она писала, что «многие авторы доставляют и рассуждение показывает», что нет торговли там, где нет земледелия, а земледелие не может процветать там, где нет у земледельцев права собственности, или, значит, иными словами, что обрабатывающая промышленность не может быть там, где у земледельца нет права собственности. Поэтому Екатерина и предлагала Вольному экономическому обществу разрешить вопрос, в чем должно заключаться право собственности крестьянина — в земле или в движимости? Таким образом Екатерина поставила вопрос об имущественных правах крестьянина, желая от них перейти к личным, то есть подошла к этому вопросу с конца, а не с начала.

Это письмо Екатерина не подписала полностью своим именем, а осталась инкогнито, поставив лишь свои инициалы И. Е. (императрица Екатерина). В Вольном экономическом обществе не обратили на это письмо внимания, думая, что это дело какого-либо праздного философа. Оно спохватилось лишь тогда, когда это таинственное И. Е. прислало вторично письмо с сопровождением ящика, в котором лежало 100 червонцев. Тогда они поняли эти инициалы. Эти деньги аноним просит употребить в качестве премии за лучшее сочинение, написанное на тему «В чем состоит собственность земледельцев — в земле или в движимости, и какую пользу она иметь может». Тема теперь бессмысленная, но тогда она имела смысл, если под земледельцами понимать крестьян. Воль-

ное экономическое общество поняло эту тему в таком именно смысле и предложило сочинения для соискания премии на тему: «Что крестьянское имение в собственности земельной или в другом имуществе заключается и как далеко его права простираться могут». За лучшее сочинение была назначена премия в 100 червонцев и медаль в 25 рублей.

Екатерина не могла не порисоваться и прислала письмо в Вольное экономическое общество, на этот раз подписанное полным именем, в котором говорила, что, узнав о полезном начинании неизвестного автора, она сама посылает еще 1000 червонцев и просит удвоить награды. Екатерина не удержалась, чтобы анонимно не похвалить себя.

Предлагая вопрос о крестьянской собственности на общественное обсуждение, Екатерина желала получить только детали, а сам вопрос ею уже был решен в положительном для крестьян смысле. В тогда же составленной ею первоначальной редакции Наказа Екатерина указывала на крепостное право как на зло. Тут она писала, что «законы могут учинить нечто полезное для собственности рабов»; затем Екатерина доказывала необходимость земледельцу иметь свою собственную землю, ибо на ней он будет старательнее работать, то есть она давала психологическое объяснение вялости крепостного труда. В первоначальной редакции Наказа, не увидевшей света, Екатерина высказывалась за необходимость гарантировать крестьянам их имущественные права, чтобы они могли накопить известный достаток для выкупа себя; цену выкупа Екатерина предлагала определить законом. Но цензорам, читавшим Наказ, это показалось чересчур опасным, и было все вычеркнуто. Кроме этого Екатерина мечтала о постепенном освобождении от крепостного права: «Могут законы определить и урочные годы службы: законы Моисеевы определяли их в 6 лет». Это заявление императрицы вызвало еще большую оппозицию цензоров. Писатель А. В. Сумароков, приложивший в числе других свою руку к «маранию и черканию» Наказа императрицы, ответил ей строгой репликой, что в таком случае «холопы и рабы будут бездельничать и бунтовать,

а господам придется удерживать их у себя и поневоле ласкать, чтобы не лишиться слуг, и будут несогласия и брани и потрясения во всем государстве».

Все места Наказа, в которых говорилось о возможности ослабления или отмены крепостного права, были вычеркнуты цензорами, и с высот политической и философской мысли Екатерине пришлось сойти на низы русской действительности, над которой она и стала работать. Екатерина считала своей обязанностью издать гражданские законы, регулирующие русское крепостное право. «Русское крепостное право, — писала она, — есть смешение покорности личной с покорностью существенной, то есть холопства с крепостным правом; сие смешение опасно и надлежит, чтобы законы предотвратили его». К этим законам должны относиться также законы, обеспечивающие крестьянам их право собственности и оберегающие их от произвольных поборов. «Кажется, — писала она, — что невозможным способом увеличивают хозяева свои доходы, облагая оброком своих крестьян по рублю, по 2, по 3 и даже по 5 с души, несмотря на то, как достаются эти деньги. Вельми было бы нужно предписать, чтобы оброк полагался сообразно с земледелием». Екатерина восстает против отхожих промыслов, которые вынуждены необходимостью заплатить оброк, так как земледелие по большей части дает пропитание только для себя. Екатерина возмущается таким проявлением помещичьей власти, как обычай помещиков насильно женить своих «подданных». «Петр велел, — пишет она, — отдавать под опеку не только безумных, но и мучащих своих подданных. По первому пункту исполнение чинится, а почему второй в бездействии пребывает, неизвестно». Эти слова написаны в окончательной редакции Наказа, а в первоначальной у нее, кроме этого, стояло еще: «Законам о том попечение надлежит иметь, чтобы рабы в старости и болезни не оставляемы были; когда законы позволяют их наказывать, то надлежит определить и порядок суда». Далее Екатерина приводит пример Финляндии, где выборные крестьяне судят своих односельчан, а помещик только утверждает их приговор. Екатерина предлагала издать

закон для ограждения крестьянок от изнасилования, предоставляя, сообразно с Ломбардскими законами, обеспеченной крестьянке свободу.

Имея такие свои взгляды на крепостное право, Екатерина предложила высказаться по этому вопросу писателям-специалистам и депутатам комиссии. От первых она ждала теоретических рассуждений, а от вторых практических законов, охраняющих от произвола.

Что же ей ответили писатели-специалисты и депутаты? Обратимся сначала к *специалистам-писателям*.

До 22 апреля 1766 года в Вольное экономическое общество поступило 262 сочинения, из которых только 7 было на русском языке, а остальные на немецком, французском, шведском, голландском языках. Сочинения поступали отовсюду. Многие из них были под девизами, прямо определявшими направление работы: «Nec lex libertatis erat; nec spes» («Не было ни права свободы, ни надежды»); «Tandem bona causa triumphat» («Наконец дождались»); «Salus rei publicae valute colonum cuncta est» («Благосостояние государства соединено с благосостоянием крестьян»); «Beatus, qui paternam terram suis manibus colit» («Счастлив, кто обрабатывает своими руками отцовскую землю») и т. п.

Сочинения эти прочитывались особыми комиссиями и одобренные ими выслушивались в общем собрании. Лучшие из них поступали в конкурс. Таких лучших сочинений было одобрено 15. Для конкурса был выбран особый комитет, авторов, сочинения которых будут признаны достойными, решено было пригласить в общество, но медали им не давать.

Вопрос о крепостном праве стал на очередь при Екатерине II и вызвал серьезные усилия разрешить его как с ее стороны, так и со стороны общества. Я, по возможности, подробно останавлиюсь на этом вопросе, чтобы выяснить, какие пути, какие меры предлагались к разрешению крестьянского вопроса и для того, чтобы выяснить, что сомнения, колебания, возникшие при проведении реформы 1861 г., были в наличии уже в царствование Екатерины, тогда уже высказывались все

те же элементы за освобождение и против, что и в 60-х годах XIX столетия. Если сопоставить борьбу мнений при Екатерине II с тем, что происходило в царствование императора Александра II, то видно, что крестьянский вопрос вызвал длительное, напряженное усилие общественной мысли, направленное к его разрешению.

Екатерина решила привлечь общество в лице интеллигенции, чтобы выяснить его взгляды на крепостное право путем печатных прений. Из всех сочинений премированными оказались сочинения Биарде де ля Виля, русского радикала Поленова, гальберштадского каноника Лёвнера, лифляндского дворянина фон Мекка и француза Расле.

Рассмотрение этих ответов мы начнем с *Биарде де ля Виля*.

Крестьяне, начинает автор, есть корень и основание государства; крестьяне приносят пользу государству уже одним тем, что увеличивают население; крестьяне должны иметь неотъемлемую собственность, чтобы и не опасаться, что их дети будут голодными, и не сдерживаться в размножении. Но прежде, чем крестьянам дать собственность, нужно дать им личную свободу: богатые рабы подобны комнатным собакам, украшенным побрякушками. Вся вселенная требует от господ, чтобы они освободили крестьян; повсюду крестьяне — основа существования. Самое лучшее средство поощрять трудолюбие крестьян — это сделать их собственниками земли, ибо иметь только движимую собственность — это значит не иметь никакой. Таким образом Биарде де ля Виль высказался за освобождение крестьян и за дарование им земли в собственность. Недаром в первой либеральной части своего девиза он написал: «Все народы вопиют о свободе». Но недаром свой девиз он и закончил таким выражением: «Но есть мера в вещах» (*sed est modus in rebus*). Автор против спеха в проведении реформы, он опасается спустить медведя: крестьяне, говорит он, в случае освобождения предадутся праздности и лени и будут погибать от голода, как освобождаемые негры в Америке. Прежде чем дать крестьянам право собственности,

надо приготовить их к восприятию свободы, надо приучить дорожить ею, а для этого надо дать образование, то есть Биарде де ля Виль предлагает вовсе не такое радикальное решение вопроса, какого могли бы мы ожидать, читая начало его работы. Право собственности Биарде де ля Виль рекомендует давать исподволь, как награду за усердие, и притом по мелочам: пусть усердие и трудолюбие вознаграждается дарованием сначала движимого, а затем уже и недвижимого имущества. Когда умы будут уже достаточно к тому подготовлены, можно будет окончательно разорвать цепи рабства. Этот ход рассуждения не находится в соответствии с первоначальным, ясно выраженным, радикальным принципом. Для того чтобы расположить помещиков к дарованию крестьянам свободы, надлежит все имения передать на откуп иностранцам: доходы помещиков возрастут, и, кроме того, им не надо будет хлопотать по хозяйству и по управлению имуществами. Что касается мужиков, то их надо сделать господами своих «имений» (автор подразумевает — небольших наделов); тогда, писал автор, вы можете доверить ему хозяйство, вы можете быть спокойны, что получите арендную плату — его клочок земли, его привязанность к нему будут вам порукой, что крестьянин будет дорожить тем, что у него есть свое имение, и он будет добросовестно работать.

Таково в кратких словах сочинение, написанное Биарде де ля Вилем.

Понятно, за что Биарде де ля Виль получил премию из Вольного экономического общества, члены которого были люди либеральные, но в то же время землевладельцы. Биарде де ля Виль предлагал *самим помещикам решить весь крестьянский вопрос*, без вмешательства со стороны государства: по его плану господин *сам* должен наблюдать за освобождением, причем дарованию земли должно предшествовать дарование личной свободы. Биарде де ля Виль надеялся, что крестьянский вопрос таким способом будет решен скоро; затем, он полагал, что крестьянские участки не должны быть велики, дабы крестьянам приходилось арендовать помещичьи земли. Но на самом деле Биарде де ля Виль откладывал решение

крестьянского вопроса в долгий ящик. Он, как рационалист, был проникнут политическим оптимизмом: мужики узнают блага свободы и собственности и из глупых и нерадивых превратятся в умных и трудолюбивых, а их владельцы, увидав пользу освобождения крестьян, будут освобождать их. Биарде де ля Виль не предусматривал, что будет, если крестьяне не поймут благ свободы и не будут стараться, а равно и помещики не поймут пользы освобождения. Как рационалист, он не ставил этого вопроса, полагая, что если раз что дойдет до разума, то необходимо выльется и в поступки.

Никаких радикальных мер не предлагало и сочинение русского радикала *Поленова*, которое не было разрешено напечатать за «надменные выражения». Автор начинает с теоретических доказательств необходимости свободы и собственности. Необходимо, чтобы крестьяне стали зажиточными, так как зажиточный охотнее вступает в брак, старательнее работает, лучше платит подати и т. д. Лишение права собственности ведет к печальным последствиям: люди становятся нерадивыми, недомовитыми и начинают плохо размножаться. Притеснения рабов не только вредны, но и опасны для общества и государства. Поленов, как на доказательство, ссылается на восстание илотов в Греции, рабов в Риме, на волнения казаков и холопов в Польше; о недавних волнениях русских крестьян Поленов из деликатности молчит. Как на меру к разрешению крестьянского вопроса Поленов указывает на *образование*, точно так же, как и Биарде де ля Виль: это была общая ходячая мысль, висевшая, можно сказать, в воздухе. Напрасно думают, рассуждает автор, что лучшее средство удержать крестьян от пороков — это наказание, гораздо действительнее и полезнее воспитание, которое на самом деле может исправить крестьян. Автор предлагает завести школы и обязать крестьян зимой посылать детей учиться; учить в этих школах должны священники и дьячки.

Переходя к основному вопросу, Поленов говорит, что крестьянину должно быть предоставлено полное право заниматься хлебопашеством и скотоводством, и помещик

не имеет права согнать крестьянина с земли, а если дело дойдет до этого, то земля может быть отобрана только по суду. Какие же права получал крестьянин на свою землю? Он получал право продавать, дарить, закладывать и делить ее, но с тем, чтобы его преемник или наследник земли тем самым становился в обязательственное отношение к помещику, то есть Поленов предлагал устроить вечную аренду с правом свободной смены лиц. Торговля людьми в одиночку должна быть абсолютно воспрещена; крестьян можно продавать только вместе с землей и в составе всего имения; если помещику нужны деньги, то пусть продает уже все. Чтобы поощрить крестьян, нужно облегчить их бремя, надо прервать пути к грабежу и разорению со стороны помещиков. Поленов предлагает брать с крестьян одну десятую урожая натурой или деньгами, по справедливой оценке, и кроме того барщины один день в неделю. Затем Поленов коснулся больного места — суда. Он требует, чтобы староста вместе с 3–4 крестьянами судил крестьян по мелким делам и разбирал словесные обиды; дела более важные и несогласия крестьян с владельцем должен ведать крестьянский суд, в котором заседают люди, знающие законы; апеллировать на его решения можно в земский суд, где должны заседать дворяне и юристы. Кроме того, Поленов предлагает дозволить богатым крестьянам выкупаться на волю, причем цена выкупа должна быть определена законом.

Резюмируя идеи Поленова, можно сказать, что он ратовал за всяческие облегчения участи крестьян, но основной идеи — идеи крепостного права, он не трогал. Эти облегчения в участи крестьян Поленов предлагает вводить постепенно, «ибо известно, — говорит он, — сколь велики бывают в таком случае неистовства подлого народа». Если сопоставить пожелания Поленова с тем, о чем говорила Екатерина в первой редакции своего Наказа, то можно увидеть большое сходство в их пожеланиях.

Третьим премированным сочинением и удостоенным сверх того медали было сочинение гальберштадского каноника *Лёвнера*. Поборник права собственности, Лёвнер предлагал правительству награждать тех помещиков,

которые дадут своим крестьянам в собственность землю. (Заметьте — государство лишь *поощряет*.) Условия и основания передачи земли Лёвнер предлагает выработать Вольному экономическому обществу, а выработанные им условия должны быть подтверждены соизволением государыни. Автор предлагает не лишать вообще крестьян земли, кроме как в виде наказания ленивых и дурного поведения. Каждому отдельному крестьянину должно разрешить делать всяческие улучшения, сеять любой хлеб и кормовые травы. (В этом сказался заграничный наблюдатель, который со стороны мог видеть вред русской «трехполки» и косности всей общины, «мира».) Крестьянин, который по болезни или старости не может более работать на земле, свободно может ее продать, а покупатель должен исполнять все обязательства крестьянина; кроме того, на таких же условиях он может подарить ее или завещать детям или родственникам. Получившие в собственность землю крестьяне остаются в подданстве помещика и платят двойной оброк, но его цифра не должна повышаться.

В сочинении Лёвнера мы видим развитие той же основной идеи, что и у Биарде де ля Виля и у Поленова.

Много сходного представляет и сочинение лифляндского дворянина *фон Мекка*. Крестьяне, говорит он, должны иметь собственную землю, но с дарованием ее нечего спешить. Дарование это должно происходить таким способом: господин является в суд и заявляет, что таким-то, которые хорошо работают, он дает право неограниченного распоряжения землей. Это записывается в книгу, а правительство следит за правильностью исполнения. Право крестьянина распоряжаться землей ограничено тем, что его участок не может быть отделен от имения владельца. Это — та же идея вечной аренды с правом перемены арендаторов, что и у Поленова.

Гораздо дальше всех шел французский исследователь Расле. Его теория интересна тем, что она легла в основу программы так называемых трудовиков. Теоретическими доводами Расле доказывает, что земля должна быть

в собственности того, кто ее обрабатывает, то есть крестьян, и притом в таком количестве, сколько кто может обработать, то есть тут выдвигается теория трудового надела. Переходя к современному строю, Расле говорит, что хотя полностью и нельзя провести этот принцип, тем не менее следует приступить к его выполнению. Крестьянину должно принадлежать и его движимое имущество.

Вот сочинения, которые были поданы в Вольное экономическое общество и удостоены им премий. Несмотря на различие сочинений, легко можно подметить общие черты и основания их авторов: 1) *обеспечить быт крестьян от произвола помещиков*, 2) *но и устранить вмешательство государства*, 3) *решение крестьянского вопроса предоставить доброй воле и усмотрению владельцев, долженствующих сознать свою выгоду*.

А теперь мы посмотрим, как взглянули на это дело владельцы, сознавали ли они те выгоды, которые должно принести им постепенное освобождение крестьян, и как общество в лице своих депутатов ответило на пожелания Екатерины II, выраженные ею в Наказе.

Что же принесли по крестьянскому вопросу депутаты в своих наказах.

Раскрываем наказ дворян Шелонской пятины (Новгородской губернии): «Сего просим, дабы дворовые люди крестьяне в надлежащем повиновении были и в проекте подтвердить должно, что законом дворянская власть над ними не отъемлется безотменно, как ныне есть, так и впредь будет».

Обратимся к другому наказу — кашинских дворян, требования их те же: «Чтобы крестьяне были в безотрицательном повиновении владельцев и в полной их власти, дабы тишина, спокойствие и экономия распространились, без чего оные быть не могут». Этот взгляд диаметрально противоположен тем либеральным взглядам, которые утверждали, что *только* при отмене крепостного права могут процветать экономия и безопасность.

Бежицкое дворянство наказывает своему депутату протестовать против всякого ограничения крепостного права, требует «дворянство во владении содержать»

5-1255

и мотивирует это тем, что «русский народ сравнения не имеет в качествах с другими».

Но такие определенные требования сравнительно редки. Большинство наказов ничего не говорит о крепостном праве просто потому, что *уездные дворяне*, составлявшие указы, *не допускали и мысли, что крепостное право будет уничтожено*, а если некоторые указы просят о сохранении права, то потому, что авторы их стали примечать, «что люди их послушания им не чинят».

Дворяне были сильно настроены против *беглых*. Тамбовские дворяне просили наказывать беглых отдачей в рекруты и ссылкой на каторгу в Сибирь с предварительным наказанием плетью и кнутом. Ливенские дворяне просили не ставить помещику в вину, если он до смерти забьет своего беглого крепостного. Новоржевские дворяне во избежание побегов в Польшу просили поместить по границе через каждые 5 верст военные отряды с пушками, а по самой границе провести двойной ров с валом, «дабы помешать побегу с телегами, скарбом и скотом». Дворяне Шелонской пятины, указывая на побег крестьян в Финляндию и Эстляндию, просили посылать туда военные отряды для сыска беглых. Почти все указы говорят, что за укрывательство беглых законы карают слишком слабо, и просят усиления наказаний. Затем почти все дворянские указы просят подтвердить, что *владеть крепостными имеют право лишь дворяне*, и просят устранить от владения лиц всех остальных сословий.

Таковы желания поместного дворянства о крепостном праве; они очень далеко расходятся с тем, что высказала Екатерина в Наказе и некоторые литераторы в своих трудах.

Теперь посмотрим, о чем хлопочут другие классы русского общества в отношении крепостного права.

Почти все указы, составленные торгово-промышленным классом, выражают желание, *чтобы купцам 1-й и 2-й гильдий было дано право владеть крепостными*. В этом отношении дворяне получили поддержку от других сословий, разнились они лишь в своем стремлении к исключительности. Купеческие указы просили права

купцам иметь крепостных по разным мотивам, но самым типичным является тот мотив, что им, купцам, часто приходится отлучаться по делам из дому, а на наймитов (то есть наемников) положиться нельзя; затем они указывали на то, что купцы и мещане обложены многими личными повинностями, как то — караулить, ходить на пожар тушить, а так как первостатейному купцу зазорно стоять ночью на перекрестке с колотушкой, то они просили позволить им вместо себя посылать своих людей. Затем те купцы, которые занимаются развозной торговлей, указывали на то, что им неудобно иметь дело с наемными служащими, так как они, забрав деньги и товар, имеют обыкновение бежать, а если и живут, то чинят самовольство, не смотрят за деньгами и товаром. По этим причинам для исправности торговли купцы и просили себе права иметь крепостных.

От имени *духовенства* говорил в комиссии синодский депутат и требовал права для духовенства покупки себе в услужение людей, ссылаясь на то, что не самому же отцу протоиерею идти пахать землю или продавать что-либо.

В Сибири были старые *служилые люди*, прежние дети боярские, в которые верстали казаков, рассыльщиков и других служилых людей. Когда Петр перечислял служилых людей в благородное шляхетство, то про сибирских детей боярских он забыл. А теперь их потомки и просили дарования им дворянского звания, раздачи земли и права покупать людей.

Депутаты от *казацких войск*, Донского, Чугуевского и Яицкого, просили, чтобы и казацким старшинам разрешено было иметь крепостных крестьян.

Однодворцы из служилых людей, почти те же мужики, просили снять с них ограничения по владению крепостными. (Однодворцы имели право продавать и покупать крепостных только в пределах своего сословия.) *Солдаты*, отслужившие свой срок, просили себе права иметь крепостных.

Таким образом, почти *от всех сословий слышатся просьбы не о раскрепощении крестьян, а о распространении на них права владеть крепостными.*

Раз это было так, то *Екатерина и думать не могла об освобождении крепостных* и принуждена была на- править законодательство в сторону *улучшения правового и экономического быта* крестьян.

Как на эту сторону крестьянского вопроса смотрело русское общество, что выражали дворяне в своих наказах и что говорили по этому вопросу депутаты в комиссии?

Многие дворянские наказы требуют запрещения торговли крепостными и обуздания жестоких помещиков. Но в этом сказалось не гуманное чувство, а простой хозяйственный расчет. Эта торговля крепостными и неистовства владельцев порождали восстания крестьян, поэтому дворяне и требуют прекратить торговлю крепостными и жестокость помещиков как причину восстаний. Михайловские дворяне (Рязанской губернии) просили ограничить продажу крестьян без земли пределами уезда, чтобы проданные крестьяне оказались недалеко от своих родных. Решительнее были настроены шлиссельбургские дворяне: они потребовали совершенно запретить продажу крепостных и дворовых людей без земли. Кинешемские дворяне (Костромской губернии) просили запретить торговлю крепостными на три месяца в году во время рекрутского набора. О том же просили тамбовские дворяне. Но это требование совершенно непрактичное, оно ни к чему не вело, ибо если торговля будет запрещена на три месяца, то помещики будут совершать нужные сделки за неделю до этого срока. Костромской наказ требовал накладывать опеку на тех, «кто неистово своими деревнями владеет и подданных мучает». Некоторые говорят, что опеку следует накладывать и на жадных, кто своих подданных поборами разоряет.

Дальше опеки дворянские наказы не шли и не говорили о том, что следует наказывать помещиков за жадность и за жестокость.

Только юстиц-коллегия поручила своему депутату добиться ответа на вопрос, какое наказание следует налагать на дворянина, забившего своего крепостного насмерть. Да еще депутат главной полиции заявил, что надлежит разрешить дворовым и крепостным жаловаться

на своих господ, и спрашивал, что делать с теми дворянами, на которых принесена жалоба.

Юстиц-коллегия и главная полиция потому подняли этот вопрос, что сама жизнь указывала им на него: в своей практике им приходилось наблюдать неистовства и жестокость дворян, которые сплошь и рядом посылали своих крепостных в участок, чтобы их там наказали кнутом. Своеволие, каприз порой были слишком очевидны, а не исполнить приказания было нельзя.

Итак, высшее начальство подумывало о смягчении участи крестьян, но мысли его по этой части отличались неопределенностью и ни на чем не сосредоточивались. Что касается опеки над жестокими помещиками, то она была введена еще Петром Великим теперь высказывалось только пожелание о ее введении, которое так и осталось пожеланием.

Вопрос об ограничении крепостного права сделался предметом горячих споров в заседаниях комиссии. Прения эти продолжались больше месяца и в них участвовало 20 ораторов, из которых 8 высказались за улучшение крестьянского быта и 12 против. Прения приняли особенно страстный характер после речи Коробьина, депутата от козловских дворян, произнесенной 5 мая 1768 года. Рассуждая о причинах побегов крестьян за границу, Коробьин сказал, что в них виновны сами помещики, которые сверх обычных работ заставляют крестьян отрабатывать свои долги, удаляют их от семейства, и что всего хуже — когда крестьянин накапливает известный достаток, они разоряют его, увеличивая с него оброки. Коробьин предлагал учинить «благоразумные и человеческие законы»: надо, чтобы помещик считал своей только часть своего имения, а остальную предоставил крестьянам, дав им свободу распоряжаться ею, закладывать, продавать, делить и дарить по своему усмотрению. Коробьин стоял за то, чтобы законом были точно определены все повинности крестьян. Коробьина поддержал Чупров, депутат от северных черносочных крестьян, депутат от однодворцев Маслов, депутат от Казанской губернии Кибенский и другие; но больше всех

высказался депутат от Екатеринославской провинции Козельский.

На обвинения крестьян в лени и пьянстве Козельский возражал, что и самый трудолюбивый человек делается пьяницей, если он будет в вечном насилии; причина этого зла заключается в самих помещиках. Дворянство просит, говорил Козельский, учредить опеку над жестокими помещиками, разоряющими своих крестьян, но зачем это делать, когда крестьяне уже разорятся, лучше предупредить их разорение: следует определить число барщинных дней в неделю и количество оброка сообразно с местными условиями. Нельзя, говорят, продолжал оратор, ограничивать власть дворян, но ведь и самодержавная власть не требует от служащих ей людей *всей* их службы, так как же давать помещикам власть большую, чем самодержавная? По предложению Козельского, крестьянин должен 2 дня работать на себя, 2 дня на помещика и 2 дня на государство, на подати, а 7-й день должен быть посвящен Богу. Годовой оброк Козельский предлагал установить с крестьянского двора в 10 рублей, цenia рабочий день в среднем в 10 копеек, а население двора в 3-4 души, этот оброк приблизительно соответствовал подушной подати в 2-3 рубля, которую платили крестьяне. Для того чтобы оградить крестьян от злоупотреблений помещика, следует выделить им землю из имения помещика, чтобы крестьяне могли основательнее обзавестись. Крестьянин должен обладать неотъемлемой землей, хотя Козельский и не предлагал их освобождать. Его предложение было одним из лучших проектов временных улучшений.

Все эти заявления Коробьина и его единомышленников вызвали бурные протесты со стороны многих депутатов. Коробьин и другие ораторы подверглись целому потоку личных нападок и оскорблений. Но дело не ограничилось личными нападками, Коробьину был высказан целый ряд принципиальных возражений, к которым мы не можем относиться только отрицательно. Это возбуждение мысли, вызванное постановкой крестьянского вопроса, напоминает аналогичное возбуждение мысли в 1861 году, оно дало ряд ценных показаний со стороны

тех, кого можно назвать консерваторами, в них указывалось на различные неудобства, которые могут возникнуть в разных сторонах жизни при решении крестьянского вопроса.

Консерваторы приводили ряд возражений по существу вопроса, из них некоторые имеют существенное значение. Коробьин указывал на побегі крепостных как на следствие чрезмерного их обременения помещиками. На это консерваторы справедливо указывали ему, что бегут за границу не только крепостные, но и государственные, экономические, то есть церковные, крестьяне и даже купцы от своей торговли. Раз это так, то следовательно виной тому не помещики, а общее развращение нравов. Один из видных вождей консервативной партии, историк князь Михаил Михайлович Щербатов, говорил, что причина побегов чисто физическая — он указывал на разность и жестокость климатов в России (которых он насчитывал 8), на разность в почве и т. п.; немудрено поэтому, что люди ищут более удобных мест для жительства. Кроме того, по Щербатову, имели значение и рекрутские наборы, обленивание населения и ухудшение нравов.

Затем дворяне отрицали сам факт экономического угнетения крестьян. «Помещики, — говорили они, — не только не разоряют крестьян, но кормят их в голодные годы, платят за них подушную, пекутся, как о детях». Ораторы не ограничились одной защитой крепостного права, но подвергли критике все требования либералов. Либералы требовали определения размеров повинностей, на что консерваторы им указывали, что этого сделать невозможно вследствие крайнего разнообразия местных условий. Затем, говорили они, нельзя обеспечить крестьянину право собственности, оставляя его личность в зависимости от помещика. «Тщетно им собственность давать, когда тело их принадлежит другим», — говорил Щербатов. Крестьяне могут жаловаться на притеснения господ, для чего надо устроить суды, предлагали либералы; консерваторы возражали им, что это только приведет к разрушению добрых отношений, увеличит количество судебных дел, возникнут бунты, подстрекательства,

убийства. В этих словах есть доля правды, такие суды вводить было рискованно: весь трагизм крестьянского вопроса в том и заключался, что положение крепостных крестьян нельзя было улучшить, можно было только уничтожить крепостное право или не сделать ничего. Либералы предлагают наделить крестьян землей, но и у этого есть своя теневая сторона. Теперь, говорит Щербатов, помещики заботятся, чтобы крестьяне не страдали от недостатка или плохого качества земли, а с нарезкой земли эта забота прекратится и положение крестьян только ухудшится. Предоставление крестьянам в собственность земли приведет только к ее дроблению, что крайне вредно; как на поучительный в этом отношении пример консерваторы указывали на быт однопольцев: «Не можно хозяйство вести там, где крестьяне поделят землю на лоскутья». От раздела земли произойдет еще новое неудобство — чересполосица, а она вызывает драки, ссоры, поджоги, убийства. Наконец, будет еще новая беда — крестьяне будут продавать свои земли и переходить таким образом в разряд безземельных рабов; но, возразят либералы, их можно будет наделять казенной землей, но тогда разорится дворянство, а если не наделять, то разорятся крестьяне.

Отвергая все предложения либералов, дворяне соглашались лишь на отдачу под опеку всех владельцев, мучающих своих людей и, кроме того, все соглашались на запрещение торговли людьми в розницу.

В доводах, выставленных консерваторами, было много меткого и верного. Этот обмен мыслей приводил к доказательству несостоятельности попытки улучшить быт крепостных крестьян при сохранении крепостного права. Господствующее течение было неблагоприятно настроено к проектам разрешить крепостное право или улучшить его даже в таком размере, в каком предлагала это Екатерина.

После этого совершенно неожиданно выплыл проект освобождения крестьян. В половине 1768 года, уже по окончании прений, комиссия о разборе родов государственных жителей выработала проект прав благородных. В нем говорилось: «Благородные могут, если пожелают,

право владения крепостными деревнями переменить на право деревень свободных, но право деревень свободных на право деревень крепостных переменить не могут». Для того чтобы понять это предложение, надо указать, что в России в то время в некоторых местностях (например, в Малороссии, в Эстляндии, на некоторых островах Балтийского моря) существовали еще свободные крестьяне. Эти свободные крестьяне имели право переходить с одного места на другое, они брали у помещиков столько земли, сколько могли обработать, обыкновенно на несколько лет на определенных условиях. Теперь мы можем понять, что проект этот предлагал освобождение крестьян без земли и их юридическую зависимость от помещика превратить в экономическую. Проект предлагал создать такие законы, которые в дальнейшем обеспечивали бы возрастание количества свободного населения. Для этого он советовал запретить наследовать крепостные деревни, с тем чтобы по наследству переходили только свободные деревни. Этот закон заставил бы помещиков перед смертью освобождать своих крестьян, так как иначе они все равно будут свободны. Чтобы поощрить переход крепостных деревень в свободные, проект предлагал освободить покупку и продажу свободных деревень от всяких пошлин.

При обсуждении этого проекта в общем собрании произошла целая буря. Особенно горячо возражал Щербатов, он стал на ту точку зрения, что освобождение крестьян дело невыполнимое и несвоевременное. «Еще российский народ требует много просвещения, которое крестьяне только от господ получить могут. Единым словом свободы не произведешь». Освобожденные крестьяне всегда будут подозревать своих господ, что они берут с них свыше должного. От освобожденных крестьян будут заражаться соседние крепостные деревни. Далее Щербатов высказывал мнение, что под властью помещика крестьяне становятся только сильнее и зажиточнее: это видно из жалоб купцов, что крестьяне забивают их на всех рынках. Освобождение крестьян от зависимости разорит их; пострадает не только их нравственность, но и материальное положение, начнутся разбои, грабежи,

недоимки. Придерживаясь учения о влиянии климата на нравы, Щербатов говорил, что при холодном климате России земледельца необходимо понуждать, а так как правительство не может этого выполнить, то лучше надзор за крестьянами поручить дворянам. Так Щербатов предвосхитил мысль, высказанную потом императором Павлом, что в России столько полицейских, сколько помещиков.

В общих заседаниях дело и ограничилось этими спорами. Общей постановки вопроса сделано не было, голосования не происходили ни по каким вопросам. Общая комиссия дожидалась проектов от частных комиссий. Больше всего ждали от комиссии по разбору родов государственных жителей, которая должна была разработать вопрос о правах третьего рода людей (крестьян). *Эта комиссия осенью 1770 года, когда общих собраний уже не было, выработала проект по крестьянскому вопросу.* Содержание этого проекта показывает, до каких высот подымалась тогдашняя политическая мысль.

В этом проекте в отделе о личных правах крестьян на первом плане стоял вопрос о подсудности. Комиссия предлагала, что крестьяне в гражданских делах должны судиться в учрежденных из них же помещиком судах. Если одна из тяжущихся сторон состояла не из крестьян, то дело должно разбираться в обыкновенном земском суде, а уголовные дела разбирались в нем обязательно. Вторая статья трактовала о наказаниях. Проект признает за помещиками право наказывать крестьян за непослушание, но умеренно, без членовредительства и тем паче убийства. Третья статья говорит, что помещик не властен продать жену от мужа, мужа от жены и от родителей детей моложе 7 лет. Четвертая статья говорит, что крепостной крестьянин, если помещик начнет отнимать у него землю, имеет право защищаться в «учрежденных местах», но в каких именно, проект не определяет. Что касается имущественных прав, то вся движимость принадлежит крестьянину, и он имеет право свободно продавать ее; спрашивать разрешение у помещика он должен лишь на продажу хлеба и рабочего ско-

та. Земля принадлежит помещику, но посеянные крестьянином растения принадлежат ему самому. В случае, если в оброке окажется недоимка, то помещик может продать часть движимости крестьянина, но не в большем размере, чем нужно для покрытия недоимки. Размер оброка определен не был, его должна была определить другая комиссия — комиссия о земледелии.

Я нарочно остановился на этих деталях, потому что здесь кроется вся программа преобразований, которая развивалась в царствование Павла I, Александра I и Николая I. Затем, говоря о праве крестьянина располагать своим трудом, проект говорит, что крестьянин имеет право наниматься для отработки оброка, причем помещик не имеет права отнимать его заработной платы. Женятся крестьяне по собственному желанию, причем в пределах одного имения безденежно, а если берут жену со стороны, то только при наличии отпуска от помещика. Крестьяне из лесов помещика могут брать с его разрешения бревна и дрова для своего потребления, они могут ловить рыбу из вод помещика удочками, наметками, вершами и т. д., только не неводом.

Этот проект, собственно говоря, санкционировал то, что было, но его нельзя не признать шагом вперед, так как он хотел законодательным путем подтвердить и очертить крепостное право.

Комиссия земледелия должна была определить размер крестьянских повинностей. В ней работал депутат Титов, который и выработал специальный законопроект, который ценен как проект разрешения крестьянского вопроса. Титов предлагал дать крестьянам земли по 9 десятин на работника, ибо он предполагал, что один работник может обработать 3 десятины в поле и скосить до 500 пудов сена. По сравнению с этим наделом крестьянский надел по Положению 1861 года представляется мизерным. Но Титов неспроста предлагал дать большой надел, ибо треть урожая он предлагал назначить помещику; для барщины он предлагал установить один день в неделю в летнее время и два дня в зимнее. Это улучшение в сравнении с обычным порядком, так как обыкновенно полагалось ходить на барщину три дня в неделю, но оно

объясняется тем, что часть урожая с земель крестьянина идет помещику. Чтобы можно было учесть урожай, крестьяне должны работать сообща, весь собираемый хлеб должен складываться в одно место; третью часть из него получает помещик, две пятидесятых отделяется для бесприютных, а остальное делится по числу работников. Потом с крестьян собирают пятую часть приплода скота (пятого теленка, пятого жеребенка, пятый рой пчел и т. д.) и кроме того сбор с холста, пятую часть, и пятую часть с хмеля. Крестьяне должны кормить помещичьих коров, за это они берут себе молоко и приплод (кроме обычной пятой части), а помещику дают в год 20 фунтов масла. Если земли будет недостаточно, то устанавливается оброк по 2 рубля 50 копеек с души (обычный) и пятую часть с домашнего производства. Землю неисправных крестьян проект предлагал отдавать другим крестьянам, а их самих отдавать к ним работниками, чтобы помещик не терпел убытка. По расчету, приложенному в конце системы Титова, выходит, что доход с одного крестьянина равнялся 3 рублям при оброке и 4 при барщине. Тут проект узаконивал среднюю норму повинностей. Это опять-таки было полезно, ибо ограничивало требования помещика и разрастание оброков.

Но это было лишь благим пожеланием, которыми, как говорится, ад полон, а как выполнить его, указано не было. В этом отношении все проекты были сделаны неудовлетворительно, так как они разрабатывали вопрос теоретически, а не практически.

Что же в конце концов Екатерина получила от общества? Часто в литературе и в учебниках до сих пор высказывается мнение, что Екатерина не нашла в обществе, а особенно в дворянстве, сочувствия своим либеральным взглядам, и поэтому-то она и оставила свою мысль об улучшении крепостного права.

Это рассуждение не совсем правильно и нуждается в поправке. Правда, мысль об уничтожении крепостного права не встретила сочувствия, но все же и здесь вышли проекты добровольного освобождения крестьян от помещичьей власти при моральной поддержке госу-

дарственной власти. Вы помните, как обстоял этот вопрос у Биарде де ля Вилья и что говорилось по нему в комиссии: ведь они допускали постепенное освобождение крестьян, и даже Щербатов говорил, что следует освобождать крестьян при смерти их помещика, если они должны перейти к его наследникам, расточительным и жестоким.

Еще большую поддержку встретила мысль об ограничении крепостного права и об определении повинностей крестьян. Почти все лица, обсуждавшие проекты, соглашались на запрещение торговли людьми в розницу и на другие ограничения. Все соглашались на принятие мер к обузданию жестоких помещиков и представили комиссии проект о личных правах крестьян. Затем большое сочувствие встретила мысль укрепить за крестьянами их движимое имущество. Ведь и консерваторы указывали на то, что у крестьян должно быть движимое имущество, они его признавали, не желали лишь санкционировать его и возражали не по существу, а с точки зрения тактики. О том, что движимое имущество должно принадлежать крестьянам, писалось и в проектах, поданных в Вольное экономическое общество, говорил и Коробьин, предлагала и комиссия по разбору родов государственных жителей. Немало голосов раздалось и за земельное обеспечение крестьян. За него высказывались Биарде де ля Виль, Поленов и Расле в своих проектах, за него говорил в комиссии Козельский, его предлагал в своем проекте даже Титов, и в большом размере. Идея определения закона крестьянских повинностей нашла поборников в авторах проектов, поданных в Вольное экономическое общество, а в комиссии в лице Коробьина, Козельского и Титова, причем ими были приведены детальные соображения. Нашла сочувствие и мысль об ограждении прав крепостных крестьян независимым сословным и коронным судом.

Правда, в комиссии раздавалось немало голосов и против всякого ограничения крепостного права, но ведь окончательного подсчета голосов не было и, может быть, большинство голосов оказалось бы за улучшение. Но если бы даже большинство комиссии и оказалось бы против

всяких ограничений, то это не имело бы ровно никакого значения, важно было то, что Екатерина не оказалась одинокой, что она встретила сочувствие в лучшей части общества, а это, как показывает пример Александра II, довольно для проведения реформ. Поэтому ясно, что *мнение, будто Екатерина не встретила поддержки в обществе, нуждается в сильном ограничении.*

Что же сделала Екатерина в действительности для улучшения быта крестьян? Ведь многие из перечисленных проектов шли навстречу ее желаниям, выраженным в Наказе.

Все мечты Екатерины свелись к изданию законов, которые полагали предел дальнейшему закреплению крестьян. 17 марта 1775 года был издан манифест, который позволял всем крестьянам, отпущенным от помещиков, как ныне, так и впредь, не записываться в оклад, а при ревизии заявлять, запишутся ли они в службу, или в цехи, или в купцы. Раньше ревизия была роковым временем для отпущенных крестьян: закон не признавал таких отпущенных, и им приходилось опять записываться за какого-нибудь помещика. Мало того, указом 6 апреля того же года в виде общей меры Сенат запрещал вольноотпущенным записываться в оклад. Сенатский указ шел дальше манифеста. В виде премии манифест 28 июня 1777 года уничтожал сбор с явки освобождаемых крестьян; явочные деньги теперь перестали взимать. Затем указом 1783 года Екатерина от себя уже, подтверждая указ Сената, запретила впредь закрепощаться всем свободным людям.

Положив предел дальнейшему закрепощению, Екатерина не сделала ничего, чтобы освободить крестьян. Правда, к мерам, освобождающим крестьян, можно отнести манифест 1777 года о невзимании явочных денег, но эта ничтожная мера не могла дать никаких ощутимых результатов.

Очень мало, или почти ничего Екатерина не сделала для запрещения торговли людьми. Правда, вначале она думала об этом и в 1766 году издала закон, запрещающий совершать купчие на крепостных за 3 месяца до

рекрутского набора, но этот закон очень легко можно было обойти. Указ 5 августа 1771 года запрещал продавать крестьян с молотка на аукционах. Но этот указ щадил не крестьян, а нервы сентиментальных помещиков, так как в том же указе было разъяснено, что продавать крепостных без земли можно, лишь бы не было этого стука молотком.

Никаких других ограничений, хотя бы тех, которых желала комиссия 1766 года, Екатериной сделано не было, и торговля людьми продолжала процветать: их продавали на рынках, нередко были и такие объявления в газетах: «продается портной, башмачник, повар, коляска и выездная лошадь», или «продается девка и кобыла, видеть можно их там-то», или «продаются 4 пары борзых кобелей, 15 щенят и 2 девки, цена такая-то». Цена крепостного была тогда 70–100 рублей за душу, а в одиночку цена крепостного увеличивалась, смотря по его личным качествам, или уменьшалась. В 1766 году за рекрута платили от 120 рублей, а через 20 лет до 300 рублей. Ремесленники и артисты стоили от 300 рублей, а актрисы по несколько тысяч, обыкновенная прислуга 50–80 рублей, дети от 3 до 20 рублей.

Екатерина не только не ограничивала торговлю людьми, но даже способствовала ее развитию. Указом 1779 года она предписала Сенату принимать рекрутов от помещиков во всякое время для зачета их за будущих, то есть Екатерина в 1779 году фактически разрешила то, что запрещала в 1766 году.

Все дворяне соглашались на учреждение опеки над помещиками, мучающими своих крестьян. В 1769 году Екатерина запретила крестьянам подавать жалобы на помещиков, а затем по Учреждениям 1775 года возложила обязанность на наместников пресекать мотовство, тиранство и жестокость помещиков. Отдел об опеке в Учреждении о губерниях был разработан. Опекунами не могли назначаться люди жестокие, суровые поступки которых известны дворянству. Опекун, назначенный над каким-либо помещиком, не мог налагать на его крестьян новых налогов; наказывать телесным наказанием крестьян опекун своей властью не мог; за большие

преступления он должен посылать провинившихся в суд или к городничему, за меньшие преступления должен отсылать к старосте или приказчикам.

Затем были попытки смягчить наказания, налагаемые помещиками на крестьян. В 1773 году, после доклада Сената о частой ссылке помещиками крестьян на каторгу, Екатерина велела ее приостановить, но через полтора года разрешила ее. Наконец, в 1775 году был издан указ, разрешавший крепостным крестьянам вступать в винные откупа за поручительством их помещиков. В 1782 году были изданы 2 указа — о недопущении крепостных к прошению милостыни (что практиковалось помещиками) и о разрешении отпускать старых крестьян на свободу.

Вот и все, что сделала Екатерина для осуществления своих гуманных стремлений: сделала она меньше по сравнению даже с тем, что указало ей общество в лице депутатов комиссии 1767 года Екатерина не издала такого положения, которое заметно бы облегчало быт крепостных крестьян, не выработала никаких гарантий личных прав крепостных, не определила отношений между крестьянами и их владельцами. Разрешение всех этих задач она оставила сыну Павлу I и внукам Александру I и Николаю I. Павел I и его сыновья как бы выполняли то, что предстояло сделать Екатерине и чего она не сделала. Правда, меры, принимаемые этими государями относительно крестьян, не были разрешением крестьянского вопроса, так как его могло разрешить только полное уничтожение его; но меры этих государей были исторически необходимы, так как прежде чем дойти до 19 февраля 1861 года, надо было убедиться на деле в бесполезности одних улучшений, и с этой стороны можно рассматривать эти меры как стадию крепостного права.

Итак, Екатерина не привела в исполнение многих возможных улучшений в крестьянском быту. Чем же это объясняется?

Обыкновенно указывают на *Пугачевский бунт* как на первую и начальную причину охлаждения Екатерины к крестьянскому вопросу.

Известно, что Пугачевский бунт был прежде всего *антидворянским*. Главной его целью было «истребление проклятого рода дворянского, который не насытился крестьянами в России, но и вольные казачьи войска подчинить себе желает». «Всему миру известно, — писалось в одной прокламации, — сколь российские дворяне обладают крестьянами, и хотя в Законе Божиим сказано, что с крестьянами надо обходиться, как с детьми, они обращаются с ними хуже, чем с собаками своими». В Саратове Пугачев сказал толпе: «Я вам император; жена моя далась дворянству, и я поклялся именем Бога истребить их. Они склонили ее отдать вас им в рабство. Я восстал за вас против них». Здесь уже дворянство ставилось вместе с правительством Екатерины. В своем манифесте от 31 августа 1774 года Пугачев жаловал всех крестьян — «вольностью и свободой вечных казаков», жаловал им помещичьи земли, луга, выгоны, сенные покосы, леса «без покупки и без оброков» и освобождение давал «от градских мздоимцев судей». В конце концов движение приняло не только антидворянский, но и антигосударственный характер. Общая опасность сблизила Екатерину с дворянством. Когда казанское дворянство решило выставить корпус для борьбы с мятежниками, Екатерина заявила им, что она свою целость и безопасность не отличает от их целости и безопасности, а так как она сама считает себя помещицей той губернии, то приказала набирать ратников в дворянский корпус и из своих дворянских сел. На этот факт обыкновенно указывают, желая объяснить, почему Екатерина охладела к крестьянскому вопросу.

Но из этого временного сближения Екатерины с дворянством нельзя заключать, что она поддалась той реакции, которая распространилась среди дворян после Пугачевского бунта. Не надо забывать, что мы имеем дело с человеком, который был на голову выше окружающих современников. У нас есть доказательства, что Екатерина не поддалась реакции, что после Пугачевского бунта она не охладела к крестьянскому вопросу и что после него она думала о нем и даже строила планы, но все же закончила свое царствование, почти ничего не сделав для крестьян.

Екатерина не поддавалась реакции. После усмирения мятежа Сенат предлагал жестоко расправиться с его участниками, прямо террористически, одинаково наказывая смертью как активных участников мятежа, так и тех крестьян, которые не защищали своих помещиков. Возражая Сенату, Екатерина доказывала, что если за жизнь одного помещика истреблять целую деревню, то возникнет новый и еще более ужасный бунт. Екатерина предлагала гуманное отношение к крестьянам, говоря, что если не уменьшить жестокостей, то они против нашей воли восстанут и рано или поздно возьмут себе свободу. Из этого видно, что Екатерина не озлобилась, как дворяне, а продолжала понимать суть дела.

До конца 70-х годов Екатерина не оставляла намерения ограничить крепостное право, о чем и говорила приближенным; поэтому продолжали составляться и соответствующие законопроекты для осуществления ее намерений. Любопытны проекты, составленные в 1778 и в 1780 годах.

Проект 1778 года прямо указывает, что «Высочайшее Ея Императорского Величества соизволение таково, чтобы найти средства уравнивать владельцев и крестьян, найти средства к пресечению чрезмерных работ и непослушания». Таким образом, сам проект указывает, что благие намерения Екатерины к тому времени еще не иссякли. Автор проекта предлагает, чтобы крестьянин 3 дня в неделю работал на себя, 3 дня на помещика, а по воскресеньям и праздникам был бы свободен. В воскресные и праздничные дни крестьяне должны делать только легкие работы и не допускающие перерыва, как то: кормить скот, сторожить огороды и т. п. Работать на помещика должны крестьяне не моложе 15 лет и не старше 60. Касаясь вопроса о земельном обеспечении крестьян, автор полагает, что им нужно дать 2 десятины в поле и сенокос. Там, где не хватит такого количества земли, автор предлагает делить землю пополам между помещиком и крестьянами, но во всяком случае на одно тягло давать не меньше 1 десятины. Этот проект не высоко поднимался над действительностью, он регулировал только то, что было на самом деле.

Проект 1780 г. уже не частный, он является постановлением ораниенбаумских и ямбургских дворян. Если бы Екатерина в это время порешила с крестьянским вопросом, дворяне не стали бы его обсуждать. Дворяне предлагали следующий порядок: с 1 апреля по 1 октября с каждого тягла выходит на работу на господ по 3 дня в неделю конный или пеший работник. Бабы в мае ходят 2 дня в неделю на барщину, а затем до октября по 3 дня. Осенью и зимой крестьянин работает на господина 2 дня в неделю; у кого есть дочери старше 18 лет, те также ходят на барщину 2 дня в неделю. Кроме барщины дворяне предлагали сбор пятой части с хлеба, хмеля, капусты и т. д. Такой порядок был общим на северо-западе Руси.

Эти проекты показывают, что Екатерина не покидала своих добрых намерений о крестьянах. Даже к половине 80-х годов относится следующая либеральная мечта: граф Блудов предлагал Екатерине издать закон, что дети крепостных крестьян, которые родятся после 1785 года, будут свободными.

Но это были лишь следы прежних либеральных мечтаний. В половине 80-х годов замерли последние мечты Екатерины об облегчении участи крепостных крестьян, она примирилась с крепостным правом, а отсюда недалеко уже и до защиты его.

Объяснение этому нужно искать не в отдельных событиях, а в общем стечении событий, в обстоятельствах царствования и в личных свойствах Екатерины. Энергичная, самоуверенная и подготовленная в том же направлении западными авторами, Екатерина твердила постоянно, что мудрый законодатель *все* может и, вступив на престол, принялась за переустройство русской жизни по всем отношениям. Сначала она взяла на себя только одно общее руководство, а проведение реформ поручила всему обществу. Это ее намерение, как мы уже знаем, не удалось. Но неудача не остановила Екатерину и, убедившись, что люди проникнуты духом розни и что только она одна стремится к общему благу, Екатерина сама принялась за законодательство. Эта работа, как мы видели, у нее не спорилась. Издав в 1775 году Учреждение

о губерниях, Екатерина только через 10 лет смогла выпустить Жалованные грамоты дворянству и городам, и то последняя была далеко не отделана. Эти законы написаны *самой* Екатериной, а это ведь дело невиданное, даже Петр I воздерживался лично писать законы. Кроме участия в законодательстве Екатерине препятствовало и много других событий и занятий.

С 1768 года Екатерина вступила *в войны* с Турцией, Польшей и Швецией и повела тонкие дипломатические сношения с Австрией, Пруссией и Англией. Внешняя политика по временам всецело овладевала вниманием Екатерины, да и не удивительно. В 1794 году Екатерина писала, что раньше бывало так, что в несколько дней к ней приходило столько почты и курьеры натаскивали столько бумаг, что они едва уместались на 10 столах. Екатерина *увлеклась внешней политикой* более, чем внутренними делами. В области внешней политики она получала видимые осязательные результаты, которые удовлетворяли ее более, чем результаты внутренней политики. Правда, Екатерина проповедовала, что работать нужно не из-за благодарности, а по внутреннему убеждению, но это были только красивые и высокие слова. Екатерина была живым человеком, падким на всякие соблазны, и ее честолюбие не могло удовлетвориться только одним философским утешением: Екатерине нужны были похвалы, рукоплескания толпы, и ими она упивалась гораздо более, чем внутренним сознанием исполненного долга. Победы и завоевания давали Екатерине большую честь и славу, и она пристрастилась к ним. Екатерина начала строить разные планы наступления на врагов и полного их истребления. Справедливость требует добавить, что наряду с честолюбием действовали и ясное сознание русских интересов и патриотическое чувство императрицы, сроднившейся с новой родиной. Итак, внешняя политика поглотила, можно сказать, Екатерину.

Огромное количество времени у Екатерины уходило на *чтение*, которым она ~~занималась~~ по выработавшейся привычке и потребности ~~и~~ по тщеславному желанию не отставать от века, а быть в курсе литературы и наук.

Екатерина читала и сказки, романы, драмы, и серьезные книги. Она читала и Блексона, и Ричардсона, и Сервантеса, а особенно любила исторические сочинения. Екатерина штудировала «Историю Австрийского дома» Жиркура, мемуары о Карле XII, посмертные сочинения Фридриха II, секретную историю Берлинского двора и т. д. С большим удовольствием Екатерина читала «Эпохи природы» Дювстона; она сравнивала его с Ньютоном и красноречиво описывала, какое освежающее впечатление производила на нее эта книга. С Дефо Екатерина была в переписке, спрашивала его по разным интересовавшим ее вопросам, послала ему целую шкатулку с медалями, меха и собрание древностей, найденных в Сибири.

Это чтение не было пассивным. Екатерина перерабатывала читаемое, делала из него извлечения, так что ее чтение превращалось в литературную работу. Так, например, читая «Дон Кихота» Сервантеса, Екатерина выписала все меткие пословицы, встречающиеся в нем, читая жизнеописания Плутарха, она перевела часть их на русский язык, составила примечания к «Кориолану» Шекспира, а труд Фенелона «Телемак» снабдила комментариями. Библиотека, собранная Екатериной, была замечательна. Но к чему Екатерина осталась глуха — это к немецкой романтической литературе, она не читала ни Лессинга, ни Шиллера, ни Гёте — очевидно, она была совершенно не романтик.

Много времени Екатерина уделяла своим литературным занятиям: писать и читать было ее страстью. В разговоре со своим секретарем Екатерина сказала, что, ничего не написав, нельзя прочитать ни одной книги. Из написанного ею можно составить целую библиотеку. Екатерина писала учебники, сказки, в 1769 и в 1770 годах она была негласным редактором журнала «Всякая неделя», а в 80-х гг. участвовала в журнале «Быль и небылицы», где помещала шуточки в юмористическом отделе. Екатерина сама сознавалась, что она не прочь действовать сочинениями на умонастроения общества. Некоторые из ее литературных произведений — сатиры и драмы — занимают довольно видное место в истории русской литературы XVIII века.

В своей комедии «О время!» Екатерина выступает против крепостного права. Главная героиня комедии госпожа Ханжихина после молитвы чешет свою кошечку и поет: «Блажен человек, иже и скоты милует», и в то же время «нас милует», рассказывает ее девушка, «жалует пощечинами», затем она идет к заутрене и там то бранит своих крепостных, то шепчет молитвы, то посылает кого-нибудь на конюшню пороть.

В других своих сочинениях Екатерина описывает тех лиц, с которыми ей приходилось сталкиваться во внешней политике. Так, например, в опере «Горе-Богатырь» она выставляет шведского короля Густава III, а драма «Олег» представляет из себя иллюстрацию турецкой войны и описание подвигов ее любимца Орлова.

Некоторые из произведений Екатерины ставились в Большом театре, а большей частью в придворном.

Часто Екатерине приходилось выступать с пером в руках, чтобы защитить русское правительство и его действия и честь империи. Манифесты и многие законы она писала сама. Когда французский писатель аббат Шарль д'Отрош выпустил книгу «Путешествие в Сибирь» (*Voyage en Sibérie*), где ругал Россию и русские порядки, то в ответ ему Екатерина сейчас же написала целую книгу «Противоядие или исследование о пакостной книге *Voyage en Sibérie*».

Не чужда была Екатерина и историографических занятий: она умерла за составлением русской истории.

Это было курьезное старческое увлечение. Еще в молодости Екатерина занималась русской историей: делала выписки из летописей, собирала рукописи и исторические материалы, ей обязана своим появлением на свет «Древняя Российская Библиотека», первое собрание исторических актов и документов. Затем, Екатерина снаряжала ученые экспедиции Палласа, Вельяминова, Лепехина, привезшие богатый археологический и исторический материал. По ее желанию князь М. М. Щербатов писал свою историю, а Голиков собирал материалы по истории Петра Великого. Но затем этого ей показалось мало, и с 1783 года она сама принялась за писание русской истории. Внешним толчком для этого труда было

составление учебников по русской истории для внуков Александра и Константина, а уже в мае 1792 года Екатерина писала Гримму: «Я ничего не читаю, кроме относящегося к XIII веку». Два года спустя Екатерина писала тому же Гримму: «У меня множество благодарных дел: и читаю летописи и пишу. Вот какая страсть! Я знаю, что никто не будет читать моего труда, кроме двух педантов, но я очень довольна, что написала историю лучше всех, как никто. Я ведь тоже тружусь за деньги и прилагаю в дело весь свой ум и на каждой странице восклицаю: ах, как это хорошо! Но об этом, разумеется, я никому, кроме вас, не говорю. Как приятно разбираться о Рюрике, Дмитрии Донском и др.; я люблю их до безумия». В 1796 году Екатерина писала, что через год надеется кончить свой труд по русской истории. Но судьба не благоволила ей в этом отношении: Екатерина умерла раньше, чем поставила последнюю точку.

Живая и общительная, Екатерина II не могла заниматься в одиночку и поэтому вела переписку по интересовавшим ее вопросам с огромным количеством лиц. Письма ее составляют несколько томов. Среди ее корреспондентов — Фридрих II, Иосиф II, Вольтер, барон Гримм, мадам Жорден, Дидро, Деламбер, Потемкин, Чернышов и многие другие лица. Екатерина писала на русском, немецком, но чаще всего на французском языке. Переписка с Гриммом — самая обширная, она продолжалась более 20 лет. Екатерина думала, что никто не может ее понять, как Гримм, и поэтому письма к Гримму представляют как бы дневник Екатерины. Помимо теплого чувства эти письма содержат много остроумных и пикантных замечаний: они изображают личную жизнь Екатерины и мало касаются политики.

Из всего того, что я сказал, вы видите, как занята была Екатерина. Надо сказать, что она была мастерица беречь свое время и расходовать его экономично. Вставая в 6 часов, Екатерина два часа посвящала чтению и письму, а затем занималась делами и слушала доклады. Около 12 часов Екатерина обедала, а после заставляла читать вслух, а сама слушала и занималась рукоделием, затем опять переходила к государственным

делам, а вечером развлекалась игрой в карты, на бильярде или смотрела драматические представления. Этот порядок Екатерина не прерывала и во время путешествий. Тогда она ухитрялась просматривать и снабжать примечаниями законопроекты, читала сочинения, писала, беседовала и т. д. Так, например, во время путешествия по Волге в 1767 году Екатерина ухитрилась изучить и перевести сочинения Марманделя, тогда же занималась внешней политикой, играла и т. д. Так же она проводила время и в свою бытность в 1785 году в Вышнем Волочке.

Но как ни умела Екатерина экономить время, она постоянно жаловалась на его недостаток, горевала, что не может читать все книги, которые хочет. Екатерина сделалась жертвой своего темперамента, отзывчивости и энциклопедичности. *Она не умела внести свою деятельность в определенные рамки* и разбросалась. Екатерина признавалась в своем отвращении ко всякой системе, говоря, что она порождает сухость и педантизм. Но Екатерина не понимала, к чему приводит отсутствие системы: поэтому она делала не то, что ей нужней, а то, что ей было легче и интереснее, а трудное откладывала напоследок и забрасывала.

Так поступила Екатерина и по отношению к крестьянскому вопросу.

Из законодательных задач Екатерина выполнила прежде всего наиболее *легкую* — именно, по организации управления. Легкой эта задача была потому, что у Екатерины был уже некоторый опыт и определенное, единодушное желание классов общества. Здесь ничто не представляло затруднений, и поэтому Учреждения о губерниях раньше всего вошли в жизнь.

Гораздо труднее было определить права и обязанности сословий, как более трудное, это осуществляется на целых 10 лет позднее.

Еще труднее был крестьянский вопрос. Екатерина сама писала: «Крестьянский вопрос очень *труден*, где ни начнешь трогать, нигде не поддается». Не удивительно поэтому, что Екатерина откладывала его разре-

шение; она делала это тем спокойнее, что со всех сторон получала советы *быть осмотнительной*.

Так советовал ей Поленов, искренне желавший счастья крестьянам, то же она слышала и от западных писателей. Вот что, например, писал Руссо: «Освобождение крестьян в Польше — великое и прекрасное дело, но очень опасное, и за него нельзя братья опрометчиво. Есть необходимость сначала сделать их достойными свободы, нельзя освобождать тело ранее души».

Вот что слышала Екатерина с Запада: это ведь поддержка колеблющаяся и нерешительная.

Но всякая нерешительность, если она длительная, превращается в желание поддерживать *status quo*. Не решаясь издать сельские законы, Екатерина мало-помалу примирялась с крепостным правом, а отсюда легко было перейти и к его защите. Вообще надо сказать, что несмотря на свои гуманные стремления Екатерина всегда была готова защищать существующий порядок, если только задевалось ее личное самолюбие. Екатерина хотела быть всегда умнее всех, благосклонно слушала тех, кто подпевал ей и говорил с улыбкой на устах, но не любила слушать тех, кто говорил самостоятельно. Упаси Бог, если бы кто, помимо нее самой, указал на какой-нибудь недостаток, хотя сама она и признавала его.

В 1768 году, когда Екатерина всего решительнее была настроена против крепостного права, появилась известная нам уже книга аббата Шарля д'Отрош «Путешествие в Сибирь». Тут в густых красках описывалась нищета, бедственное и угнетенное положение русских крестьян. В своем ответе Екатерина писала резко: «Мнимая нищета не существует; русские крестьяне во сто раз живут достаточнее, чем французские: они знают, сколько и за что они платят, а ваши крестьяне питаются каштанами и не знают даже числа всех повинностей, которые лежат на них». «Хорошее или дурное обращение с прислугой зависит от хорошей или дурной нравственности».

Раз Дидро в своем письме предложил Екатерине осторожный вопрос: какие земельные отношения существуют между владельцами и рабами? На это Екатерине ему строго отвечала: «Не существует условий между

владельцами и крестьянами, но каждый хозяин побережет свою корову, чтобы она лучше доилась. Когда нет закона, то в ту же самую минуту начинает действовать естественное право, и порядок от этого не хуже, ибо тогда вещи текут сообразно существу своему». Это было писано в 1773 году, во время Пугачевского бунта.

Екатерина имела такой ум, который мог обманывать ее саму, найти всему оправдание и усыпить совесть. К началу 80-х годов *Екатерина стала примиряться с крепостным правом*, на это указывает прикрепление малороссийских крестьян.

Указом 1783 года малороссийские крестьяне в своем положении были приравнены к великорусским крестьянам: значит, положение великорусских крестьян Екатерина стала считать нормальным. В 1783 году малороссийские крестьяне сделались крепостными в губерниях Киевской, Черниговской и Новгород-Северской, то есть в тех, которые составляли так называемую «гетманщину», находившуюся раньше под управлением гетмана Разумовского. А в другой части Малороссии, в так называемой Слободской Украине (губернии Харьковская и Воронежская), крестьяне были прикреплены еще в первую половину царствования Екатерины: указом 1765 года все крестьяне, жившие на частных землях, были признаны частновладельческими и переходы их были запрещены.

Эта перемена отразилась и в литературе. Еще в «Недоросле» (1773) предавались осмеянию жестокость и тиранство помещиков, но мрачность красок смягчалась присутствием добродетельного чиновника и восхвалением наместника, укротившего жестоких помещиков. После «Недоросля» обличения крепостного права становятся бледнее, крестьянский быт изображается мягче, нередко попадают даже утешения крепостному, вроде следующего: «Бог восхотел, чтобы ты был слугою. Радуйся, ибо Божие желание благо есть, и тебе лучше быть слугою, чем свободным». Некоторые авторы, изображая крепостных, спешат прибавить, что сила просвещения смягчает нравы.

Только в виде исключения попадают произведения, рисующие крестьянский быт мрачными, безотрадными красками. В этом отношении интересно «Письмо к другу» неизвестного автора-женщины, появившееся в «Покоящемся Трудолюбце» в 1785 году. Сюда же относится знаменитое сочинение А. Н. Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву», появившееся в 1779 году. Радищев не ограничился указанием на отдельные факты, а сделал известные обобщения и указал на тот вред, который приносит *всему* государству крепостное право. Припоминая основное желание автора Наказа доставить блаженство всем, Радищев говорит, что нельзя назвать блаженной ту страну, где две трети населения лишены прав и как бы мертвы для закона, где 100 человек живут в роскоши, а 1000 работают на них и не имеет ни собственности, ни крова, где бы укрыться от зноя и мороза. От крепостного права страдают не только крепостные, но и все государство. Рабство приносит более вреда, чем нашествие неприятелей: последнее всегда случайное и часто мгновенное, тогда как первое губит долгое время и рабов, и господ, родит робость, раболепие, гордость и другие пороки. Наконец, рабство опасно. «Не видите ли, любезные наши сограждане, коликая нам предстоит гибель, в коликой мы вращаемся опасности. Поток, загражденный в стремлении своем, тем сильнее становится, чем тверже находит противустояние. Прорвав оплот единожды, ничто уже ему в разлитии его противиться не может. Таковы суть братия наши, в узах нами содержимые. Ждут случая и часа. Колокол ударит. И се пагуба зверства разливается быстротечно. Смерть и пожигание нам будет посул за нашу суровость и бесчеловечие. И чем медленнее и упорнее мы были в разрешении их уз, тем стремительнее они будут в мщении своем. Вот что предстоит нам, вот чего нам ожидать должно». Затем Радищев указывал на бунт рабов в Риме, на восстание илотов, на недавний Пугачевский бунт; во избежание большего зла Радищев предлагает помещикам приступить к освобождению крестьян. Освободить их он предлагает постепенно: объявить, что взятые в дворовые получают свободу, затем разрешить крестьянам

свободно вступать в брак, потом дать им собственность и гражданские права. Собственность крестьяне должны иметь как движимую, так и недвижимую; одновременно они должны получить право судиться равными себе в расправах выборными судьями, и тогда настанет время совершенного уничтожения рабства.

Таковы планы, нарисованные Радищевым, но он сам не верит в их выполнение, он не ждет, чтобы помещики увидели необходимость освобождения крестьян и поэтому он ждет освобождения от тягостей только от самих поработенных. Это он поясняет следующим образом: «Крестьянин мертв, но он будет жив, если того восхощет»; иными словами, только стремление масс, только крестьянская революция может прекратить крепостное право. Но если только революция может уничтожить крепостное право, то зачем же подавать какие бы то ни было советы. Дело в том, что Радищев верит и в другие силы — в просвещение, в разум, которые могут раскрыть помещикам их заблуждение.

Это «Путешествие из Петербурга в Москву» задело *самолюбие* Екатерины, оно попало ей не в бровь, а прямо в глаз. Екатерина любила похвалу даже с излишком и привыкла слушать истину, говоримую с улыбкой на устах. В книге Радищева она встретила с такой свободой речи и критики; от которой давно уже отвыкла, и вдобавок ее терзал призрак революции и она с опаской вглядывалась в настроение русского общества. Прочитав 30 страниц, Екатерина написала: «Намерение сей книги в каждой странице видно. Сочинитель наполнен французским заблуждением, он ищет умаление власти и приведение крестьян в непослушание». На полях книги Екатерина делала следующие замечания: «начинает пружалобно»... «всем известно, что нет лучшего житья, как у хорошего помещика»... «клонится к возмущению крестьян». А на увещание освободить рабов она сделала следующее ироническое замечание: «Уговаривает помещиков освободить крестьян, да никто не послушает».

Эти замечания уже не оставляют сомнения, что теперь Екатерина смотрела на крепостное право не так, как раньше. По ее приказанию Сенат судил Радищева

и присудил его к смертной казни. Екатерина помиловала Радищева и смертную казнь заменила ему десятилетней ссылкой.

Так Екатерина в крестьянском вопросе, выражаясь вульгарно, начала за здравие, а кончила за упокой.

Нам предстоит еще ознакомиться с мерами Екатерины по насаждению *школьной науки* и воспитания и с теми попытками, которые предпринимались отчасти ею самой, а отчасти окружающими ее лицами с целью *выяснения политического строя* России и регулировать его основными законами.

Екатерина II вступила на престол, когда в русском обществе было заметно стремление не к специальному, практическому образованию, а к *общему*, не зависящему от практических целей. Очень широкая образовательная программа была введена в преподавание дворянских корпусов: там преподавали не только специальные науки, но и ряд общих, не имевших отношения к военному ремеслу его воспитанников. Затем, для целей общего образования были построены Академический университет и гимназия в Петербурге, университет (1755) и при нем две гимназии в Москве и одна гимназия в Казани. Но эти меры были недостаточны. Эти школы удовлетворяли потребности *высших классов*, крестьяне попадали в них редко, и притом всегда в виде исключения. Но даже и потребности высших классов удовлетворялись крайне недостаточно — эти школы во всем торпели недостаток.

Московский университет в течение всей второй половины XVIII века пребывал в каком-то эмбриональном состоянии. На юридическом факультете был всего один профессор Дильтей, который читал все юридические курсы и притом на французском языке, на медицинском факультете сначала также был один профессор. Большинство профессоров были иностранцы, читавшие на французском, немецком, латинском языках, малопонятных для студентов. Русских профессоров было всего двое — Поповский и Барсов. Первый читал философию и дидактику, а второй — сначала математику, а потом

российскую словесность. Только потом уже прибавилось еще несколько профессоров.

Даже такое заведение, как Морской кадетский шляхетский корпус, бедствовал от недостатка преподавателей. Иногда от него бывали такие объявления в газетах, что прямо недоумеваешь, как оно могло существовать. В 1765 году этот Морской корпус дал в газетах такую публикацию: «в Морской Кадетский Шляхетский Корпус потребны: навигационных наук профессор 1, корабельной архитектуры учитель 1, подмастерье корабельной архитектуры 1». Стало быть, основные предметы не имели преподавателей. Далее, для обучения словесным наукам вызывалось учителей 3, латинского языка учитель 1, шведского языка учитель 1, французского языка учитель 1; подмастерьев для преподавания датского, шведского и французского языков по 1, переводчиков 2, учителя танцев 1, учителя геодезии 1. Таким образом, выходит, что в Морском корпусе почти совсем не было учителей.

Сама постановка преподавания отличалась крайним несовершенством. Начать с того, что ученики переходили из класса в класс не по успехам, а по возрасту. В одном классе были ученики 15 лет, в другом 16 и т. д. При таких условиях учителя занимались не с целым классом, а с каждым учеником в отдельности; случалось сплошь и рядом, что на одной скамейке сидели такие ученики, из которых один учил дивизию, то есть деление, другой мультипликацию, то есть умножение, а третий еще сидел на складах. Общей программы не было, учились каждый по своему желанию; в классе не было никакого общего дела, каждый, не исключая и учителя, занимался своим делом. Учитель ограничивался тем, что задавал уроки и выпрашивал отдельных учеников. Для полноты картины надо прибавить еще невежество, пьянство и нерадение учителей.

Такие учителя были обычны, и о них мы имеем красноречивые свидетельства. Майор Данилов рассказывает о своих учителях, что один из них, Алабушев, человек пьяный и развратный, был взят учителем в школу прямо из тюрьмы, где сидел за третье убийство. Известны

также анекдоты, рассказываемые Фонвизиним про своих учителей: учитель арифметики «пил смертную чашу», учитель латинского языка — пример злонравия, пьянства и всех пороков, но голову имел преострую и как латинский, так и российский языки знал преизрядно.

Не удивительно, если при таких условиях ученики ничего не знали. Припомним, как Фонвизин держал экзамены в университетской гимназии. «Накануне экзамена в нижний латинский класс пришел учитель латинского языка, голову имевший преострую; на кафтане его было 5 пуговиц, а на камзоле 4. Удивленный, я спросил о пуговицах. Пуговицы вам смешны, отвечал учитель, но они суть стражи чести вашей и моей: четыре пуговицы на камзоле обозначают 4 спряжения, а пять пуговиц на кафтане обозначают 5 склонений. Когда тебя спросят что-нибудь, то смотри на пуговицы; если тебя спросят спряжения, то смотри на камзол, и если я возьмусь за вторую пуговицу, то значит второе спряжение, ты так и отвечай». Еще оригинальнее был экзамен по географии. Экзаменоваться должно было 3 ученика. Но так как учитель географии был тупее, то он пришел на экзамен без всяких «пуговиц». «Товарищ мой, — рассказывал Фонвизин, — спрошен был, куда впадает Волга? Он отвечал: в Черное море. Сей вопрос был задан и мне. Я столь чистосердечно сказал: не знаю, что экзаменаторы единогласно медаль присудили выдать мне».

Если в школах плохо и мало учили, то зато строго и жестоко взыскивали. Иван Иванович Бецкой говорит, что кадеты столь наказывались «фухтелем», то есть палками, что, выйдя из корпусов, на всю жизнь оставались калеками.

Так как правительственных школ было мало, то многие прибегали к частным школам. Многие ограничивались обучением одной грамоте и для этого обращались к поном и дьячкам, но многие обращались к иностранцам. Приходилось брать то, что предлагалось. В Оренбурге частную школу содержал ссыльнокаторжный немец Рошн, человек развратный, жестокий и невежественный. Комедии и сатиры, начиная с Сумарокова, обличают дурное воспитание, которое велось под руководством

французских гувернеров, madam'ов и mademoisell'ей. Правительство пыталось оградить общество от плохих учителей, и в 1757 году был издан указ, который предписывал всем иностранцам, желающим быть учителями, держать экзамены на звание домашнего учителя в Петербурге при Академии и в Москве при университете. Но указ, видимо, не достиг своей цели: учителя по-прежнему оставались невеждами, и в литературе продолжалось обличение их.

Иностранных учителей и мадам приглашали через газеты, где часто и они сами давали объявления. Данные из газет дают нам довольно яркую характеристику этих учителей. Например, два француза и немец в 1757 году дали публикацию, что принимают детей для обучения французскому, немецкому и латинскому языкам новым, скорым и легким способом, а жены их учат служанок мыть, шить и экономии. Содержатель другой школы объявлял, что он имеет аттестат от академии и обучает детей истории, географии, употреблению глобуса, метрике, риторике, немецкому, латинскому языкам, для начинающих имеются особые подмастерья; он же пишет просительные письма на всех языках. Один француз объявлял, что он обучает всем языкам, фортификации, архитектуре, политике, истории, географии и т. д.

Спрос на учителей был очень велик и вызвал к нам прилив всяких отбросов. «Мы были осаждены тучей французов всякого рода, — пишет секретарь французского посольства, — которые не ужились в Париже и отправлялись в другие страны. Мы были оскорблены, увидев среди них дезертиров, банкротов, негодных лакеев, которые все лезли в воспитатели. Очевидно, эта дрянь рассеялась везде, вплоть до самого Китая».

Но эти учителя были доступны далеко не всем, а потребность в образовании в обществе была велика, существующие заведения не удовлетворяли даже дворян. Поэтому дворянские депутатские *наказы хлопочут об учреждении школ, корпусов и гимназий для дворянских мальчиков*, а некоторые *наказы хлопочут даже о введении женского образования*. Большинство наказов предлагают открыть эти заведения на казенный счет,

некоторые предлагают для содержания их пособие от дворянства и лишь немногие дворяне, в том числе московские, предлагают открыть эти учебные заведения за свой счет.

Наказы не ограничиваются выражением общего пожелания, но *намечают и программы*, по которым им желательно, чтобы велось преподавание. Например, кашинские дворяне требовали преподавания в корпусах грамоты, Закона Божия, арифметики, геометрии, фортификации и немецкого языка. Но это были какие-то опоздалые дворяне, их программа пахнет еще временем Петра I. Более современную программу предложили кашинские дворяне: французский язык, рисование, фехтование, тригонометрия, артиллерия и танцы.

Дворяне хлопочут, чтобы эти корпуса предназначались *исключительно для детей дворян*. «Ученики школ, — гласил белевский наказ, — должны быть непременно дворяне, не примешивая других родов, дабы они не заразились подлостью». То же повторяли и другие дворянские указы, исключая серпуховского, который готов был допустить в школы наряду с дворянами детей приказных и купцов.

Некоторые дворянские указы, а особенно южнорусские, как, например, черниговский, ходатайствуют об открытии не только шляхетского корпуса и академии, но и *женского учебного заведения*. Для тогдашнего времени это чрезвычайно важный факт, так как вопрос о женском образовании возник недавно. О том же просили глуховский и переяславский указы.

Дворяне, требуя открытия школ исключительно для дворян, не прочь были распространить грамотность и среди крестьян. Дмитровский наказ предлагал помещику содержать учителя на каждые 100 дворов для обучения крестьянских детей грамоте и арифметике. Это пожелание было мотивировано тем соображением, что от грамотного крестьянина помещик больше дохода получит и что грамота не мешает пахать.

Кроме дворян об открытии учебных заведений хлопотали *купцы*. Московские купцы просили учинить такую школу, где бы не только дети достаточных, но

и сироты на иждивении купцов обучались бы бухгалтерии, языкам и другим полезным купцу знаниям. Некоторые наказы, как, например, ряжский, *требовали введения обязательного обучения* грамоте, с тем чтобы родители, не обучающие своих детей, штрафовались. Но самый интересный в этом отношении наказ был от архангельского купечества. Архангельские купцы были народ развитой: они вели торговлю с заграницей и сами часто бывали там. Эти купцы жаловались, что молодые граждане вступают в жизнь, имея плохое воспитание; жалуются, что среди русских нет искусных негодичантов, которыми наполнена Западная Европа, благодаря чему иностранцы берут преимущество в барышах. Для противодействия иностранцам купцы просили обучать их детей грамоте с христианским благочестием и знаниям, необходимым купцу. Наказ подробно разработал программу: дети должны обучаться правописанию и чтению, купеческому письму, арифметике и науке о весах русских и иностранных, бухгалтерии, купеческой географии, иностранным языкам, праву купцов русских и иностранных и навигации. Эта программа сделала бы честь и теперешнему времени. Наказ предлагал учредить два рода учебных заведений: низшую элементарную школу и высшую. Низшая школа должна находиться в заведовании магистрата; посещение ее обязательно для детей обо-его пола без изъятия; уклонение от обучения наказывается чувствительным штрафом отцов и матерей. Большой школой заведует особый ректор; в ней учат купеческим наукам. Магистрат должен снабжать школу всем необходимым — книгами и другими пособиями, он же назначает таксу на плату за учение, но не общую, а каждым в отдельности, смотря по чину и состоянию граждан; на его же обязанности лежит наблюдение за тем, чтобы учителя достаточно жалованья получали, «дабы от недостатка содержания они в другие промыслы не входили».

К хору голосов, требовавших школ, присоединились и писатели, писавшие на тему, предложенную Вольным экономическим обществом. Ведь и Биарде де ля Виль, и Поленов рекомендовали устроить школу и образование крестьянам дать ранее свободы.

Таким образом, мы видим, что *потребность в школьном образовании была ясно сознаана всеми.*

Что же сделала Екатерина для удовлетворения выявившейся потребности?

Нельзя сказать, чтобы Екатерина сразу вступила на надлежащий путь. Первоначально она проявила самые широкие философские замыслы, самоуверенные до наивности, точно так же, как это было в законодательстве. Вместо того, чтобы сразу пойти навстречу реальным жизненным потребностям и выполнить то, что просило население в наказах, Екатерина задумала перевоспитать общество, *«создать новую породу людей»*. Она увлеклась педагогическими теориями, которые в первой половине XVIII века распространились в Западной Европе и проникли в Россию, главным образом, благодаря ей самой.

Сущность этих педагогических теорий, перешедших в половине XVIII века с запада к нам в Россию, та, что целью воспитания и обучения является образование характера, направление его к добродетели и нравственности. Приобретение знаний, ученость отходили на задний план, они считались не такими важными, как воспитание. Воспитание должно быть основано на разуме, на понимании детской природы. Воспитание должно быть естественно и реально, а обучение должно служить лишь вспомогательным ему средством, которым надо пользоваться умеючи. Задача учителей и воспитателей должна состоять не в начинении учеников знаниями, а в возбуждении их мысли. Обучение должно быть наглядным и приятным и таким, чтобы оно казалось отдыхом, а не работой. Воспитатели должны возбуждать учеников собственным благим примером. Воспитание должно начинаться по возможности раньше, для того чтобы не дать возможности укорениться в детях дурным наклонностям.

Вот в кратких чертах сущность новых педагогических теорий, занесенных в Россию.

Эти взгляды проникли в Россию еще при Елизавете и укоренились в Московском университете в лице профессоров Поповского и Барсова. Поповский перевел на русский язык сочинение Локка «Несколько мыслей

о воспитании». Барсов в произнесенной им актовой речи указывал, что знание должно быть дверью к добродетели.

Екатерина не довольствовалась теоретической пропагандой новых идей. Она задалась целью применить их и учредить во всех губерниях и провинциях «пенсионные дома» или «воспитательные академии», дабы гуманным и рациональным воспитанием улучшить породу русских отцов и матерей и таким образом составить новое добродетельное общество.

Задачу разработать план выполнения этого намерения Екатерина поручила своему секретарю Теплову, который и представил ей записку «Мнение о провинциальных школах». В этой записке видны следы основательного знакомства с педагогическими теориями того времени, но не видно следов здравого смысла. Теплов думал, что одно поколение *не нужно обучать, а только воспитывать*. К воспитанию надо относиться с осторожностью, брать в воспитание детей обоего пола надлежит прямо от груди, «ибо ребенок, оставленный на воле, уже на третьем году есть фурия». При наборе детей Теплов рекомендует предпочитать хорошо рожденных детей, чем детей, происходящих от злонравных родителей. Когда от этого первого, воспитанного в нравственности, поколения произойдет благонравное потомство, «то второе или третье порождение можно будет обучать наукам».

Екатерина не могла остановиться на таком нелепом плане. Более помог ей в деле насаждения просвещения Иван Иванович *Бецкой*. Он был незаконным сыном последнего боярина князя Ивана Дмитриевича Трубецкого, родился в Швеции, когда отец его был там в плену. Как незаконный сын, он получил от отца только вторую половину его фамилии. Воспитывался Иван Иванович за границей, большей частью в Копенгагене. Отец его обеспечил, и как богатый и образованный человек он путешествовал по Европе. С 1747 года, уже в чине генерал-майора, Бецкой целых 15 лет провел в Париже. Здесь он основательно проштудировал всех энциклопедистов, просветительную философскую литературу и новые педагогические теории. Петр III вызвал его в Петербург и назначил начальником канцелярии строения

домов и садов его величества. Но Бецкой сблизился не с Петром III, а с его умной и развитой женой, у которой стал часто бывать как приятный собеседник. Иван Иванович непременно бывал в кабинете императрицы, когда она после обеда, сама сидя за рукоделием, слушала чтение. Этим чтением часто бывал Бецкой.

В скором времени Бецкой стал выдвигать проект устроить в Москве Воспитательный дом для незаконно-рожденных и брошенных детей. В 1763 году он подал императрице «Генеральный план Императорского воспитательного дома», составленный Барсовым. Екатерине чрезвычайно понравилась эта мысль, и первого сентября того же года получил бытие Императорский воспитательный дом в Москве. На его содержание были ассигнованы огромные средства. Уже тут Бецкой выразил свои новые воспитательные идеи, которыми он был проникнут. Воспитательный дом должен готовить «новый род людей», людей добродетельных, которые могут служить примером для других, вследствие чего может произойти «счастливая перемена в нравах и наклонностях той части общества, где они будут жить». Для приготовления добродетельных людей Бецкой предлагал действовать на детей хорошим примером, лаской и обещаниями, наказывать редко и только в исключительных случаях. Бецкой был человек умный и свою программу не ограничил только воспитанием, он рекомендовал учить детей с семилетнего возраста Закону Божию, чтению, письму, цифири, а потом способных обучать и другим наукам, художеству и иностранным языкам.

Этот «Генеральный план» был как бы предисловием к другому труду Бецкого, «Генеральное учреждение о воспитании обоего пола юношей». Здесь развивался план воспитания и обучения согласно с новыми педагогическими теориями, рассчитанный на применение не только в одном учебном заведении, но и во всех школах. План этот был представлен Екатерине, заслужил ее одобрение и лег в основу ее педагогической политики. Поэтому нам необходимо подробно остановиться на ознакомлении с ним.

Корець добру и злу, писал в своем труде Бецкой, есть воспитание. Надо произвести воспитанием «новую породу

людей, или новых отцов и матерей, которые могли бы те же нравы детям вселить, которые они получили, а от их дети передали бы нравы своим детям и так на будущие веки». Для этого Бецкой предлагал покрыть Россию сетью «воспитательных училищ», куда нужно отдавать детей на пятом году от рождения, пока они еще не испорчены. В этих училищах детей будут безвыездно держать до 18–20 лет; они не должны иметь общения с внешним миром, а свидания с родственниками должны происходить редко и обязательно в присутствии воспитателей: «Частое с людьми общение вредит воспитанию». Бецкой уверен в полном осуществлении своего плана, лишь бы только добыть надлежащих учителей и учительниц, а в особенности директоров. Воспитатели должны быть всеми любимы, поведение их должно быть безукоризненно, они должны быть преисполнены терпения, твердости, неподкупности, чтобы юноши почитали и любили их. Вся эта система рассчитана была очень оптимистически: стоит только найти воспитателей-ангелов, и дети будут ангелы. Бецкой верит в силу инструкций: пусть все будет точно, ясно, понятно, пусть совершенные учителя будут в точности выполнять их, и все пойдет как по маслу.

Но откуда взять этих учителей-ангелов, если общество русское таково, что его не стоит даже воспитывать, а необходимо создать прямо *новую* породу людей.

Труд выработать *инструкции* Бецкой взял на себя. Они написаны им в духе тех воспитательных теорий, которые разделялись и им, и Екатериной. На эти педагогические мечты Екатерины стоит обратить ваше внимание, так как они очень характерны.

Эти инструкции Бецкой изложил в *уставах*; им написаны уставы Воспитательного общества благородных девиц (Смольного института), Художественной Академии, Шляхетских сухопутных кадетских корпусов и др. Этими инструкциями Бецкой пустил в оборот русского общества все то, что было сказано на западе Европы — Локком, Монтаньи, Амосом Коменским и Руссо. Педагогические инструкции Бецкого в развитии русской педагогики сыграли ту же роль, что и Наказ Екатерины

и истории русского либерализма. От инструкций Бецкого можно вести новое направление в русской педагогике.

Воспитание по Бецкому имеет 4 стороны: *физическую, физико-моральную, моральную и дидактическую*.

Физическая сторона в воспитании имеет огромное значение: только в здоровом теле может быть здоровый дух. По этому вопросу Бецкой собрал лучшее, что было в западной педагогике. Он издал «Физические примечания к воспитанию детей». Эти «Физические примечания» настолько понравились Екатерине, что она велела напечатать их и продавать по общедоступной цене. В своих «Физических примечаниях» Бецкой рекомендует воспитателям обращать внимание на воздух, одежду, пищу и телесное развитие детей. Детей следует часто выпускать на свежий воздух, а особенно при беге или играх. Труд на свежем воздухе умножает веселье и здоровье, а от душного воздуха происходит лень и худое воспитание, так что дети на всю жизнь остаются хилыми и болезненными. Теперь эти рассуждения представляют из себя трюизмы, а тогда, когда не было даже форточек и вентиляций, это было очень радикальное наставление: оно шло вразрез с общим представлением. Бецкой осуждает излишнюю заботливость о здоровье детей и советует с ранних лет приучать их к стуже и позволять бегать во всякую погоду босиком. При простуде он советует не лечить, а просто сделать диету; вообще к лекарству Бецкой советует прибегать только в редких и крайних случаях. В пище Бецкой устраняет все то, что ослабляет неокрепший детский организм: кофе, вино, водку, пряности и т. д. Всего лучше вести жизнь несколько суровую. Одежда детей должна быть проста, удобна, не узка и не дорога, чтобы они свободно могли в ней играть. Это рассуждение также было не по нутру многим маменькам, которые любили, да и до сих пор любят наряжать свой детей, как кукол. меховые шубы Бецкой называет вещью безрассудной и советует надевать их лишь в сильные морозы и в пути.

Физико-моральное воспитание, по теории Бецкого, имеет большое значение, так как лень — мать всех пороков, а трудолюбие — отец всех добродетелей. Поэтому, когда дети будут достаточно сознательны, их надо

приучать к делу, ко всяким рукоделиям, но не употреблять насилия, а приохочивать и выбирать им рукоделия, смотря по возрасту и способностям. Много значения Бецкой признает и за *играми*; для того чтобы в свободное время у детей не возникало желания спать или лежать, спальни следует запирать, а детей выпускать на воздух, где устраивать игры. Игры и рукоделия не только укрепляют здоровье детей, но и приучают их к труду, к бодрости духа, уменьшают коварство, нелюбимость и, соединяя детей вместе, располагают их друг к другу и приучают к общению.

Моральному воспитанию в системе Бецкого отводится первое место. Каким же образом надлежит развивать нравственное здоровье детей? Прежде всего от их слуха и зрения следует удалять все то, что им может быть вредно, то есть Бецкой предлагал *закрытые* воспитательные заведения. Но ведь это только отрицательное воздействие, а в чем же должно заключаться *положительное воздействие*? Надлежит, чтобы воспитатели укореняли добродетель своим собственным примером. Но ведь это довольно утопичное желание: дети, удаленные от жизни, не могут даже видеть добродетелей своих воспитателей, которые должны проявляться, конечно, не только по отношению к ним самим, а гораздо чаще по отношению к окружающим. Итак, по Бецкому, *живой пример является главной силой в моральном воспитании* — от него зависит весь успех или неуспех воспитания. Бецкой не ставит границ живому примеру. Он не считается с тем, что дали ребенку его родители, и не может допустить в ребенке врожденных дурных стремлений, так как душа ребенка это — «*tabula rasa*», чистая доска. Бецкой не признает того, что иногда грифель воспитателя будет скользить по этой «доске», не оставляя никаких следов или не такие следы, каких хотел воспитатель. Поэтому дурной характер детей всецело относится к дурному характеру воспитателей. «Когда худы будут воспитанники, то сие вина их начальников и воспитателей; сие на практике доказать легко». Кроме живого примера воспитателей, Бецкой рекомендует еще совет книги; он предлагает, чтобы в воспитательном заведении по стенам были

написаны нравоучительные надписи, вроде «не делай зла», «не предавайся праздности», «не мучай животных», «не бранись» и т. п.

Возвысив значение морального воспитания, Бецкой *оттеснил* на задний план *значение обучения*. Воспитатели в его системе и по чину и по содержанию стоят выше учителей, роль которых, по его мнению, второстепенна и маловажна. Бецкой повторяет ошибку западных писателей, что наука есть нечто отдельное и не всегда полезное.

Но все же и по части обучения у Бецкого есть несколько дельных мыслей о характере и способах обучения. Бецкой против принуждения: «надлежит или отрешиться от обучения, или обучать играя, чтобы это в отдых было»; «Многоучение, а особливо наизусть, слишком наполняя юный ум, лишает его сил». Практичность и наглядность должны быть прежде всего; надлежит больше давать детям опыта, чем одни чертежи, географию надо проходить на глобусе, а не на картах. В преподавании Закона Божия не следует обременять память заучиванием текстов, а больше обращать внимания на *нравственное* развитие.

Вот те воспитательные и дидактические идеи Бецкого, которые разделялись и Екатериной. Составляя уставы, Бецкой указывал, что это не только его личное мнение, а также и мнение все милостивейшей государыни.

Что же сделала Екатерина для осуществления и для развития своих педагогических идей?

Еще ранее, нежели Бецкой написал «Генеральный план воспитания юношей обоего пола», Екатерина думала об учреждении закрытого учебного заведения для благородных девиц. Ей импонировала слава французского Сен-Сирского института, и для устройства такого у себя она намеревалась вызвать опытную наставницу и узнать уставы и журналы института. Но оказалось, что это заведение живет без всяких уставов и журналов; неудачны оказались также поиски наставницы.

После того как Бецкой поднес ей «Генеральный план воспитания юношей обоего пола», Екатерина решила

обойтись своими средствами, и 5 мая 1764 года ею был дан указ об открытии при Воскресенском Новодевичьем монастыре *Воспитательного общества благородных девиц*. Так возник *Смольный институт*, получивший свое имя от урочища Смоляного двора, где прежде был построен дворец для царевны Натальи Алексеевны.

Смольный институт был рассчитан для воспитания на казенный счет 200 благородных девиц. Эти 200 воспитанниц делятся по возрасту на 4 класса по 50 в каждом: в I классе — девочки 6–9 лет, во II классе — девочки 9–12 лет, в III классе — девочки 12–15 лет и в IV классе — девицы от 15 до 18 лет. Каждый возраст различался по цвету платья: в I классе носили платья коричневого цвета, во II — голубого, в III — серого и в IV — белого. Прием воспитанниц происходил через каждые три года; с родителей бралось обязательство не брать дочерей ранее окончания курса. Родители вообще отстранялись от воспитанниц, так как они, как люди невоспитанные, могли показать им дурной пример.

Учебный план в Смольном институте был шире, чем в Сен-Сире. В I классе должны преподаваться русский язык, иностранные языки и арифметика, во II — география и история, в III — словесность, архитектура, геральдика, поэзия, музыка, танцы, в IV — занятия исключительно практические: воспитанницы по очереди по две вместе занимаются с маленькими девочками, для того чтобы приучиться воспитывать детей; они приучаются также и к содержанию доброго порядка и к домашней экономии, для этого они договариваются с поставщиками, каждую субботу производят подсчет расходов, платят по счетам, определяют цену продуктов, наблюдают, чтобы везде была чистота. Воспитанницы обучаются рукоделиям и, начиная с третьего возраста, должны сами шить себе платья. Стихи, пение и всякие искусства входят в круг обучения, чтобы сделать воспитанниц приятными членами общества. Эти порядки, этот круг жизни, заведенные еще Екатериной, с некоторыми изменениями держатся в общих чертах и до сих пор.

Общее направление воспитания в Смольном институте было иное, чем в Сен-Сире. Там из воспитанниц го-

товили монахинь, все воспитание было проникнуто клерикальным духом; многие воспитанницы, кончив образование, сразу поступали в монастырь. Смольный институт, наоборот, вырабатывал девиц — украшение общества, то есть был рассадником *светского* воспитания.

Устав требовал от воспитанниц приветливости и благородства в обращении не только с равными себе людьми, но и с самыми низшими. Воспитанницы приучались к пристойности и к благородной скромности в поведении. Для этого им рекомендовалось вступать между собой в благоприличный разговор, высказывать свои мысли с подобающей вольностью. Для того чтобы приучить воспитанниц держать себя и говорить в обществе, по воскресеньям в институт приезжали светские дамы и кавалеры. В одно из таких воскресений воспитанницы давали концерт, в другое спектакль, а третье посвящалось просто разговору и т. п. Воспитанницы старших классов на этих собраниях должны были играть роль приветливых и учтивых хозяек.

Во главе института стояла *начальница*, обладавшая огромными правами, которые в качестве пережитка удерживают за собой и теперешние начальницы. Она имеет право назначать и увольнять учителей и учительниц, она ведет все расчеты с экономом, принимает воспитанниц, дает им награды. От начальницы требуются особые качества: она должна быть всеми любима и почитаема, она должна вести себя кротко, весело, ей вменено в обязанность изгонять все то, что имеет вид скуки, задумчивости и печали.

В помощь начальнице должна быть *правительница* (теперешняя инспектриса); она наблюдает за учительницами и имеет крайнее радение о чистоте.

Для ближайшего надзора за воспитанницами в институте состоят 4 *надзирательницы*, по одной на каждый возраст; они, не спуская глаз, смотрят за воспитанницами, а также заменяют отсутствующих учительниц.

Всех *учительниц* на институт полагается 12, по 3 на каждый возраст. Они не только учат девиц, но и воспитывают их в благоразумии и искусными словами внедряют благонравие в нежные сердца их. Учительницы

должны учить по всем предметам, и только в крайнем случае дозволялось пригласить учителя или, как тогда говорили, мастера.

Таково было Воспитательное общество благородных девиц. Но Екатерина хотела создать «новую породу людей» не только среди дворянства, но и в мещанстве и во всем остальном обществе, и поэтому указом 31 января 1765 года Екатерина основала *Особливое училище* для воспитания дочерей чиновников, купцов и мещан. Им управляла та же начальница, что и Воспитательным обществом благородных девиц; внутренний строй его был такой же, только курс попроще: воспитанниц учили языкам и арифметике; геральдика, архитектура не входили в программу, но зато более выдвинуты были женские рукоделия, а также музыка.

На каждую девицу, поступавшую в институт, ассигновалось по 50 рублей; эти деньги клались на ее имя в банк и ко времени окончания курса вместе с накопившимися процентами считались ее приданым. Обыкновенно само училище выдавало девицу замуж, а если это не удавалось, то определяло ее в учительницы, договаривалось за нее и получало за нее жалованье. Никуда не пристроившиеся девицы имели право жить в институте, получая там комнату, пищу и свечи, оплачивая за это институту «рукоделием, трудолюбием и добродетелью». Как они могли платить добродетелью, остается непонятным.

Так было положено начало основанию институтов и воспитанию девиц в России.

Екатерина близко приняла к сердцу дело воспитания девиц. Она часто ездила в Смольный институт и не только по праздникам, но и в будни, часто звала воспитанниц к себе, и они ставили ей сценические сюрпризы. Екатерина необыкновенно просто и задушевно обращалась с воспитанницами, знала их не только по именам, но и по прозвищам и, допуская короткое обращение с собой, никогда не роняла своего величия. Дети писали Екатерине письма, и она иногда отвечала им. Не доверяя вполне учительницам и воспитательницам, Екатерина старалась научить детей своим собственным примером. Она искренне полюбила детей и была с ними

проста. Екатерина не играла роль матери, как начальница института, но была действительно матерью: дети, прославившиеся к ней навстречу, доставляли ей настоящую материнскую любовь. Переписываясь со своей «черномазой Лёвушкой», Екатерина любовно входила во все подробности ее детской жизни и ее интересы.

Екатерина была очень довольна ходом дел в Смольном институте. В письме к Вольтеру в 1772 году она так отзывалась про его воспитанниц: «Они столь знают, что надо удивляться; они нравственны, но не мелочны, как монахини». Падкая на комплименты, Екатерина любила показывать своих воспитанниц и щеголять ими. В 1777 году Смольный институт посетил шведский король Густав III. В честь его воспитанницы давали спектакль, а потом он ужинал вместе со взрослыми воспитанницами. Густав III был очарован (насколько искренне, об этом трудно судить). Из Швеции он написал воспитанницам такое письмо: «Я с умилением и удовольствием буду всегда вспоминать вас и вашу державную Основательницу. Это единственное зрелище, какое я только видел; это самое замечательное из всех дел Екатерины».

Основывая Воспитательное общество благородных девиц, Екатерина задалась целью воспитать не только добродетельных, но и приятных для общества девиц. Но вторая цель, как более легкая, взяла верх над первой, оттеснив ее на задний план, и вместо воспитания добродетельных жен и матерей Смольный институт стал воспитывать светских женщин. К выработке внешности прилагалось большое старание. То общество, в котором вращались воспитанницы Смольного института, было самое отборное: разговоры велись только на французском языке, вокруг себя они видели ласковое, благородное обращение. Устав не позволял воспитанницам ходить к служанкам и разговаривать с ними, чтобы не заразиться от них дурным примером.

Стол воспитанниц в Смольном институте был простой, но зато туалеты были роскошные. По воскресеньям их рядили в шелковые платья, давали им белые перчатки, ботинки, духи и т. п. Когда девочки подрастали, то их начинали практически знакомить со светом. Для

этого начальница приглашала старших воспитанниц к своему столу, куда для общества приглашались светские молодые люди. Тут заключается явная нелепость: родителей, как людей вредных, оттесняли, а посторонних свободно приглашали в институт.

Воспитанницы старших классов часто ездили ко двору, играли в Эрмитаже, бывали в гостях у Бецкого. В Смольном часто давались балы, на которые приглашались кадеты, зачастую кадеты вместе с девицами давали театральные представления. Раз в неделю, по воскресеньям, девочки публично танцевали. Екатерина сообщала Вольтеру о брате бывшего крымского султана Калге Султане, который каждое воскресенье повадился ездить в Смольный смотреть эти публичные танцы.

Как ни умна была Екатерина, но она не понимала, как вредно отзывается на девочках подростках 13–15 лет это любованье, эти вечные смотрины. Во всяком случае атмосфера в Смольном была не такова, в которой вырастают достойные матери и жены. В своем сочинении «О повреждении нравов в России» Щербатов произносит суровый приговор всей воспитательной деятельности Екатерины: «Из Воспитательного общества благородных девиц не вышло ни ученых, ни благородных девиц. Там более комедиями занимаются, нежели нравы и сердца исправляют».

Но этот приговор строг. Справедливо, что из Смольного не вышло ученых девиц, да Екатерина и не задавалась целью выпускать ученых девиц. По ученой части она была не требовательна. Часто посещая Смольный, Екатерина ни разу не присутствовала на экзаменах, которые происходили в ее отсутствие. Члены совета обыкновенно давали самые лестные отзывы о знаниях и успехах учениц. Каждый протокол обыкновенно удостоверял, что много воспитанниц достойны награды шифром. Что руководило в данном случае экзаменаторами, дававшими самые лестные отзывы — пленяла ли их благовоспитанность учениц или они желали угодить Екатерине, — трудно сказать, вероятно было и то, и другое.

Но всему бывает предел. Екатерина заметила, что в Смольном дела идут не так, как нужно, и в 1783 году

приказала произвести ревизию учебного дела Комиссии об учреждении народных училищ. Расследованием было обнаружено, что введенный план не всегда точно исполнялся, преподавание предметов начиналось тогда, когда по плану оно должно было уже кончаться. В четвертом возрасте, например, воспитанницы не должны были изучать науки, а должны были готовиться к практической деятельности, а на деле им преподавали там немецкий, итальянский языки, физику, естественную историю и рукоделие, то есть сама жизнь указала, в каком направлении должно произойти изменение программы. Комиссия усмотрела, что неуспех преподавания объясняется тем, что науки преподаются на иностранных языках, еще мало понятных воспитанницам, в результате получилось то, что и языки мешали наукам, и науки мешали языкам — окончившие курс девицы имели крайне мало общих сведений и не умели даже правильно писать свое имя. Недостаток преподавания заключался также в том, что в одной комнате сидели 2 или даже 3 учительницы и выспрашивали учениц. Учениц делили на группы даже по таким предметам, по которым можно было бы вести общее преподавание, например по истории. Затем, девиц часто отрывали от занятий для танцев, спектаклей и прочего, меняли без нужды у них учителей и т. д.

Причину этих недостатков комиссия объясняла невежеством учителей. Результатом расследования явилось преобразование плана института, вследствие чего он стал не только воспитательным, но и учебным заведением.

Сделав доклад о неудовлетворительной постановке обучения в Смольном институте, комиссия предложила: 1) чтобы все науки преподавались на русском языке, 2) чтобы вместо неспособных учительниц были приглашены опытные учителя, которых директор должен «освидетельствовать в их звании» и 3) чтобы наблюдение за исполнением обучения по классам было возложено на директора, которому в помощники должен быть дан учитель. Комиссия предложила также и новые способы обучения: в круг преподавания предложено было ввести простое чтение книг. К взрослым воспитанницам должны быть приставлены учительницы, хорошо знающие

русский язык, чтобы они наставляли в нем воспитанниц — в этом уже виден поворот к национальному воспитанию.

Екатерина согласилась с доводами комиссии и определила новую учебную программу: теперь вводилось в неделю 24 учебных часа, а для таких занятий, как танцы, рукоделие, отводилось оставшееся свободное время. Таким образом, Воспитательное общество благородных девиц получило иной, чем прежде, тип, оно стало по преимуществу *учебным* заведением. В царствование Екатерины этот новый план еще окончательно не вошел в действие и не строго выполнялся, так что Смольный институт оставался в каком-то переходном состоянии.

Главная цель, которую Екатерина поставила Смольному институту, — быть рассадником светского воспитания — также не достигалась вполне, благодаря заведенному тепличному воспитанию. Правда, воспитанницы Смольного, выходявшие в свет, были ловки, непринужденно держали себя в обществе, не боялись и не дичились людей, но что касается действительного знания жизни, то в этой области они имели целый ряд ложных представлений и отличались такой наивностью, которая граничит прямо с глупостью. Например, одна воспитанница рассказывала после, что к ним в институт ездил один генерал Луганов, семь сыновей которого, также посещавшие институтские балы, — все служили офицерами в конной гвардии; воспитанницы признавались, что они думали, что все конногвардейцы назывались Лугановыми, то есть они смешивали фамилию и служебную должность. Греч рассказывал, что воспитанницы Смольного спрашивали, на каких деревьях растет белый хлеб. Тот же Греч приводит стихотворение, сочиненное воспитанницами:

*Иван Иваныч Бецкий,
Человек немецкий,
Носил мундир шведский,
Воспитатель детский.
В двенадцать лет
Выпустил в свет
Шестьдесят кур,
Набитых дур.*

Но все же несправедливо было бы отрицать ту пользу, которую приносило воспитание в Смольном институте. Уже одно то, что сотни девиц воспитывались *в гуманной обстановке*, а не в побоях, имело хорошие результаты. Мы имеем свидетельства, что из Смольного выходили некоторые идеальные женщины: такова, например, Смирная, дочь одного мелкопоместного помещика, убитого Пугачевым, вышедшая затем за князя Долгорукого. Выйдя замуж, она поехала к матери своего мужа, женщине совершенно необразованной, сошлась с ней и жила с ней в большой дружбе. Дмитриев, знавший княгиню Долгорукую, говорит, что она была женщина идеальная и на своего мужа имела хорошее влияние. Князь Долгорукий, бывший губернатором во Владимире, после ее смерти пожертвовал в память ее дом, в котором была основана гимназия. К этому дому он прибил надпись в память своей жены:

*Евгения была созданием изящества;
17 лет вкушал с ней райское блаженство,
В чертах ее лица зрел мира совершенство,
В чертах ее души зрел образ божества.*

Князь Долгорукий отзывался хорошо и о других воспитанницах Смольного института, подругах его жены, бывавших у них в гостях.

Воспитание в Смольном институте во всяком случае было выше, чем в частных домах и пансионах, и воспитанницы, несмотря на аристократические тенденции этого заведения, выходили более гуманные и человеческие, чем из частных пансионов.

Устраивая Смольный и другие подобные ему институты, Екатерина задавалась мыслью перевоспитать общество, создать новую породу людей добродетельных. Но средства, которыми она действовала, были ниже намеченной цели. В самом деле, если бы эти институты выпускали идеальных людей, то их все равно было бы ничтожное количество. Екатерина, когда ее пыл остыл, не могла не заметить, что выходит *слишком мало* образованных людей; а поэтому в Наказе она признала, что невозможно дать общее воспитание такому многочисленному народу и отдавать *всех* детей в «нарочные дома».

Екатерина поняла, что без домашнего образования обойтись нельзя, и поэтому в своем Наказе она изложила общие правила для *домашнего воспитания*. От родителей требовалось воспитывать детей в страхе Божиим, внушать им любовь к просвещению, отвращать от жестоких поступков, не позволять тем, кто будет состоять при детях, показывать им дурные примеры. Из поданного ей доклада Бецкого «о воспитании обоего пола юношей» Екатерина издала отдельно целый ряд правил.

Но Екатерина предчувствовала, что всех этих принимаемых ею мер будет мало, и поэтому она поставила вопрос об открытии целой сети училищ «низших», «средних» и «верховных», то есть начальных училищ, гимназий и университетов. Поняв огромное значение заведения училищ, Екатерина велела учредить при комиссии для составления проекта Нового Уложения особую частную комиссию, чтобы она занялась вопросом об учреждении училищ. Эта комиссия выработала проекты о нижних деревенских, нижних городских и средних городских школах. На этом проекте остановимся подробнее.

Комиссия предложила, по примеру Пруссии, *ввести обязательное обучение* в деревнях мальчиков, а в городах и мальчиков, и девочек. С этой целью она предложила основывать школы в каждом селе и в каждой деревне, с тем расчетом, чтобы на каждые 100–250 семей приходилось по школе. Постоянное содержание этих училищ проект возлагал на прихожан, а чтобы обучение стоило дешевле, оно поручалось по проекту духовенству за особую плату. Поп должен получать три четверти ржи и 2 рубля, а дьяконы и дьячки по 4 рубля (дьяконы и дьячки получали больше, потому что собственно они вели преподавание, а священнику предоставлялся только высший надзор). Учение должно происходить по составленным Синодом руководствам. В круг обучения в низших школах входили: церковная и гражданская азбука, некоторые молитвы, краткий катехизис и изложение обязанностей крестьянина или горожанина. Крестьянские мальчики должны *обязательно* обучаться чтению, а письму, если только пожелают; в городах *обучение обязательно* с семилетнего возраста не только мальчикам, но

и девочкам; мальчики обязательно обучаются и чтению, и письму, а девочки обязательно только чтению, обучение письму для них необязательно. Комиссия предлагала также штрафовать тех родителей, которые не будут посылать своих детей учиться, налагать штрафы на те общества, которые не будут платить на содержание училищ, и наказывать помещиков, которые будут препятствовать своим крестьянам отдавать детей.

Заведование низшими городскими школами поручалось губернаторам совместно с архиереями, заведование низшими сельскими школами — архиерею и дворянам, которые должны выбрать от себя депутата, чтобы он по крайней мере один раз в два месяца посещал школы, присутствовал на экзаменах, наблюдал за учителями и смирал их и т. п. Таким образом, проект училищной комиссии выдвинул план постройки *церковно-приходских школ*, которые усиленно вводились в жизнь при Александре III.

Что же касается *средних школ*, то комиссия предлагала установить единственный тип их — гимназии. Средняя школа должна быть единоначальной, светской и духовной одновременно; в эти гимназии комиссия предлагала обратить все существовавшие уже духовные семинарии. При таких задачах средняя школа и управляться должна светскими и духовными властями — архиереем и губернатором; во главе ее должны стоять *два* ректора — один духовный, архимандрит или игумен, по назначению Синода, а другой светский по назначению университета.

Курс этих гимназий-семинарий должен быть чрезвычайно многопредметен. В него входили: латинский, греческий, французский, немецкий языки, философия, метафизика, архитектура, геодезия, космография, геометрия, политика, история, юриспруденция и т. д. Но так как изучить все эти предметы было нельзя, то ученикам предоставлялось право выбрать себе из них несколько для специального изучения, то есть устанавливалась предметная система с группами.

Гимназии эти должны были быть закрытыми, учеников отпускали домой лишь на каникулы, рассчитаны они были на 120 казенно-коштных учеников. В гимназии

принимались дети как дворян, так и разночинцев, но дети дворян должны были по возможности отделяться от детей разночинцев как в помещении, так и в столе.

Таков был план народного образования, выработанный в частной комиссии об училищах.

Академия наук предложила учредить «особое правительство» для заведования высшим, средним и низшим образованием. Это правительство из 9 лиц, подчиненное непосредственно государю, должно было выработать общий план обучения и отдельные уставы. Этот проект заслуживает нашего внимания: *народилась идея особого центрального ведомства народного просвещения*. Эта идея нашла себе первоначальное осуществление в царствование Екатерины, а затем окончательное при Александре I, когда было учреждено Министерство народного просвещения.

Екатерина не нашла возможным ввести всеобщее обучение и не приняла проект. Дело учреждения училищ было возложено ею на приказ общественного призрения. По «Учреждению о губерниях» 1775 года предписано было открывать школы не только в городах, но и в селах, учиться могли *желающие*, без всякого принуждения. За учение полагалась умеренная плата, от которой бедные освобождались совсем. Курс этих школ состоял из обучения чтению, письму, арифметике, рисованию и основам катехизиса. Екатерина даже в общем плане дала ряд наставлений учителям: телесные наказания запрещались совсем, рекомендовались упражнения на свежем воздухе и т. п.

Все эти постановления остались мертвой буквой, да и не могли не остаться ею. Приказы общественного призрения не имели средств для оборудования и содержания училищ. Правда, им было дано по 15 000 рублей, но этот капитал был только фондом, на проценты с которого должны были содержаться училища. Приказы общественного призрения и стали заботиться о приращении процентов, но так увлеклись этой ссудной деятельностью, что забыли, что проценты должны расходоваться на школы; они их только копили и расширяли свои ссудные операции, давая деньги под залог имений. Но главным препятствием было полное отсутствие учителей и руковод-

ства, то есть перед Екатериной стояла задача создать и тех, и других. Екатерина не остановилась перед этой задачей, и за то многое, что она сделала, мы должны быть благодарны ей, так как она, можно сказать, почти из ничего положила основание русскому школьному образованию.

Итак, Екатерина заботу о постройке новых училищ возложила на Приказ общественного призрения, который должен был иметь попечение о школах. Но это, как мы уже видели, было очень непрактично: приказы общественного призрения занимались ссудными операциями и не строили школ на получаемые проценты; правда, они должны были привлекать частные пожертвования, но из этого выходило очень мало пользы. Главным препятствием было то, что не было учителей.

Забываясь о приискании учителей, Екатерина вела переписку с Гриммом и другими западными учеными. Но на верный путь она стала только в 1767 года, когда свиделась в Могилеве с австрийским императором Иосифом II, который рассказал ей, как поставлено дело народного образования в Австрии. Там преподавание велось по методу, выработанному в Пруссии настоятелем августинского Сатанского монастыря Фельбингером. В Австрии школы вводились этим самым Фельбингером, который был выписан для этой цели Марией Терезией. Екатерина захотела ввести в России такую систему обучения, которая уже была в Австрии. Иосиф II выбрал для нее подходящего человека — серба, православного, знавшего русский язык — *Янковича де Мириево*, который был директором народных училищ. Этот Янкович и явился у нас творцом общеобразовательной русской школы: он сделал так много, что все, сделанное до него, кажется только обрывками.

Янкович в 1782 году приехал в Россию, и тогда же была образована «*Комиссия об учреждении народных училищ*» под председательством Завадовского. Янкович был дан в распоряжение этой комиссии; ему было поручено составить «общий план народных училищ», что он и исполнил, и 21 сентября 1782 года этот план получил

санкцию Екатерины. Свой окончательный вид этот план получил в «Уставах народных училищ» 1786 года.

Этот план предлагал три вида начальных школ: двухклассные малые, трехклассные средние и четырехклассные главные. Двухклассные школы предполагалось строить в селах, трехклассные в городах и четырехклассные в губернских городах. Все преподавание разделялось концентрически, так что программа каждого класса представляла из себя нечто целое и повторялась в следующем классе, только в большем размере.

В *малых школах* в I классе преподавалось чтение, письмо, цифры, катехизис, грамматика; во II классе предметы были те же, но катехизис подробнее, хотя и без текстов, вместо цифр уже начала арифметики, затем чиstopисание, рисование и «книга о должностях человека и гражданина».

Средняя школа состояла из тех же двух классов и кроме них еще третьего, в котором преподавались те же предметы, но катехизис уже с текстами, затем история и география России.

В *главных народных школах* к трем предыдущим классам присоединялся еще четвертый, в котором география и история проходились подробнее, грамматика — не только орфография, но и правила сочинения, основы геометрии, естественной истории, начала физики и архитектуры.

Вот какой план был спроектирован комиссией об учреждении народных училищ.

Этот план не получил полного осуществления. Екатерина нашла непрактичным устраивать высшие, средние и низшие школы и решила основывать только низшие и высшие школы, причем в программу последних был включен еще латинский язык, так как предполагалось, что из них ученики пойдут в университет; таким образом, школы в губернских городах сделались предшественниками гимназий.

Цель этих учебных заведений была создать нравственного человека и доброго гражданина. Янкович в своих инструкциях требовал от учителей, чтобы они приходили в класс не для одного только задавания уроков или

выспрашивания отдельных учеников, а для того, чтобы ученики *усвоили* урок; для этого он должен спрашивать всех учеников.

Янкович рекомендовал даже ряд приемов занятий в классе для лучшего усвоения учениками уроков: например, учитель читает ученикам, за ним повторяет один ученик, а потом все хором; или же учитель, прочитав что-либо, пишет на доске одни заглавные буквы прочитанных им слов, а ученики догадываются, как будет далее. Это не Бог знает, какого достоинства метод, но для того времени это было крупное улучшение. В некоторых случаях Янкович рекомендовал заставлять учеников пересказывать своими словами, вообще же он советовал чаще прибегать к *наглядному* обучению и индивидуализировать учеников: тех, кто имеет хорошую память, но плохо соображает, надо заставлять рассказывать своими словами, приводить свои примеры; тупым детям надо всячески облегчать учение и не обращаться с ними строго. Теперь эти наставления опять-таки представляют из себя трюизмы, а тогда, в конце XVIII века, когда педагогическая практика была совершенно иная, это было новостью. Мягкость, гуманное обращение с учениками были обязательны для учителей; телесные наказания совершенно исключались, потому что «нельзя детей растить, как скот». Для поддержания дисциплины в классе достаточно увещаний, предостережения и лишения приятного. В этих инструкциях были разработаны все детали, все предвиделось наперед.

Но одних инструкций было мало: *надобны были еще учителя и учебники*. Заготовкой и тех и других занялась комиссия.

Прежде всего комиссия обратила свое внимание на *семинаристов*. Семинаристы у нас на Руси всегда служили и служат затычкой; их употребляют всегда в тех случаях, когда надо что-нибудь изготовить наспех. Янкович обратился к семинаристам, и в четыре месяца были подготовлены учителя для первых семи училищ. В первые четыре года было открыто до 70 малых училищ. Для того чтобы готовить учителей, в Петербурге было учреждено *Главное народное училище*, сделавшееся

учительской семинарией. В нее набирали учеников из семинарий, из Славяно-греко-латинской академии, всего 100 человек. К 1786 году был уже подготовлен первый выпуск учителей, из которых половина получила право быть преподавателями в главных училищах, а другая половина — в малых. Таким образом, оказалась возможность открыть училища в 26 губерниях, а затем главные народные училища были открыты еще в 14 губерниях.

Одновременно с этим печатались учебники и другие учебные пособия. Ко времени открытия училищ было уже напечатано 27 учебников, большей частью переведенных с немецкого, но некоторые из них, как, например, «Книга о должностях человека и гражданина», были самостоятельным произведением. Эта книга интересна в том отношении, что она показывает новую точку зрения Екатерины на школьную науку. Екатерина отступилась теперь от своей первоначальной мысли, что наука ничего не может дать для облагораживания человека; теперь она заботливо стала следить за составлением новых учебников — в этом видна несомненная эволюция.

С открытием в 1786 году главных народных училищ потеряла смысл «Комиссия об учреждении народных училищ».

Тогда она была преобразована в Главное правительство училищ, родоначальник современного Министерства народного просвещения.

Это Главное правительство училищ было непосредственно подчинено императрице.

Местным управлением в каждой губернии ведали губернатор и Приказ общественного призрения. Губернатор должен был заботиться об устройении по городам училищ и ободрять учащихся и учащих. Приказ общественного призрения должен был изыскивать средства и помещения для училищ, подыскивать учителей и заготавливать учебники. Заведование учебным делом было поручено директорам народных училищ, которых должно быть по одному на губернию. Директор должен наблюдать, чтобы никто не понадел в учителя без надлежащего экзамена и диплома, должен присутствовать на

экзаменах и посещать уездные училища по крайней мере один раз в год. В уездных городах для наблюдения за училищами избирались попечители, или, как тогда называли, «смотрители», должность вроде инспекторов. нынешняя организация во многом ведет начало от времен Екатерины.

Так были устроены начала народного образования. Обучение было бесплатное, при этом учителям на всякий случай внушалось, чтобы они не пренебрегали детьми бедных родителей. Главное правительство училищ имело право командировать членов для осмотра, ревизии училищ.

Положение о народных училищах принадлежит к числу замечательных актов Екатерины: им было положено начало широкому народному образованию в России. Петровские цифирные школы не были удачны, и они не привились, после них появлялись лишь сословные школы, да и то лишь в Петербурге, а в провинции были только бестолковые духовные училища. При таком положении дел законодательство о народном обучении, обдуманное и проверенное опытом других стран, явилось важным и крупным шагом вперед. В основе его лежала продуманная система, с мельчайшими подробностями было объяснено и распределено решительно все, не только предметы, подлежащие изучению, но и часы занятий, жалованье учителям, администрация и даже помещения. В нашей истории можно найти немало примеров, когда законы оставались только на бумаге. Законодательство об училищах не было бесплодным, так как ему предшествовали энергичные меры, например, были напечатаны руководства, то есть было сделано именно то, чего недоставало петровским школам.

Но местные органы управления народным образованием не были вполне на высоте своей задачи: губернаторы были завалены текущей работой, а Приказы общественного призрения стали ведать только хозяйственные дела. Попечители, «смотрители», были нередко людьми невежественными, которые часто не только не содействовали делу образования, но даже тормозили его. В этом отношении обессмертил себя один козловский купец,

смотритель, который докладывал начальству, что «все училища вредны и оные полезно было бы повсеместно закрыть».

Самой слабой стороной народного образования было то, что на него *не было отпущено достаточных средств*. Когда Екатерина давала 15 000 рублей в качестве фонда в Приказы общественного призрения, то она рассчитывала, что Приказы будут привлекать *общественные пожертвования*. На первых порах на училища поступило довольно много пожертвований. В Архангельске крестьянин Степанов пожертвовал под школу дом; жертвователи находились и в других городах — в Новгороде, в Петербурге и других, большей частью жертвовались помещения для школ. Благодаря этому в уездных городах открылось довольно много училищ.

Но, как это всегда бывает в России, первый порыв остыл, и городские думы стали тяготиться содержанием училищ и не только не стали строить новые помещения, но и просили закрыть старые. В 1786 году обыватели Лебедяни, Спасска (города Тамбовской губернии) подали губернатору просьбу освободить их от несения повинности на училища, мотивируя ее следующим образом: «Понеже купецких и мещанских детей в школах не состоит, и впредь отдавать их туда мы не намерены, того ради, что пользы в сем не видим».

Вследствие всех этих причинам училища владели жалкое существование. Учителя прямо бежали от своих должностей, так как полагавшееся им грошовое жалование часто платили не вовремя или же не доплачивали; те же, кто оставался, то прямо спивались от горя, так как приходилось побираться, для того чтобы не умереть с голоду. При таких условиях не было места идеальным методам, и дело шло по-старому: учителя продолжали выпрашивать учеников, а ученики долбили уроки.

Но как бы то ни было, делу народного образования при Екатерине было положено серьезное начало. К концу царствования Екатерины во всей России числилось 316 народных училищ с 744 учащими 14 341 учащимися. Преемникам Екатерины пришлось только совершенствовать начатое ею дело, а не созидать его заново.

Мы познакомились с попытками, которые предпринимались в царствование Екатерины для решения *крестьянского вопроса*. Они не привели к полному разрешению вопроса, но не были и безрезультатными: крестьянский вопрос получил широкую теоретическую разработку, был поставлен на очередь в литературе, так что XIX век в разрешении крестьянского вопроса шел уже по проложенному пути, дополняя его новыми деталями.

Затем мы рассмотрели то, что предпринималось для *народного просвещения*. Первоначальный широкий план не был осуществлен, но раз и навсегда было установлено, что народное просвещение есть такая же государственная задача, как, например, оборона страны. При Екатерине возник и особый орган государственного попечительства о народном образовании: при ней по всей России была раскинута сеть народных училищ, которые должны служить для просвещения широких кругов.

При Екатерине была поставлена на очередь и та задача, которая с трудом разрешается теперь: я разумею *попытки и желания ограничения самодержавной власти через определенные конституционные формы*.

Еще в начале своего царствования в манифесте от 6 июля 1762 года Екатерина писала: «Наиторжественнейше *обещаем* Нашим императорским словом узаконить такие *государственные установления*, по которым бы правительство любезного Нашего отечества в своей силе и *прилежащих границах* течение имеет». Как ни туманен смысл этой фразы, в ней нельзя не видеть *обещания ограничить* действовавшую тогда самодержавную власть законными учреждениями.

По всем данным, это обещание вырвалось у Екатерины *под давлением обстоятельств*. Возможно, что на нее действовал в этом направлении Никита Иванович Панин. Н. И. Панин с Е. Р. Дашковой и еще целый круг дворян замыслили ограничение самодержавной власти. По словам Ривьера, это намерение ограничить самодержавную императорскую власть привлекло к себе много сторонников. Княгиня Дашкова в своих «записках» рассказывает, что раз, во время разговора с ней,

Н. И. Панин сказал, что недурно было бы новое правительство устроить на началах шведской монархии. В сущности говоря, ограничение власти было необходимо Панину, так как он работал для переворота, но не в пользу Екатерины, а в пользу малолетнего Павла; Екатерина, по его мнению, должна была бы стать только регентшей: поэтому-то и являлась необходимостью подумать, как бы оградить регентшу каким-нибудь постоянным учреждением.

Через несколько месяцев после вступления на престол Екатерины Панин подал ей уже известный нам проект, выработанный им на началах шведской монархии. Как бы выполняя свою программу, Панин предлагал учредить *совещательное учреждение — Императорский Совет*. Все законы обязательно должны проходить через этот Совет, сепаратные распоряжения государя не должны уже иметь места.

Императорский Совет Панин определял как то учреждение, в котором и через которое действует императорская власть. Припомним судьбу этого проекта: Екатерина, распознав, что значит, что если ее указы не могут миновать Императорского Совета, отступилась от своей первоначальной точки зрения и надорвала уже подписанный ею манифест.

После этого Екатерина на некоторое время сосредоточилась на мысли *оградить и упрочить самодержавную власть*. В секретной инструкции генерал-прокурору князю Вяземскому Екатерина писала, что, «хотя некоторым воспоминание о недавних событиях и приятно, но, пока я живу, я все оставляю по-старому. Российская империя есть страна столь обширная, что всякая иная власть кроме самодержавной ей вредна».

Такова точка зрения Екатерины приблизительно около 1764 года. Те же мысли она развивала и в Наказе. Тут она находила поддержку у Монтескье, который считал неограниченную монархию самой подходящей формой правления для страны с редким населением и обширной территорией.

Хотя Екатерина и решилась поддерживать самодержавную власть, она, тем не менее, получала внушения

ограничить самодержавие и делала в этом направлении некоторые шаги.

Такое внушение сделал ей Дидро, советовавший сначала созвать распущенную комиссию для составления Нового Уложения и сделать ее *постоянным* учреждением, то есть преобразовать ее в Государственную думу. Дидро исходил из того, что хорошие монархи, как Екатерина II или Петр I, редки, а более бывают монархи плохие, да, наконец, и хорошие монархи могут испортиться, так что необходимо принять меры к ограждению нации от их произвола. Недостаточно только *создать* нацию, чтобы составить законы. Законы есть только записанное право, а за ними ведь стоит физическое существо, которое говорит и действует: этим физическим существом и должна быть комиссия. Дидро полагал, что от самой Екатерины зависит, какую часть своих прав и прерогатив уступить комиссии, «но раз отчужденные ей права необходимо оградить от произвола: пусть Комиссия не вмешивается в политику, но пусть ей будет дано право писать новые законы и право петиций».

Вот что предлагал Екатерине Дидро.

И дома находились люди, которые предлагали Екатерине ввести народное представительство в России. Тут на первый план нужно поставить профессора *Дильтея*, того самого, который одно время представлял собой весь юридический факультет Московского университета. Собрание народных представителей, по Дильтею, должно охранять основные законы от нарушения их монархом; в случае, если монарх нарушит основные законы, то народные представители имеют право низложить и судить монарха. Это писалось тогда вполне открыто и было издано.

В 1773 году вновь выступил с конституционным проектом Никита Иванович Панин. Панин предлагал ввести политическую свободу, но только для одних дворян. Панин предлагал учредить *Верховный Сенат*, причем часть его членов должна быть назначаемая и несменяемая, но большая часть должна быть выборной от дворянства. Синод входит в состав общего собрания Сената. Для дворянских собраний, уездных и городских,

Панин требовал права совещаться о местных и государственных пользах, предлагать высшей власти о своих пользах и вносить проекты новых законов. *Сенат* должен быть облечен *законодательной* властью, а *император* — *исполнительной*.

По некоторым известиям, этот проект явился будто бы плодом заговора, составленного Н. И. и П. И. Паниными, княгиней Дашковой и некоторыми из вельмож и гвардейских офицеров. Заговор этот имел целью низложить Екатерину и возвести на престол Павла; говорят, что будто бы Павел знал о предстоящем перевороте и о готовящейся конституции и присягнул не нарушать законы и конституцию.

Но у нас есть также такие известия, более достоверные, которые утверждают, что мнение, будто бы этот конституционный проект составлен для Павла, является домыслом. Есть данные, что около того времени *Екатерина сама думала об изменении самодержавного строя*, так что этот конституционный проект, очень может быть, Панин составил для нее. Данные эти следующие: в 1773 году была напечатана в русском переводе книга Мабли «Наблюдение над историей Греции», снабженная Радищевым примечаниями. В этих примечаниях Радищев выступил резким противником самодержавной власти.

Например, он писал: «Самодержавие есть наипротивнейшее человеческому естеству состояние». Эта книга была издана на средства самой Екатерины: значит, у нее самой были намерения ограничить самодержавную власть и их она хотела пропагандировать. Радищев далеко шел в своих примечаниях: «Неправосудие государя дает народу над ним право, какое дает ему (то есть народу) закон над преступником». Таким образом, мы видим, что в книге, изданной самой Екатериной, проводилась мысль об отмене самодержавной власти и об ее ограничении.

Надо полагать, что проект Панина был знаком Екатерине. Мнения, высказанные в нем, отразились на Учреждении о губерниях 1775 года и на Жалованной грамоте дворянству 1785 года, ведь и тут, и там дворянству

дается и подтверждается право совещаться о своих пользах и нуждах и подавать петиции.

Наконец, от 1775 года у нас сохранилось известие о разговоре Екатерины с московским главнокомандующим князем Волконским. Говоря ему о преобразованиях, которые в ближайшем будущем намечаются в государственных учреждениях, Екатерина сказала: «Сенат останется, при нем будет *Палата*, дабы Сенат мог совещаться с нею о законах. В *Палату* войдет *Комиссия об Уложении*».

И долго еще Екатерина лелеяла мысль о переустройстве высшего управления в России. Накануне второй турецкой войны в 1787 году ею был заготовлен *проект о сенатской реформе*. Текст его неизвестен, но содержание его сохранилось в записках князя Безбородко от 1799 года. По этим запискам власть Сената была следующая: все собрание департаментов Сената под председательством канцлера юстиции составляет «надзирание прав государственных». Когда издаются новые законы, то проекты их, прежде всего, поступают на рассмотрение собрания всего Сената, а затем уже утверждаются самодержавной властью. Вот еще в каком году бродила в голове Екатерины мысль об устройстве в России народного представительства.

Но в 1788 году началась вторая турецкая война, и мысли Екатерины отвлеклись от реформ внутреннего управления. Секретарь Храповицкий в своем дневнике отметил следующие слова Екатерины: «*Не время теперь делать реформы*». Не время было тем более, что тогда начиналась *Французская революция*, и Екатерину стал волновать вопрос, подпишет ли Людовик XVI предъявленную ему конституцию.

Подписание королем этой конституции привело к разрыву России с Францией. Екатерина, хотя и желала дать конституцию, была *решительно против нее, когда она требовалась*. Вот почему Екатерина разгневалась и на Радищева за его «Путешествие из Петербурга в Москву», где он написал, в сущности говоря, то же, что и раньше, но только в решительном и требовательном тоне.

Такой же каре подвергся в 1789 году *Княжнин*, который написал тогда драму «Вадим Новгородский». Здесь восхвалялась политическая свобода славян, а *Рюрик*, основатель династии, обрисовывался как узурпатор.

Конституционные идеи, насажденные в русском обществе самой Екатериной, с наибольшей яркостью расцвели в то время, когда во Франции начиналась революция. Священник Самосский, бывший при дворе Екатерины, писал в конце 80-х годов: «Вольноглаголанье о власти самодержавней стало всеобщим, все восхваляют французов, что предвещает кровопролитие». В мемуарах Сегюра сообщается, что *взятие Бастилии* вызвало *взрыв радости* не только среди французов, но и среди либерального русского общества. Прохожие посредине улиц обнимались и поздравляли друг друга, как с праздником.

Все проявления общественного движения болезненно влияли на самолюбивую Екатерину. Она сама любила конституционные мечты, но как только эти мечты превращались в требования общества, она становилась решительно против них. Поэтому ясно, почему ее конституционные мечты не получили осуществления.

На Екатерину в ее желании ввести конституционные учреждения влияла не только просвещенная мысль западной философии — в эту же сторону направлял ее и характер ее наследника Павла. Павел Петрович вышел очень похожим «на своего батюшку», как выражалась Екатерина. Поэтому у Екатерины явилась мысль отстранить от наследования сына Павла, а преемником себе назначить внука Александра. Была и другая мысль, объявить на всякий случай нечто вроде конституции, так как Екатерина не была уверена, что Павел не свергнет Александра, и поэтому она желала оградить Павла известным учреждением. В конце жизни Екатерины ходили слухи, что *1 января 1797 года в России будет введена конституция*. Но Екатерина умерла раньше (6 декабря 1796 г.), прежде чем опубликовала ограничительный закон.

Мечты Екатерины о введении конституции так и остались мечтами... Но важно указать, что вопрос об изменении формы правления в России был поставлен еще при Екатерине II, во второй половине XVIII века.

ПРИЛОЖЕНИЯ

РЕЧЬ, ПРОИЗНЕСЕННАЯ
В ТОРЖЕСТВЕННОМ ЗАСЕДАНИИ
СОВЕТА ИМПЕРАТОРСКОГО
МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
И ИМПЕРАТОРСКОГО ОБЩЕСТВА
ИСТОРИИ И ДРЕВНОСТЕЙ
РОССИЙСКИХ ПО СЛУЧАЮ
ТРЕХСОТЛЕТИЯ ЦАРСТВУЮЩЕГО
ДОМА РОМАНОВЫХ
(1613–1913)

Милостивые государыни и милостивые государи!

Великое, приснопамятное дело совершилось в нашем царствующем граде Москве триста лет тому назад, 21 февраля 1613 года. «В этот день, — по выражению той самой грамоты, точное воспроизведение которой находится здесь перед вашими взорами, — „всего Московского государства всяких чинов всякие люди“... выбрали „на Владимирское, на Московское, Новгородское и на царство Казанское, Астраханское и Сибирское и на все великие преславные государства Российского царствия“ царем и великим князем „благоцветущую отрасль“ прежнего царского рода — Михаила Федоровича Романова-Юрьева». Не впервые русским людям приходилось выбирать и ставить себе царей с тех пор, как пресекся род московских князей-собирателей. Выбирали они на царство в 1598 году боярина Бориса Федоровича Годунова, выбирали в 1606 г. боярина князя Василия Ивановича Шуйского. Но избрание 1613 года по своему историческому смыслу и значению далеко было не одно и то же с предшествовавшими избраниями. Избрание Михаила не было только замещением осиротевшего царского престола. Оно было, вместе с тем, выходом из тяжелой внутренней неурядицы, когда, по выражению той же грамоты, во всех людях Московского государства была «рознь и междоусобство». Избрание Михаила в тех условиях, в каких оно совершилось, было знамение наступления нового времени, свидетельством того, что «по милости всемогущего Бога все люди во всех городах Российского царствия учинились меж себя в соединеньи, братстве и любви по-прежнему».

Я не буду здесь говорить о том, как и отчего произошла русская междоусобная смута начала XVII века. Скажу только несколько слов о том, к чему она в конце концов привела и какими последствиями угрожала в будущем. Прежде всего, смута привела к потере государством единства и национальной высшей власти. Созданное вековыми усилиями князей-собира-

толей и инстинктом народного самосохранения Московское государство развалилось, рассыпалось на части, между которыми уже не было единения. Центр государства — царствующий град Москва — находился в руках польской военной силы, которая удерживала столицу для королевича Владислава, признанного значительной частью русских людей царем. Но место королевича не прочь был занять его отец король Сигизмунд, мечтавший о включении православного русского мира в лоно римской католической церкви. Главный город Московского северо-запада Новгород Великий находился в руках шведов и не далек был от признания своим государем королевича Филиппа. Юг и юго-восток Московского государства стояли за супругу двух царей-самозванцев Марину и ее сына — воренка. Север и Поволжье стояли особняком, занимая выжидательное положение. Из всех хищников, набросившихся на ослабевший политический организм, львиные доли в расторжении Московского государства должны были достаться Польше и Швеции. Истощенное внутренней и внешней борьбой, дезорганизованное и экономически разоренное население Московского государства почти уже утратило внутреннюю силу сопротивления и, казалось, готовилось уже покориться иноземцам. Русский народ переставал уже быть хозяином на собственной земле, строителем своей жизни и готовился быть пассивным этнографическим материалом для чужой и чуждой ему государственной стройки. Мыслящие русские люди, сознавая, что наступил конец Русскому государству, молили Господа Бога, чтобы Он, по крайней мере, сохранил русское племя. Казалось, что и для русских людей наступила та самая очередь, которая раньше пала на сербов, болгар и чехов.

Но русский народ в конце концов вышел с честью из непосланного ему испытания. В тот самый момент, когда его беды и напасти достигли крайних пределов, «Сын и Слово Божие, — гласит утвержденная грамота, — коснулся сердец православных христиан». Они учинили «богосоюзный совет» и укрепились крестным целованием на том, «что всем православным христианам всего Российского царствия за королевскую многую ко всему Московскому государству неправду, и за истинную православную христианскую веру греческого закона, и за святые Божии церкви, и за многое бесчисленное христианское кроворазлитие и за разорение Московского государства стоять всем единомышленно; и сына его Владислава королевича на Московское государство никак не хотеть и царствующий град Москву от польских и литовских людей очищать». Избрание Михаила Федоровича явилось заключительным звеном в цепи тех усилий, которые они употребили на восстановление своего государства, своей национальной верховной власти...

Итак, настоящее всероссийское торжество есть не только юбилей Царствующего Дома, но и трехсотлетний юбилей возрожденного, восстановившегося всенародными усилиями национального Русского государства. Русскому народу есть за что помянуть добрым словом день 21 февраля 1613 года. В этот день вместе с избранием своего, не навязанного со стороны, государя, русский народ утвердил свою поколебавшуюся было национальную самостоятельность, свою национальную свободу. Вместе с этим он упрочил за собой великое нравственное сокровище — национальное достоинство, национальное самоуважение. Чувство этого достоинства является в жизни народа той стихией, тем воздухом и светом, в котором рождаются, живут и развиваются стремления к высшим целям жизни, к великим делам, раскрываются во всей полноте дары народного духа и творчества. Чувство национального достоинства есть источник, питающий национальное благородство, и потому мы должны благодарно вспомнить тот день, когда снова забил на Руси этот засоренный было внутренней неурядицей, внутренним междоусобием источник.

И теперь наша страна живет среди величайших опасностей, среди мощных врагов, грозящих ей и с запада, и с востока. Пожелаем же, чтобы исторические воспоминания о лихолетье смуты нашего XVII века все более и более просвещали умы и сердца русских людей... Пожелаем, чтобы настоящий юбилей оказался новым знамением того, что «по милости всемогущего Бога все люди во всех городах Российского царствия учинились меж себя в соединении, братстве и любви по-прежнему» и готовы грудью отстоять свою национальную свободу, честь и достоинство.

ЦАРСТВОВАНИЕ ПАВЛА I

Павел родился 20 сентября 1754 года. Императрица Елизавета, страстно ожидавшая его появления на свет, поднесла матери новорожденного на золотом блюде 100 тысяч рублей, а мальчика немедленно отобрала от матери, взяла на свою половину. Елизавета сама принялась за воспитание будущего наследника престола. Очень может быть, что в императрице сильно пробудился материнский инстинкт, не получивший вовремя должного удовлетворения. Весьма вероятно, что поступок Елизаветы стоял также и в связи с ее намерением устранить от престола родителей Павла и объявить его непосредственным своим преемником.

Как бы то ни было, но Павел оказался на попечении двоюродной бабушки. Нельзя сказать, чтобы это попечение оказалось разумным. Мальчика душили излишними заботами. По рассказу Екатерины, украдкой наведывавшейся о здоровье сына, ребенок лежал в чрезвычайно жаркой комнате, во флапелевых пеленках, в кроватке, обитой мехом черных лисиц; его покрывали одеялом из атласного пике на вате, а, сверх того, еще одеялом из розового бархата, обитого мехом черных лисиц; пот тек у него с лица и по всему телу, обессиливая организм ребенка. Когда он вырос, то простужался и заболел от малейшего ветра. «Кроме того, — говорит Екатерина, — к нему приставили множество бестолковых старух и матушек, которые своим излишним и неуместным усердием причинили ему несравненно больше зла, физического и нравственного, чем добра». Между прочим, сообщает Порошин, своими рассказами о домовых и привидениях они настолько расстроили воображение и нервы впечатлительного ребенка, что он прятался под стол при сколько-нибудь сильном хлопанье дверями. Дошло дело до того, что он трясся даже тогда, когда его приходила навещать императрица Елизавета: несомненно, что нянюшки передали ему свой страх перед государыней, и страх этот был так силен, что Елизавета вынуждена была навещать

внука лишь изредка. Слишком рано, уже в 4 года, маленького Павла начали учить грамоте, одели в модное платье и надели на него парик, который няня предварительно окропила святой водой. На 6-м году Павел был передан, хотя еще и не вполне, в мужские руки. Воспитание его было поручено Н. Н. Панину, который исподволь отлучил от него всех «баб» и окружил его «кавалеристами».

Новый воспитатель Павла из общества нянюшек вывел его сразу на широкую придворную сцену. Едва исполнилось великому князю шесть лет, как ему начали представлять иностранных посланников на торжественных аудиенциях, стали возить на придворные балы и спектакли. Поклонник французского языка, французской литературы и французских мод, Панин и Павла Петровича старался воспитывать как французского дофина, в атмосфере *chevallerie* и *galanterie*. Павел с ранних лет отрочества полюбил внешность, декорации, изящные костюмы, и в 10–11 лет занят был «нежными мыслями» и «маханием» за жившими во дворе фрейлинами. Панин не находил в этом ничего неестественного и расспрашивал своего питомца, в кого он влюблен. Произведения французской литературы, с которыми его знакомили, были как раз на столько не подходящими для его возраста, что великий князь сам просил прекратить чтение на каком-нибудь неприличном месте. В 10–12 лет Павла заставили читать сочинения Вольтера, Монтескье, Дидро, Даламбера, Гельвеция, которые, разумеется, были ему не по зубам, даже и при объяснениях одного из его наставников, Порошина. С 14 лет предложено было преподавать Павлу государственные науки. Но назначенный для этого Теплов нагнал только страшную скуку на своего ученика, начав знакомить его с различными процессами, приносимыми из Сената. Так развращали воображение и насиловали ум юного Павла представленные к нему воспитатели.

Особенно вредное влияние на него оказывали беседы, которые велись за обедами. На эти обеды Панин приглашал преимущественно своих единомышленников. Здесь велись речи о «высоких государственных материях», часто совершенно недоступных уму 10-летнего мальчика, причем Панин позволял себе «сатирически» отзываться о деятельности Екатерины. Его собеседники также не стеснялись в отзывах не только о правлении, но и о поведении Екатерины, не отступая ни перед какими подробностями. В этом обществе, слушая споры, рассуждения и грязные повествования взрослых, мальчик преждевременно старился, привыкал ко всему относиться недоуменно и подозрительно, привыкал схватывать на лету чужие мнения и, будучи не в силах разбираться в них, менять их тотчас же. В образе мышления цесаревича таким образом укоренялось господство впечатлений и образов, а не ясно осознанных идей,

укоренялась склонность подчиняться чужим внушениям — обычное последствие раннего постоянного общения детей со взрослыми. В этой обстановке положена была основа политического мировоззрения Павла Петровича: критическое отношение к правительственной деятельности матери, сочувствие к личности отца и в то же время признание важного значения «военных мелкостей» на прусский образец. Здесь же душа впечатлительного великого князя отравлена была чувством боязни и подозрительности к матери, которую Панин выставил похитительницей престола.

Яд, вливаемый в душу Павла, встречал некоторое противодействие частью в природных свойствах Павла, частью в других влияниях. От природы Павел был умным и добрым мальчиком, с врожденным чувством порядка, законности, склонным к прямоте и честности в мыслях и поступках. Поэтому и из придворных спектаклей, и из своего французского чтения он напитывался не одной только житейской грязью, но и поклоном рыцарским добродетелям: великодушию, мужеству, стремлению к правде, защите слабых и уважению к женщине. Не оказал никакого влияния на Павла и религиозный скептицизм французской литературы. По свидетельству его законоучителя Платона, «религиозное чувство внедрено было в него императрицей Елизаветой Петровной и приставленными от нее весьма набожными женскими особами», а затем упрочено было самим Платоном, так что «вольтерьянство» Екатерининских вельмож не заразило его души... Но при всем том — постоянная работа мысли, постоянная необходимость сдерживаться, скрывать свои чувства не могли не повлиять пагубным образом на психику Павла, который с детства отличался «остротой своего ума», был «горяч и развлекателен». Чем более и продолжительнее он сдерживался, тем сильнее бывали его вспышки: его веселье, живое остроумие часто сменялось желчью, природная доверчивость — чрезвычайной подозрительностью к одним и тем же людям, простота и скромность — непомерной гордостью и притязательностью. В конце концов у юноши, от природы доброго, веселого, начали проявляться припадки меланхолии.

Но почему же Екатерина, так много думавшая о воспитании чужих детей, так мало заботилась о воспитании собственного сына? Ведь, как-никак, с 8 лет Павел был в ее полном распоряжении. Тут мы наталкиваемся на одно из тех противоречий жизни, с которыми часто приходится встречаться и теперь. И теперешним матерям, работающим по части педагогики, сплошь и рядом не интересно возиться с собственными детьми. Екатерина как мать была совершенно холодна к своему сыну. Этот сын не был плодом любви, был взят у нее тотчас после рождения, не был ею взласкан и взлелеян, и Екатерина

не могла заставить себя полюбить его и заняться им. Позже она оправдывалась в этом тем, что все привыкли считать Панина, так сказать, ангелом-хранителем цесаревича, боялись за его судьбу, если он попадет к матери, и потому будто бы она и не брала его от Панина. Но это соображение потому и влияло на Екатерину, что она была холодна к сыну.

Когда Павлу исполнилось 19 лет, Екатерина решила удалить от него Панина с компанией и женить его на гессенской принцессе. Бракосочетание было совершено в сентябре 1773 года, причем супруга Павла приняла имя великой княгини Наталии Алексеевны. По-настоящему Екатерине следовало бы теперь допустить Павла к участию в государственном управлении и дать ему возможность заранее подготовиться к своим будущим обязанностям русского императора. Но Екатерина боялась сделать это, опасаясь столкнуться с сыном, прямой и горячий нрав которого, а также отрицательное отношение к ее правлению были ей достаточно известны. Кроме того, она боялась и захвата власти со стороны Павла, у которого было много сочувствующих. Все, на что она решалась, это было предоставление сыну права являться к ней на один или два часа в неделю для занятий государственными делами в беседах с глазу на глаз. Кроме того, она сделала его командиром кирасирского полка и генерал-адмиралом флота, но чисто номинальным: он никогда не показывался во флот и только подписывал бумаги адмиралтейств-коллегии. Разумеется, это не могло удовлетворить Павла. В особенности Павел недоволен был тем, что во главе военного управления стоял фаворит матери Потемкин, оказывавший сильное влияние и на внешнюю политику России. В 1774 году Павел подал матери особую докладную записку, в которой доказывал, что наступательные войны вредно отзываются на благосостоянии России, что нужно ограничиться одной только обороной, причем для избежания злоупотреблений надо подвергнуть высшую власть строгой регламентации. Эта докладная записка страшно рассердила Екатерину, и она не воздержалась от воздействий за нее. В день своего рождения она подарила Павлу недорогие часы, а Потемкину 50 тысяч рублей — сумму, которую незадолго перед тем просил у матери Павел для расплаты с долгами. Павел возненавидел Потемкина, сделался мрачным, раздражительным и стал все более удаляться от матери. К довершению его огорчений, вскоре после того скончалась от родов его супруга Наталия Алексеевна. Екатерина имела жестокость показать сыну найденные в шкатулке покойной нежные письма графа Андрея Кирилловича Разумовского, не оставлявшие сомнения в характере его отношений к великой княгине.

Чтобы утешить сына, Екатерина отыскала для него невесту, принцессу вюртембергскую Софью-Доротею, и отправила его на свидание в Берлин. Принцесса Софья-Доротея, 17-лет-

няя, красивая, но не бывавшая еще при больших дворах девушка, сразу пленила великого князя своими семейными привычками, простотой, крепким привязчивым характером. Софья-Доротея также была в восторге как от своего жениха, так и от блестящей будущности. Кроме невесты, Павел был в восторге от прусского короля и его войска, и уехал из Берлина, дав Фридриху клятву в вечной дружбе. В сентябре 1776 года состоялось бракосочетание Павла с Софьей-Доротеей, нареченной Марией Федоровной. Екатерина была в восторге от своей невестки, но ненадолго. Мария Федоровна, осмотревшись в Петербурге, была шокирована царившей распущенностью нравов и, в частности, поведением императрицы. Сохраняя к ней внешнюю почтительность, великая княгиня стала отдалять мужа от матери, все более и более замыкаться с ним в тесном семейном кругу. Братья Панины, Никита и Петр, вошли снова в тесный круг друзей великого князя и стали оказывать решительное влияние на склад его мыслей и его политическое мировоззрение. Никита Иванович Панин внушал Павлу самое высокое понятие о правах и обязанностях государя и научил его ценить выше всего законность и нелицеприятную справедливость в управлении. Нельзя не отметить при этом вредной односторонности, внесенной в воспитание Павла Петром Паниным. Как человек военный он обратил внимание великого князя преимущественно на «мелкости» военной службы, столь противные Екатерине. Государь, по его мнению, должен непосредственно и лично начальствовать строевой частью; все, даже малейшие, изменения в порядке службы и личном составе требуют разрешения самого государя, который, введя строгое единообразие в обмундировании, обучении и образе обхождения с солдатами и офицерами, должен налагать строжайшее взыскание за всякое отступление. Только таким путем можно поднять уважение в дворянстве к военной службе и ввести необходимую дисциплину.

Екатерина была очень недовольна сближением Павла с Паниными и, чтобы отвлечь его от их сообщества, искусно навела его на мысль совершить путешествие по Европе. Более года, с сентября 1781 г. по ноябрь 1782 г., Павел с женой пробыли за границей, посетили Австрию, Италию, Францию, Нидерланды, Швейцарию и Южную Германию. Это путешествие несколько развлекло и успокоило мрачного великого князя. Особенно хорошо чувствовал он себя во Франции и своей любезностью, остроумием и приветливостью обворожил французов. Отдохнул он нравственно и в патриархальной семье родителей своей жены, в обстановке, чуждой всякого этикета. По возвращении в Петербург Павел испытал глубокое огорчение: умер его воспитатель и друг Никита Иванович Панин. С этого времени начинается новый период в жизни Павла — гатчинский.

Екатерина подарила ему мызу, принадлежавшую Григорию Орлову, Гатчину, и Павел воспользовался этим для того, чтобы совсем удалиться от матери и большого двора. Здесь задумчивый, угрюмый и желчно настроенный великий князь, жаждавший дела, но не допускаемый до него матерью, проводил время частью в кабинетных занятиях, частью в хозяйственных заботах, но больше всего в военных экзерцициях. Он внимательно следил за ходом внутренних и внешних дел России, причем тайком от матери переписывался с прусским королем, сообщая ему важные известия, составлял различные законопроекты в духе, противоположном намерениям и действиям матери. Под предлогом очистки окрестностей Гатчины и Павловска от бродяг Павел сформировал себе небольшой отряд в 60 человек, который к 1788 году он довел до трехбатальонного состава. Отряд этот заключал в себе элементы всех войсковых частей, даже конную артиллерию и флотилию, вооруженную пушками. Войско это одето было в прусскую военную форму, в нем введены были строгая до жестокости военная дисциплина и все распорядки по инструкции Фридриха II. Это войско должно было послужить образцом для переформирования с течением времени всей русской армии. Среди офицеров было много немцев, а главным командиром был назначен пруссак, барон Штейнвер. Павел много времени посвящал экзерцициям этого войска, и Екатерина с ужасом увидела, что в Гатчине возродились «бабушкина» голштинская гвардия и «бабушкино» времяпрепровождение. Впрочем, военные занятия Павла чередовались с более плодотворной и тихой работой его как гатчинского помещика. Первыми его действиями было устройство школы и больницы для жителей Гатчины. Затем он выстроил за свой счет, кроме существовавших уже, еще четыре церкви: православную, католическую, лютеранскую и финскую, при чем взял на свой счет и содержание духовенства этих церквей. Крестьянам, у которых хозяйство приходило в упадок не по их вине, цесаревич помогал и денежными субсидиями, и прирезкой земли. Чтобы дать заработки крестьянам, помимо земледелия, Павел содействовал возникновению в Гатчине стеклянного и фарфорового завода, суконной фабрики и шляпной мастерской. Павел вообще сочувственно относился к положению крестьян и в особом «наказе» своей супруге, составленном в 1788 году на случай своей смерти, рекомендовал ей «особое уважение» к крестьянству. В этом же «наказе» Павел изложил свои финансовые предложения, в которых настойчиво рекомендовал соразмерять расходы с доходами и не отягчать земли и промыслов налогами. Тогда же совместно с Марией Федоровной цесаревич выработал основной закон о престолонаследии по праву первородства по мужской линии царствующего дома. В отсутствии закона о престолонаследии

Павел справедливо видел главную причину и революций в России XVIII века, и собственного печального положения.

В этих занятиях, в этом постоянном сравнении того, что есть, с тем, что должно быть, протекло четыре года. Характер великого князя за это время заметно изменился к худшему: его несдержанность все чаще и чаще переходила в запальчивость, гнев доходил до бешенства; от прежнего любезного, остроумного, веселого Павла, каким он был во время заграничного путешествия, не осталось и следа.

Павел весь ушел в то время в обучение своих войск. Ростопчин писал про него: «Имея при себе 4 морские батальона в составе 1600 человек и 3 эскадрона разной конницы, он с этим войском думает изобразить собой покойного прусского короля. По средам у него бывают маневры, и каждый день он присутствует на разводке, а также при экзекуциях, когда оне случаются. Малейшее опоздание, малейшее противоречие выводят его из себя». В этих занятиях Павел постепенно сблизился с новым кругом людей, которые впоследствии сделались его ближайшими сотрудниками. Это были рядовые офицеры, лишенные образования, неразвитые, не имевшие никакого понятия о государственных задачах, но зато специалисты в «мелко-стях» военного дела, точные, исполнительные и, по мнению Павла, безусловно преданные, разные Аракчеевы, Оболянины, Каннабиhi, Малютины и др. В среде этих людей цесаревич постепенно разучался думать, обсуждать, советовать, приучался ценить лишь исполнительность и усердие, а на всякое представление или совет смотрел лишь как на послушание. Ум и сердце Павла Петровича почти перестали действовать. Зато во всей резкости начал проявляться его темперамент, его неуклонная строгость в соблюдении буквы уставов и инструкций, заменявших собой всякое рассуждение и повсюду устанавливавших однообразие. Гатчина и Павловск приняли вид военных лагерей, созданных по прусскому образцу, с заставами, шлагбаумами и казармами. Сам Павел подавал пример суровой спартанской жизни: встав в 4 часа утра, он спешил на ученье или маневры войск, производил осмотр казарм, продовольствия, причем никакая неисправность не ускользала от его взгляда. Зато в 10 часов вечера город уже спал; слышались только шаги патрулей да крики часовых.

5 ноября 1796 года Екатерину постиг апоплексический удар. Немедленно дали знать Павлу, и в 8 с половиной часов вечера великокняжеская чета была уже в Петербурге. В Зимнем дворце собравшиеся придворные и высшие правительственные лица встретили Павла уже как государя, а не наследника.

Часов около 10 вечера великая Екатерина вздохнула в последний раз и отошла в вечность. Вслед за тем в придворной церкви высшее духовенство, сановники и придворные чины

принесли присягу на верность императору Павлу Петровичу и великому князю Александру Павловичу как наследнику престола.

Павел поспешил перенести в Петербург свою гатчинскую обстановку и до известной степени превратил сам Петербург в Гатчину. Уже в ночь после смерти Екатерины великий князь Александр вместе с Аракчеевым расставлял вокруг дворца новые пестрые будки и часовых. «Повсюду загремели шпоры, ботфорты, тесаки, и, будто по завоевании города, ворвались в покои везде военные люди с великим шумом. Дворец как будто обратился в казармы: внутренние пикеты, беспрестанно входящие и выходящие офицеры с повелениями, с приказами, особливо поутру». 10 ноября в Петербург вступили гатчинские войска. Государя окружили все его гатчинские приближенные. «Люди малых чинов, о которых день тому назад никто не помышлял, никто почти не знал их, — бегали, повелевали, учреждали». Прежние сановники, управлявшие государственными делами, стояли с поникшей головой, как бы уже лишенные своих должностей и званий. Столица должна была переучиваться жить по-гатчински.

В царствование своей матери Павел оставался не у дел, проникаясь из-за этого желчным критицизмом по отношению ко всему, что при ней делалось. Добравшись теперь до дела, Павел проявил кипучую деятельность, стремясь перевернуть в короткое время все вверх дном, завел всюду новые порядки и установления.

Все меры Павел принимал единолично, ни с кем не совещаясь. Дельцы предшествовавшего царствования были устранены, а новые, из бывших гатчинцев, были только слепыми исполнителями приказов нового государя. Притом же в большинстве случаев это были люди необразованные, неразвитые. Павел работал поэтому в одиночестве, издавал закон за законом, не обращая внимания на то, исполнимы ли эти законы или нет, и суровыми мерами наказывал за всякое противоречие его воли. Сенат и Совет при высочайшем дворе утратили почти всякое законодательное значение. Благодаря этому законодательная, как и вся вообще правительственная, деятельность Павла явились лишенными всякой системы и устойчивости, зависели часто от мимолетных настроений его души, а не от обдуманых и ясно сознанных мотивов.

Павел ненавидел порядки, которые установились в царствование матери, и беспощадно ломал их. Сознывая отсутствие твердой опоры в окружающих, Павел крайне нервно относился ко всякому, хотя бы и косвенному, порицанию его действий, и везде подозревал измену. Многие навлекли на себя его неудовольствие каким-нибудь неумышленным словом и делом. Жертвами беспричинного гнева государя чаще всего

делались придворные и военные чины, постоянно находившиеся у него на глазах.

Так начал свое царствование Павел I. В дальнейшем его образ действий не только не улучшался, но все более и более ухудшался, пока, наконец, не привел его к трагическому концу.

Все время своего царствования Павел неустанно работал, входя во все мелочи, желая сам все знать и всему давать направление. Переписка его с местными начальниками заняла бы целые тома. Павел зорко следил за действиями местной администрации: мельчайшая ошибка или недомолвка в донесениях, малейшее злоупотребление или упущение, доходившее до сведения государя, влекли за собой тотчас же или выговор, или увольнение, или исключение со службы. Казенные и частные убытки, происходившие от каких-либо упущений администрации, например от грабежей, губернаторы должны были возмещать собственным имуществом. Терроризируя таким образом администрацию, Павел косвенно терроризировал и население. Администрация, боясь ответственности за бездеятельность, за упущения и даже за распространение «моральной язвы», простирала полицейский надзор до такой степени, что обыватели боялись непринужденно веселиться не только в публичных собраниях, но и в частных домах и вести откровенные беседы у себя дома. На всех театральных зрелищах и публичных балах «для смотрения» должен был присутствовать частный пристав. Так как Павел до всего доходил сам, то к нему поступала огромная масса всяких доносов, большей частью анонимных, и огромное количество ходатайств, ни на чем не основанных, а также жалобы на неправосудие и притеснения. Все это держало Павла в непрерывном раздражении, вызывало подробные расследования, длительную переписку, просмотр подлинных дел самим государем, а администрацию держало в постоянном страхе. Доносов одинаково боялись и честные, и дурные люди.

Полицейская опека над частной жизнью подданных доведена была Павлом до крайних пределов, вытекая из патриархальных взглядов его на отношения государя к подданным, как отца, главы семьи. Распоряжения об образе жизни обывателей Петербурга, сделанные по вступлении на престол, оставались и затем в полной силе и даже дополнялись новыми.

Особенно тяжел был новый император для военных, придворных и собственной семьи. Вступив на престол, Павел поспешил все войска перерядить в гатчинские мундиры, с буклями и косами, и ввести строжайшую дисциплину. Суворов, пытавшийся было сделать представления императору, попал в немилость и должен был уехать в свою деревню. Недовольный плохой выправкой войск, Павел самолично принялся муштровать их, а для екатерининских генералов, покрытых боевыми

лаврами, устроил в Зимнем дворце «тактический класс», где под надзором Аракчеева читал лекции по строевой части гатчинец Каннабих, раньше бывший учителем фехтования. Проверка знания нового Устава производилась на вахтпараде, который император производил разным частям войск ежедневно на площади Зимнего дворца. Солдаты проходили особым церемониальным маршем. Офицеры, проходя мимо императора, салютовали ему эспантоном, как-то припрыгивая и покачиваясь на каждом шагу. Иные за ловкость тут же награждались и начинали блестящую карьеру. Но чаще всего подвергались наказаниям. Ни одна мелочь не ускользала от зоркого взгляда Павла. Павел в раздражении бросался на офицеров, вырывал у них эспантоны, ругался, хватал виновных за воротники, за лацканы, а некоторые прямо с парада на особых фельдъегерских тройках отправляемы были в дальние батальоны. Офицеры, самые усердные, были в отчаянии, не зная, чем для них кончится вахтпарад, так как Павел склонен был в упущениях офицеров видеть сознательное противодействие его воле. Один из этих офицеров, Саблуков, рассказывает: «Когда мы бывали на карауле, мы имели обыкновение класть несколько сот рублей бумажками за пазуху, чтобы не остаться без копейки на случай внезапной ссылки. Три раза случалось мне давать деньги взаймы товарищам, забывшим эту предосторожность».

Взыскательность императора по отношению к офицерам распространялась и на собственных его сыновей. Великий князь Александр, по званию шеф Семеновского полка и по должности военный губернатор Петербурга, каждое утро в семь часов и каждый вечер в восемь часов подавал отцу рапорт о мельчайших подробностях службы и за малейшую ошибку получал строгий выговор. Великий князь Константин, бывший шефом Измайловского полка, отличаясь горячностью, часто позволял себе опрометчивые и жестокие поступки, но одно напоминание о военном суде, которого, по уставам Павла, мог требовать себе каждый корнет над своим полковым командиром, было, по словам Саблукова, «медузиной головой, которая оцепеняла ужасом его высочество». «Оба великие князья, — замечает он, — смертельно боялись своего отца и, когда он смотрел сколько-нибудь сердито, они бледнели и дрожали как осиновый лист». Павел не изменил своего отношения к войскам и после того, как они вернулись, покрытые славой, из итальянского похода. Забыты были их подвиги, и в целом ряде приказов сделаны были выговоры за то, что «инспекторы и шефы полков мало прилагали стараний к сохранению службы в таком порядке, как было императорскому величеству угодно».

Павел остался недоволен и Суворовым. Он осыпал его сначала милостями, дал ему титул князя италийского, сан генералиссимуса, приказал отдавать ему воинские почести, какие

полагались самому императору, хотел отвести ему покои в Зимнем дворце и устроить триумфальную встречу, но затем вдруг переменял свое намерение. Поводом для гнева императора на Суворова было то, что Суворов, вопреки военному уставу Павла, имел при себе во все время похода дежурного генерала. Когда Суворов по возвращении заболел и умер, Павел не проводил тела своего знаменитого полководца до могилы. Опалы, которые постигали генералов и офицеров, заставляли их, в свою очередь, терзать и мучить солдат. Особенной жестокостью отличались гатчинцы и больше всех Аракчеев. Однажды он схватил гренадера за усы и оторвал их вместе с мясом. Сам император был в общем милостив к солдатам, но бывали случаи, когда он приказывал прогнать палками со смотра целый полк; в другой раз он скомандовал даже конногвардейскому полку: «В Сибирь». Смотры и вахтпарады были совершенным мучительством солдат. Аракчеев за малейшие ошибки отмечал на спине солдат, сколько палочных ударов им придется дать.

А между тем ошибку легко было сделать, так как солдаты являлись на парад в большинстве случаев не выспавшись. Солдаты носили букли и толстые косички с множеством пудры и помады. Такая сложная прическа требовала много времени; между тем парикмахеров было мало. Поэтому солдатам накануне парада приходилось обыкновенно не спать всю ночь. Причесанные с вечера не могли спать, чтоб не смять прическу, или ложились, подкладывая под голову полено. Это обучение солдат усугублялось еще тем, что мука с салом, употреблявшиеся в качестве пудры и помады, вызывали обильное появление паразитов. Кроме причесок, солдату было истинное мучение с узкими панталонами, чулками, лакированными штиблетами, подтяжками, курточками, пряжками и т. д. Парады были настолько мучительны, что не радовали солдат даже рублями и обильным столом с водкой, который давался после смотра. К страшному напряжению и утомлению примешивалось сознание бесцельности экзерциций, которые представляли, по выражению современника, «более забаву, увеселяющую глаза, нежели настоящую пользу и надобность».

Постоянным опалам Павла подвергались высшие сановники и придворные. В данном случае у Павла почти не было исключений. Никто не усердствовал более Архарова и Аракчеева, однако и они должны были уехать в свои деревни. Наконец, немилости его подверглись императрица Мария Федоровна и его сыновья.

В бытность свою великим князем Павел был примерным семьянином, нежным супругом и отцом. Но в 1798 году в семейной жизни его произошла тяжелая драма. После рождения четвертого сына Михаила медики доложили Павлу, что императрица не в состоянии выносить новой беременности,

и предписали ей тихий и спокойный образ жизни в любимом ею Павловске. Павел считал себя после этого свободным. Нашлись люди, враждебные императрице, вроде камердинера Кутайсова, которые постарались совершенно отдалить Павла от жены. Кутайсов объяснил Павлу, что его считают за тирана, а благодетельные и разумные распоряжения его приписывают влиянию императрицы и фрейлины Нелидовой, которая дружна была с императорской четой. Павел пришел в ярость от этого сообщения и проникся враждой и недоверием к императрице. Эта вражда и недоверие усилились после того, как Павел сыскал себе новую подругу в лице Анны Павловны Лопухиной, которую для видимости выдал замуж за князя Гагарина. Павел стал опасаться каких-нибудь активных шагов со стороны императрицы и потому удалил из Петербурга всех, кто уже известен был в качестве ее сторонника. Такой же участи подвергались и все лица, пользовавшиеся дружбой великого князя Александра.

Павел мучился тысячами подозрений, которые раздувались Кутайсовым и его клеветами. Тогда при дворе начался уже настоящий террор. Каждый рисковал быть высланным, получить оскорбление в присутствии всего двора, благодаря какой-либо неожиданной вспышке императора. Императору постоянно казалось, что бывают не совсем почтительны к его фаворитке, к ее родственницам или подругам, и что это следствие злоумышлений императрицы. Поэтому недостаточно глубокий поклон, невежливый поворот спины во время контрданса или какой-нибудь промах в этом роде выводили из себя императора и навлекали на виновных кару. Все придворные находились в постоянном страхе: никто не был уверен, что останется на своем месте до конца дня; ложась спать, никто не мог поручиться за то, что ночью или рано утром не явится к нему фельдъегерь и не посадит его в кибитку. Состояние духа, питаемое придворными отношениями, отражалось и на других подданных. «Время это было самое ужасное, — рассказывает один из современников (Мертваго), — государь был на многих в подозрении.

Тайная канцелярия была занята делами более вотчинной, знатных сановников почти ежедневно отстраняли от службы и ссылали на жительство в деревни. Государь занялся делами церковными, преследовал раскольников (духоборов), разбирал основание их секты; многих брали в Тайную канцелярию, брили им бороды, били и отправляли на поселение, — словом, ежедневный ужас». Провинившихся постигали и более ужасные наказания. Так, лейтенант Акимов за эпиграмму на построение Исаакиевского собора сослан был в Сибирь с урезанием языка. Пастор Зейдер, уличенный в том, что имел запрещенные книги в своей библиотеке, был наказан кнутом. Генерал-

лейтенант князь Сибирский по неосновательному доносу закончил был в кандалы и также сослан.

На сторонних наблюдателей Павел стал производить впечатление ненормального. Уже в марте 1800 года сардинский посланник доносил своему правительству о помешательстве Павла. Английский посланник Витворт писал, что Павел «в буквальном смысле лишился рассудка». Павел стал класть бессмысленные резолюции на делах и издавать несуразные распоряжения. Так, на докладе, заключающем в себе несколько различных мнений, он пишет: «Быть по сему»; на докладе межевого департамента о споре из-за земли между донскими казаками и частными владельцами Павел на плане во всех спорных местах также написал: «Быть по сему». 13 января 1801 года Павел приказал донским казакам двинуться в поход в Индию, причем не было заготовлено продовольствия, не имелось даже карт пути.

Настроение Павла сделалось, наконец, опасным для его семьи. Замечая нерасположение и страх жены и сыновей, Павел стал подозревать их в неприязненных замыслах против своей особы и грозно давал им понять это. Однажды он призвал к себе великого князя Александра и, показывая ему указы Петра Великого о царевиче Алексее Петровиче, спросил его, знает ли он историю этого царевича. Принц Евгений Вюртембергский, племянник Марии Федоровны, был свидетелем того, как после одного концерта Павел остановился перед императрицей и, скрестив руки, с язвительной насмешкой и тяжело дыша, не сводил с нее глаз несколько минут. То же проделал он и перед двумя старшими великими князьями. После обеда он с насмешкой оттолкнул жену и сыновей, когда они по обыкновению хотели раскланяться с ним. Этот принц Евгений, красивый и умный мальчик, сделался любимцем императора. Павел стал думать о том, чтобы объявить его наследником престола. Императрицу он хотел сослать в Холмогоры; великого князя Александра заточить в Шлиссельбург, Константина — в Петропавловскую крепость и т. д. Но временами у Павла стали проявляться заявления и более устрашающего характера. Своей фаворитке Гагариной и Кутайсову Павел говорил, что он хочет выполнить grand coup, что скоро вынужден будет снять когда-то дорогие ему головы, и т. д.

При таких обстоятельствах должен был возникнуть в придворных сферах заговор с целью устранить Павла от престола. Законного средства к удалению душевнобольного государя от правления русская политическая жизнь еще не выработала.

Мысль об удалении Павла возникла первоначально у вице-канцлера Никиты Петровича Панина. К Панину присоединились военный губернатор Петербурга фон-дер Пален, князь

Платон Зубов, командир Преображенского полка Талызин, Семеновского — Депрерадович, Кавалергардского — Уваров и некоторые другие офицеры. К заговору привлекли и великих князей Александра и Константина, которым было разъяснено, что Павел будет арестован, лишен власти и интернирован в крепости, где будет пользоваться всеми удобствами жизни частного человека. Таково было, по-видимому, и намерение Палена. Но его сообщники не останавливались на этом, хорошо понимая, что мечта о лишении Павла одной только власти не осуществима, что Павел, имеющий много сторонников, будет безвреден лишь тогда, когда перестанет жить. Но, разумеется, в эти планы они не посвящали великих князей. Нельзя сказать, чтобы заговорщики действовали очень скрытно. К заговору привлечены были некоторые гвардейские офицеры, и в гостиных Петербурга много говорили о нем. Павел начал подозревать окружающих в злом умысле и для большей безопасности переехал в новый дворец свой, Михайловский замок, построенный на месте разобранного Летнего дворца, где он родился. «На том месте, где родился, — говорил император, — хочу и умереть». Михайловский замок по наружному виду представлял рыцарскую крепость, окруженную рвами, гранитными брустверами, на которых стояли орудия. Сообщение производилось по подъемным мостам, у которых стояли караулы. Но никакие силы и орудия не могут защитить, раз нет верных людей.

9 марта Павел, кем-то предупрежденный о заговоре, когда Пален пришел к нему с обычным докладом, как бы невзначай спросил его, возможно ли теперь повторение событий 1762 года. Пален хладнокровно заметил на это, что некоторые и теперь задумывают подобные покушения, но исполнить его не так легко, как прежде: войска тогда еще не были в руках государя, и полиция не так действовала, как теперь. Предположив затем из дальнейших слов Павла, что он, быть может, хорошо осведомлен о заговоре, Пален заявил, что он сам состоит во главе одного заговора для того, чтобы наблюдать за действиями заговорщиков, что в этом заговоре принимают участие императрица, наследники и другие члены императорской семьи. Вслед за тем он добавил, что не может отвечать за безопасность государя, пока не будет иметь в руках письменного повеления арестовать в случае надобности великого князя Александра Павловича и других членов императорской фамилии. Павел тотчас же выдал это повеление. Получив этот документ, Пален немедленно показал его великому князю Александру. Яркими красками он расписал великому князю последствия, к каким поведет его дальнейшее упорство в отказе на низвержение отца с престола, все бедствия, которые постигнут царскую семью. Испуганный Александр дал свое согласие на то, чтобы у Павла было исторг-

нуто отречение от престола, а Пален поклялся, что жизнь государя будет в безопасности.¹

Осуществление заговора первоначально было назначено на 15 марта. Но Пален ускорил наступление конца. Он боялся приезда Аракчеева, которого Павел вызвал из деревни в Петербург, по-видимому, для того, чтобы поручить ему командование в столице. Слухи о заговоре неведомыми путями уже расходились по Петербургу. 11 марта даже извозчики говорили о «конце», указывая на Михайловский замок.

Вечером 11 марта заговорщики под предводительством адъютанта Преображенского полка Аргамакова взошли по маленькой лестнице, ведущей к покоям императора. Их было вначале около 40 человек, а когда подошли к задней двери передних покоев, то из 40 человек в отряде осталось едва 10, да и то более или менее пьяных. Заговорщики постучались в дверь и на вопрос камер-гусаров, кто стучит, Аргамаков отвечал: «Пожар». Узнав голос Аргамакова, камер-гусары не поколебались открыть ему дверь, и таким путем заговорщики ворвались в покои Павла. Император, разбуженный криками, вскочил со своей постели и спрятался за экраном, стоявшим у кровати. Но заговорщики вскоре заметили его. Бенигсен, подойдя к нему, сказал: «Государь, вы арестованы». — «Я арестован? Что же это значит?» — спросил Павел. «Уже четверть года следовало бы с тобой покончить», — было грубым ответом одного из заговорщиков. «Что же я вам сделал?» — воскликнул Павел. Тогда князь Яшвиль первый с ожесточением бросился на Павла, который пробовал сопротивляться, но Николай Зубов ударил его золотой табакеркой в висок, и Павел упал. Собрав последние силы, он встал, но вновь был опрокинут, и при падении расшиб себе о мраморный стол висок и голову. Масса пьяных офицеров набросилась на императора. Кто-то накинул ему на шею шарф. Слышно было, как Павел успел сказать по-французски: «Господа, именем Бога, умоляю вас пощадить меня», — но через несколько секунд шарф был затянут.

Так разыгрался последний акт павловской трагедии.

¹ Опубликованные за последнее время данные доказывают, что Александр был осведомлен относительно намерений заговорщиков гораздо больше, чем это предполагалось раньше...

АЛЕКСАНДР I И ПОЛЬША

Восстановление Польши стало мечтой Александра еще в дни ранней юности, когда ему исполнилось 19 лет. Последний раздел Речи Посполитой случился как раз в то самое время, когда он только что закончил курс сентиментально-политического воспитания у Лагарпа, когда душа его преисполнена была мечтаниями о свободе, справедливости народов... Насилие, учиненное над Польшей, огорчало его, и он откровенно высказал это молодому князю Адаму Чарторыйскому в беседе в Таврическом саду весной 1796 года. Великий князь прямо заявил, что он не одобряет политики и действий своей бабки, осуждает ее принципы; заявил, что все его желания были на стороне Польши и ее славной борьбы, что он оплакивает ее падение, что Костюшко в его глазах — великий человек как по своим доблестям, так и по тому делу, которое он защищал, — по делу гуманности и справедливости.

Разумеется, эти признания будущего наследника русско-го престола привели в восторг и удивление князя Чарторыйского, который не замедлил сообщить о них и своему брату. Оба брата предались мечтам о светлом будущем, которое раскрывалось перед ними. «Я был тогда молод, — оправдывался впоследствии князь Чарторыйский, — преисполнен возвышенных идей и чувств; вещи необычайные меня не изумляли, и я охотно верил тому, что казалось мне великим и доблестным. Я поддался обаянию, которое легко понять: в словах этого молодого князя было столько чистосердечия, простодушия, несокрушимой решительности, самозабвения, духовного подъема, что он мне казался каким-то особенным существом, которое Провидение послало на землю для блага человечества и моей Родины».

Чарторыйский крепко привязался к Александру, стал его истинным другом и, когда Александр стал императором, одним из ближайших его советников и сотрудников в начатом им деле внутреннего преобразования России.

Но, сделавшись русским государственным человеком, Чарторыйский не забывал о своем отечестве и ждал только благоприятного случая, чтобы выступить с предложением восстановления Польши. Этот случай и представился в 1805 году. Готовилась коалиция держав против Наполеона, во главе которой должна была стать Россия. Чарторыйский, бывший в то время русским министром иностранных дел, предъявил государю свой план образования коалиции с указанием тех оснований, на которых она должна была быть утверждена. Он указывал, что одной внешней силы недостаточно для того, чтобы обуздать колосса, что необходимо пробудить в Европе чувство солидарности и уважения к международному праву, политике завоеваний противопоставить принципы справедливости и законности.

Почин и руководство в осуществлении всего этого должна бы взять на себя Россия. Так как первым нарушением международного права был раздел Польши, необходимо прежде всего восстановить в целости это государство, на престоле которого должен воссесть тот, кто воскресил его, т. е. властитель России. Чарторыйский рекомендовал прежде всего привлечь к союзу Англию, затем Австрию и, наконец, Пруссию, причем, если она будет противиться, принудить ее к тому силой; в согласии других правительств Чарторыйский не сомневался. Коалиция, по его мысли, должна была носить посреднический характер, гарантировать европейский мир и свободу. Франции должны быть предложены условия, соответствующие ее достоинству и положению: за нею должны остаться Майнц, Кельн, Люксембург, Бельгия, Савойя, Женева; Рейн и Альпы должны быть ее границами, но ей следует отдать Пьемонт, Голландию и Ганновер, которые должны стать самостоятельными государствами. За эти уступки Англия должна покинуть Мальту и другие колонии Франции, оказать Франции помощь для возвращения Сан-Доминго из рук черных. Сверх того, должен быть выработан международный морской устав. Если Франция отвергнет эти предложения, тогда уже надо действовать против нее оружием. Если война удастся наполовину, то надо удовольствоваться отторжением от Франции Италии и реставрацией Бурбонов; если же закончится полной победой, то надо будет отнять от Франции и Рейнские владения, причем из Бельгии и Голландии должно быть образовано особое королевство под властью Оранского дома. Итальянское королевство должно быть отдано Савойскому дому, а Рейнские провинции — Пруссии; Австрия должна получить взамен Италии и польских земель владения в Молдавии и Валахии. Россия, как сказано, должна получить Польшу.

Но всё это здание, как оказалось, построено было на песке...

Питт, которому Новосильцев привез предложения, вырабатанные Чарторыйским, и слышать не хотел о каких-либо предварительных обязательствах Англии и, кроме того, не согласен был и с другими предложениями относительно распределения европейских владений. Неподатлива оказалась и Пруссия, так что России пришлось заключить коалицию только с Англией и Австрией, не в том роде, как планировал Чарторыйский, а просто для вооруженной борьбы с Наполеоном.

Не удался и другой план восстановления Польши, придуманный Чарторыйским в то время. После того как оказалось невозможным восстановить Польшу путем международных соглашений, Чарторыйский вознамерился воссоздать ее силой оружия. Дело в том, что Англия и Россия, заключив союз против Наполеона, условились принудить к тому же и Пруссию. Россия должна была поделить свои войска на две армии, из которых одна должна была отправиться через Галицию на помощь Австрии, а другая — вторгнуться внезапно в Пруссию и занять ее. Чарторыйский и задумал воспользоваться этим вторжением для восстановления Польши. Проживавший в Варшаве князь Иосиф Понятовский по уговору с ним должен был поднять восстание в прусской Польше, как только приблизятся русские войска, и провозгласить Александра королем польским. В этом направлении настраивалось и польское общество. Когда Александр вслед за своей армией отправился на помощь австрийцам, прибыл в резиденцию князя Чарторыйского — Пулавы, к нему стеклось множество поляков повидать того, кого молва называла освободителем их родины. Князь Понятовский прислал доверенных людей с выражением преданности и за получением приказов. Имя «короля польского» не сходило с уст посетителей Пулав. Казалось, что уже была близка минута возрождения Польши, но судьба определила иначе.

За девять лет, протекших со времени беседы в Таврическом саду, Александр не растерял своих добрых чувств по отношению к полякам, не утратил своего расположения к ним, с удовольствием выслушивал в Пулавах комплименты и выражения преданности, но эти чувства, возвышенные идеи юности уже не в состоянии были направлять его волю, влиять на его образ действий. Александр стал доступен и встречным воздействиям, и холодным расчетам политики, и новым сантиментам и эмоциям. Князь Чарторыйский нашел сильного противника в лице молодого генерал-адъютанта князя Петра Петровича Долгорукова, который, пользуясь дружбой государя, всячески противодействовал планам и внушениям Чарторыйского, представлял часто Александру опасность разрыва с Пруссией, пагубность восстановления Польши, прибавляя исподтишка, что князь Чарторыйский для Польши изменяет России. Однажды в горячем

споре за царским столом Долгоруков прямо бросил Чарторыйскому: «Вы рассуждаете как польский князь, а я рассуждаю как русский князь». Мнительный и подозрительный Александр не мог не склониться на представления Долгорукова.

Он не только не поднял восстания в Польше, не провозгласил себя королем польским, но отправил в Берлин князя Долгорукова с изъявлением своей приязни королю Фридриху-Вильгельму, с предложениями приступить к союзу против Франции. Нерешительный король Фридрих-Вильгельм, на которого налегала со своей стороны Франция со своими предложениями, долгое время колебался и не знал, что делать, пока не вмешалась его супруга королева Луиза. Она послала к Александру в Пулавы приглашение прибыть лично в Берлин, и Александр тотчас же отправился на зов обожжаемой женщины, которую он имел случай уже два раза видеть и которая произвела на него чарующее впечатление. Королева добилась своего. 3 ноября в Потсдаме была подписана конвенция о вступлении Пруссии в коалицию против Наполеона. Русский император и прусский король на гробе Фридриха Великого в присутствии королевы Луизы поклялись в вечной дружбе России и Пруссии. Пулавская идиллия сменилась Потсдамской мелодрамой.

Все планы князя Чарторыйского рухнули, и поляки бросились в объятия Наполеона. Они приняли горячее участие в борьбе его с коалицией и в награду за все жертвы и усилия получили так называемое Варшавское герцогство... Надежда на «одбудование отчизны» и на этот раз не исполнилась. Вследствие этого не исключена была возможность новых попыток восстановления Польши при помощи России.

На этот раз инициатива вышла уже от самого Александра. Когда стала надвигаться война с Наполеоном в 1811 году, Александр вступил в оживленную переписку с князем Чарторыйским. Чарторыйский после заключения Потсдамской конвенции устранился от заведования иностранными делами и остался только куратором Виленского университета. В 1811 году, подчиняясь сеймовому предписанию, чтобы все обыватели герцогства Варшавского оставили иноземные службы, князь Чарторыйский просил Александра уволить его от всех вообще званий и обязанностей по русской службе и стал проживать в своем имении Пулавы. Здесь и стал атаковать его своими письмами Александр. В этих письмах император тщательно учитывал шансы сторон в предстоящей борьбе и приходил к выводу, что окончательная победа принадлежит России, а следовательно, и полякам надо помогать ему, Александру, а не Наполеону. За оказание помощи Александр торжественно обещал восстановить Польшу. Император приглашал князя Чарторыйского стать во главе своего народа и склонить его к союзу с Россией. В частности, Александр просил Чарторыйского уговорить князя

Иосифа Понятовского, командира польских войск, покинуть Наполеона и предаться на сторону России. Для облегчения ему этого шага Александр предлагал устроить внезапное вторжение русских войск в Польшу, причем князь Понятовский как бы по необходимости должен был сдаться. Но Чарторыйский уже горько разочаровался в своем царственном друге, мало верил в его успехи, а главное, очень хорошо понимал, что поднять поляков за Россию против Наполеона — несбыточная мечта. Поэтому он не только не принял предложения Александра, но даже считал своим долгом остеречь князя Понятовского на счет замыслов русского императора.

Но когда начали оправдываться расчеты Александра и победа стала склоняться на сторону России, Чарторыйский считал своим долгом покинуть занятую им позицию. 12 декабря 1812 года он писал Новосильцеву, что после таких успехов надо делать великие и прекрасные дела, не ограничиваясь простыми завоеваниями: «Восстановление Польши необходимо для России, для Англии, для всей Европы; одним разом оно в состоянии парализовать все средства Наполеона на севере». Две недели спустя Чарторыйский написал в этом же смысле самому императору Александру: «Всем сердцем приступил я с народом к конфедерации, не покидая его в минуты несчастий и опасностей. Подай нам руку, светлейший государь, и я разделю радость с народом; оттолкнешь нас, и я разделяю с ним горесть и отчаяние». Чарторыйский предложил русскому государю восстановить Польшу в прежнем ее виде под скипетром царского брата великого князя Михаила Павловича. Чарторыйский остался верен всем прежним взглядам на восстановление Польши, которое, по его мнению, должно было послужить началом нового правового порядка в Европе. Но Александр дал на письмо в высшей степени сдержанный ответ. «Для того чтобы провести в Польше мои любимые идеи, — писал он, — мне, несмотря на блеск моего теперешнего положения, предстоит победить некоторые затруднения, прежде всего общественное мнение в России. Образ поведения у нас польской армии, грабежи в Смоленске и в Москве, опустошение всей страны оживили прежнюю ненависть. Затем, разглашение в настоящую минуту моих намерений относительно Польши бросило бы всецело Австрию и Пруссию в объятия Франции... Эти затруднения при благоразумии и осторожности будут побеждены. Но чтобы достигнуть этого, необходимо, чтобы вы и ваши соотечественники содействовали мне. Нужно, чтобы вы сами помогли мне примирить русских с моими планами и чтобы вы оправдали всем известное мое расположение к полякам и ко всему, что относится к их любимым идеям. Имейте некоторое доверие ко мне, к моему характеру, к моим убеждениям, и надежды ваши не будут более обмануты...» Указав далее на то, что он всегда

отдавал предпочтение либеральным формам правления, Александр самым решительным образом отклонил мысль о великом князе Михаиле Павловиче как о короле Польши и восстановлении ее в прежних границах. «Не забывайте, что Литва, Подолля и Волынь считают себя до сих пор областями русскими и что никакая логика в мире не убедит Россию, чтобы они могли быть под владычеством иного государя, кроме того, который царствует в ней. Что же касается до наименования, под коим они будут входить в состав империи, то это затруднение легче устранить... Итак, вот в общем выводе результаты, которые я могу сообщить вам: Польше и полякам нечего опасаться от меня какой бы то ни было мести. Мои намерения по отношению к ним все те же. Успехи не изменили ни моих идей относительно нашего отечества, ни моих принципов вообще, и вы всегда найдете меня таковым, каким вы знали меня». Несмотря на то что Александр, как видно из его письма, ушел уже далеко от своих юношеских намерений касательно Польши, Чарторыйский при всем том счел нужным явиться к нему в главную квартиру в Калиш, чтобы принять деятельное участие в решении судьбы своего отечества.

Александр исполнил свое обещание — не мстить полякам за все то зло, которое они причинили России в 1812 году. Он милостиво принял депутацию от польского войска, сражавшегося под знаменами Наполеона, явившуюся к нему в Париже 13 апреля 1814 года, после отречения Наполеона, воздал должное храбрости поляков и их любви к родине и разрешил полякам возвратиться в герцогство Варшавское со своими знаменами, назначив главнокомандующим над ними великого князя Константина Павловича. В письмах к генералу Костюшко Александр выражал надежду, что с помощью Всевышнего ему удастся осуществить возрождение храброй и почтенной нации, к которой принадлежит Костюшко. Но при всем том от каких-либо прямых и категорических обещаний на ближайшее время Александр уклонился, ясно сознавая, какие трудности необходимо преодолеть для того, чтобы восстановить Польшу. «Пройдет еще несколько времени, — писал он, — и при мудром управлении поляки будут снова иметь отечество и имя, и мне будет отрадно доказать им, что именно тот человек, которого они считают своим врагом, забыл прошедшее и осуществил все их желания». В Пулавах, куда Александр заехал, отправляясь на Венский конгресс, он выразился яснее. «Еду на конгресс, — говорил он, — чтобы работать для Польши, но надо двигать дело постепенно. У Польши три врага — Пруссия, Австрия и Россия, и один друг — это я. Если бы я хотел присоединить Галицию, пришлось бы сражаться. Пруссия соглашается восстановить Польшу, если ей отдадут часть великой Польши. А я хочу отдать польским провинциям около 12 миллионов жителей.

Составьте себе хорошую конституцию и сильную армию, и тогда посмотрим». Из этих заявлений видно, что, предвидя затруднения со стороны соседей и со стороны русского общественного мнения к восстановлению Польши в прежнем объеме, Александр все более и более сосредоточивался на мысли создать Польское государство, какое только можно по условиям момента, соединить его с Россией и, если будет можно, усилить польскими провинциями России, окончательное же восстановление предоставить будущему, когда разовьется и окрепнет созданное Польское государство и когда более благоприятным образом сложатся внешние обстоятельства. В конце концов, и князь Чарторыйский должен был принять эту же самую программу.

Польский вопрос на Венском конгрессе едва было не стал причиной разрыва между недавними союзниками и новой европейской войны. Талейран ухватился за него именно, как за средство перессорить союзников и дать решительный голос Франции в предстоявшем устройстве европейских дел, вручил князю Меттерниху ноту, в которой заявлялось, что французский король почитал бы себя счастливым, если бы разрешен был польский вопрос, и народ, столь интересующий другие народы своей древностью, храбростью, оказанными Европе услугами и своими несчастиями, получил бы свою прежнюю и полную независимость. «Раздел, который вычеркнул его из списка народов, был провозвестником происшедших в Европе смятений». Представитель Австрии, несмотря на то, что его государство также участвовало в разделах Польши, не только не оскорблялся предложениями Франции, но даже пошел им навстречу. «Никогда Австрия, — писал он, — не видела врага в свободной независимой Польше. Принципы, которых держались и достойные предшественники его величества императора, и он сам со времени разделов не пришли в забвение; отношение Австрии к этому краю было только следствием обстоятельств, неодолимых и не зависящих от воли австрийских монархов». К этому Меттерних прибавлял: «Австрия не пожалеет никаких жертв для восстановления королевства Польского — независимого и управляемого народным правительством».

Все эти заявления были продиктованы, конечно, не какими-либо добрыми чувствами к Польше, а соперничеством с Россией, боязнью, что этот сосед через присоединение герцогства Варшавского и других польских владений станет еще более сильным и опасным, чем в данное время.

Более бескорыстно высказывалась в то время симпатия к Польше в английском парламенте. Лорд Кэстльри от имени Великобритании заявил, что он также разделяет мнение парижского и венского кабинетов и что его правительство также

желает видеть Польшу, в большем или меньшем объеме, но непременно независимой.

Но эти заявления шли уже вразрез с намерением и самолюбием «освободителя Европы», желавшего воссоздания Польши непременно в союзе с Россией, наподобие того, как соединена Венгрия с Австрией. Александр употребил все усилия к тому, чтобы в этом направлении воздействовать на общественное мнение поляков и показать, что сам народ польский желает соединения с Россией. В Польше распространялись вести, что все правительства стоят за раздел и уничтожение Польши, что один только Александр защищает ее и домогается ее восстановления. Власти устраивали в честь Александра банкеты, торжественные молебствия. Как бы в подтверждение ходивших слухов великий князь Константин 29 ноября издал приказ по польской армии, призывающий ее к защите отечества. «Вы ознаменовали себя, — говорилось в этом приказе, — великими подвигами в борьбе, нередко вам чуждой. Теперь, когда вы обратите все свои усилия к защите отечества, вы будете непобедимы. Беспредельная преданность императору, который желает одного блага вашему отечеству, любовь к его августейшей особе, повиновение, дисциплина, согласие — вот средства, могущие обеспечить благоденствие вашей страны, состоящей под мощной защитой императора. Таким путем вы достигнете той счастливой доли, которую другие вам могут обещать, но которую лишь он один вам может доставить. Его могущество и его добродетели в том ручаются». Результатом всех этих усилий были адреса, посланные императору Александру в Вену от различных общественных групп Польши. Эти адреса нарочно распространялись во всеобщее сведение. Русский министр иностранных дел Нессельроде сделал заявление конгрессу, что 8 миллионов поляков готовы по приказу его государя бороться за независимость своей родины. Но все это привело лишь к тому, что 22 декабря Талейран, Меттерних и лорд Кэстльри для обуздания претензий России подписали тайную конвенцию, в силу которой Франция, Австрия и Англия обязывались выставить на случай войны по 120 тысяч пехоты и по 30 тысяч конницы, к коалиции предполагалось привлечь и другие государства: Баварию, Виртемберг и Нидерланды.

Польский вопрос готовился стать причиной новых кровавых столкновений в Европе. Но преждевременная высадка Наполеона во Франции предотвратила борьбу коалиции с Россией. Наполеон, чтобы отвлечь Россию, оповестил Александра о заключенной против него тайной конвенции и прислал копию договора Австрии, Франции и Англии. Но Александр остался непоколебим в своей вражде к Наполеону и простил своим союзникам их тайные замыслы против России. Началась борьба, но не против России, а против Наполеона, кончившаяся

окончательным низложением его и ссылкой на остров св. Елены. Во время борьбы с Наполеоном державы уже не ставили серьезного вопроса о восстановлении и независимости Польши, а старались, главным образом, лишь о том, чтобы поменьше досталось на долю России. Александр желал соединить с Россией герцогство Варшавское в его полном объеме, гарантируя ему свободное бытие под властью русского государя, конституцию и народные учреждения. Эта гарантия является как бы исполнением прежних его обещаний касательно воссоздания Польши и удовлетворением либеральных заявлений Англии, Австрии и Франции. Приехавший в Вену князь Чарторыйский хорошо понимал, что о восстановлении прежней Польши в данный момент не может быть и речи, и всячески поддерживал Александра в его стремлении получить все Варшавское герцогство. Но им не удалось этого достичь. 21 апреля 1815 года были подписаны трактаты между Россией, Австрией и Пруссией, коими судьба Варшавского герцогства была определена таким образом: герцогство неразрывно связывалось реальной унией (*par la constitution*) с Россией, за исключением Познани, Бромберга и Торна, отданных Пруссии, Кракова, объявленного вольным городом, и соляных копей Велички, возвращенных Австрии вместе с Тарнопольским поветом, который с 1809 года принадлежал России; Александр принимал титул короля польского и предоставлял себе даровать этому государству, пользующемуся особым управлением, то внутреннее протяжение, которое признает подходящим. Вместе с тем гарантировано было, что поляки, подданные России, Австрии и Пруссии, получают политическое представительство, какое каждое из правительств сочтет для них полезным и подходящим.

Итак, не только не исполнились надежды польских патриотов на воссоздание Польши, но разделено было на части и то небольшое полунезависимое государство, которое представляло из себя Варшавское герцогство. Александр ясно сознавал, что он не выполнил своих обещаний полякам, и как бы в оправдание себя писал президенту польского сената Островскому: «Если великий интерес всеобщего спокойствия не допустил, чтоб все поляки были соединены под одним и тем же скипетром, то я, по крайней мере, старался смягчить, насколько возможно, суровость разъединения их и доставить им повсюду возможное пользование их национальностью». 4 мая в Вене Александр подписал основания будущей конституции царства Польского, выработанные князем Чарторыйским, и издал манифест жителям царства Польского о даровании им конституции, самоуправления, собственной армии и свободы печати.

9 мая 1815 года в Варшаве состоялось торжество восстановления Польского королевства. В соборном костеле собрались все должностные лица герцогства Варшавского, и после

торжественной мессы были прочтены акт отречения короля саксонского, манифест императора всероссийского и короля польского и основания будущей конституции. Государственный Совет, сенат, чиновники и жители принесли присягу в верности государю и конституции. Польское знамя с белым орлом было водружено на королевском замке и на всех правительственных учреждениях, а во всех костелах было отслужено благодарственное молебствие с колокольным звоном и пушечной пальбой. Близ Воли на равнине собрались войска перед сооруженным алтарем и в присутствии великого князя присягали побатальонно на верность королю. Торжество закончилось канонадой и ружейными залпами и криками: «Да здравствует наш король Александр!»

Предстояло теперь выработать конституцию на объявленных уже основаниях. Для составления ее образован был особый комитет под председательством графа Островского. Александр для той же цели отправил в Варшаву из Вены князя Чарторыйского. «Вы имели случай, — писал он ему, — ознакомиться с теми намерениями относительно учреждений, которые я хочу установить в Польше, и улучшений, которые я желаю ввести в этой стране. Вы постараетесь никогда не терять их из вида при совещаниях совета и обращать на них все внимание ваших товарищей, для того чтобы ход правительства и реформы, которые ему поручено произвести, были согласны с моими воззрениями». Чарторыйский исполнил возложенное на него поручение и принял деятельное участие в выработке польской конституции.

31 октября 1815 года состоялся торжественный въезд Александра в столицу королевства Польского. Император был в польском мундире при ордене Белого Орла. Его окружали польские войска и польские сановники. Толпы народа приветствовали его криками: «Да здравствует Александр, наш король!» Александр оказывал своим новым подданным всяческое расположение. Снят был секвестр, наложенный на имения тех, которые служили под знаменами Наполеона. Государь удостаивал своим посещением дома знатнейших поляков, присутствовал на многих балах, где очаровывал всех своей любезностью, носил польский мундир и орден Белого Орла, пожаловал многих девиц во фрейлины, назначил к себе несколько польских генерал- и флигель-адъютантов, учредил целый штат польского двора. Но полякам, разумеется, всего этого было мало: их помыслы и ожидания были направлены на то, какое «внутреннее расширение» даст Александр своему маленькому королевству согласно с предоставленным ему Венским трактатом правом. По свидетельству одного русского очевидца, «поляки смотрели вообще на нас пасмурно. Они казались недовольными и даже не скрывали в разговорах, что им следует возвратить Могилев,

Витебск, Волынь, Подолию и Литву». Этот вопрос поднял в секретной аудиенции князь Огинский, прибывший в Варшаву с депутатами губерний Виленской, Гродненской и Минской. Но Александр просил не компрометировать его, не ставить в затруднительное положение. «Я не могу допустить, чтобы вы просили о присоединении ваших областей к Польше, так как не следует подавать повода к мысли, что вы меня о том просите. Необходимо, чтобы все были убеждены в том, что я это делаю по собственному почину, что я именно желаю этого». Здесь говорило, по-видимому, не одно только опасение общественного мнения России, но и самолюбие, затронутое назойливостью поляков. Александр не прочь был благодетельствовать Польше, но только добровольно, а не под давлением поляков.. Не отказываясь от мысли когда-нибудь соединить западные губернии с Польшей, Александр заявил, что он устроит это соединение тогда, когда упрочится связь этих областей с империей и когда соединение с Россией будет сопровождаться доверием и полным согласием между одними нациями. Другими словами, Александр откладывал на неопределенное время исполнение своего обещания о присоединении к Польше 12 миллионов подданных.

Кроме отказа в присоединении к Польше Великого княжества Литовского, Александр огорчил польских патриотов и отношением своим к вырабатываемой конституции. Согласно его указаниям, не нашли себе выражения в проекте конституции первая и последняя статьи обнародованных начал этой конституции. Первая статья гласила: «Новая конституция, даруемая королевству, должна быть сближена с конституцией 3 мая, насколько позволяет различие времени и обстоятельств». На самом же деле новая конституция вышла переработкой конституции герцогства Варшавского, а не конституции 3 мая. Последняя статья начал гласила: «Великая книга конституции, которую мы жалуем жителям нашего Польского королевства, должна быть признаваема главной и священнейшей связью, коей это королевство неразрывно и на вечное время будет соединено с государством всея России, как в лице нашем, так и в лице всех наших наследников и преемников». Эта статья, гарантировавшая навсегда отдельное государственное бытие Польши, была опущена в тексте выработанной конституции. Сверх того, Александр в сотрудничестве с Новосильцевым внес некоторые изменения в представленный ему Чарторыйским текст конституции.

Так, взамен статьи «Римско-католическая религия есть религия государственная» была внесена статья «Религия римско-католическая имеет пользоваться особым покровительством»; вместо статьи «Сохраняется древнее польское право: *neminem captivabimus nisi jure victum*» внесена статья: «Сохраняется пра-

во: *neminem captivare permittemus nisi jure victum*» и т. д. И только после всех этих изменений Александр подписал конституционную хартию Польши (15/27 ноября 1815 года).

Хартия гласила, что королевство (царство) Польское навсегда соединяется с Россией: польский престол принадлежал российскому императору и его наследникам и преемникам; император принимает титул короля (царя) польского и как таковой коронуется в Варшаве и приносит присягу в соблюдении конституции. Королю принадлежит верховная распорядительная и исполнительная власть во всем ее объеме: он объявляет войну и заключает договоры, распоряжается войсками и доходами государства, назначает духовных и светских сановников и должностных лиц, раздает ордена, шляхетство и почетные звания. Но все его приказы должны скрепляться подписью соответствующего министра, который является ответственным за все, что в этих приказах будет противоречить конституции и законам. В отсутствие короля управление ведется его наместником, которым может быть или великий князь из царствующего дома, или природный или натурализованный поляк, и Государственным Советом. Наместник действует в пределах предоставленных ему королем полномочий. Совет под председательством короля или его наместника слагается из министров, советников, референдариев и лиц, коих король захочет особо ввести в его состав. Он делится на административный совет и на общее собрание. Первый слагается из министров и других лиц, особо приглашенных королем, под председательством наместника, причем наместнику принадлежит решающий голос, а членам — совещательный. Общее собрание Государственного Совета под председательством короля или его наместника вырабатывает проекты законов и решает вопросы об отдаче под суд чиновников за преступления по должности, споры властей о юрисдикции и другие вопросы по приказанию короля или его наместника. Текущее управление вверяется пяти комиссиям: вероисповеданий и народного просвещения, юстиции, внутренних дел и полиции, военной и финансовой, под председательством и руководством соответствующих министров. Кроме того, при особе короля находится министр статс-секретарь, который должен докладывать ему все дела, присылаемые наместником, и обратно — пересылать наместнику королевские постановления, ему же вверяются и внешние отношения, насколько они будут касаться царства Польского.

Все королевство в административном отношении разделяется на 8 воеводств, 77 поветов и 51 гмину. В воеводствах органами управления являются воеводские комиссии, в «местах» — муниципальные власти, в гминах — войты. Наряду с ними устанавливаются органы самоуправления — воеводские «рады» из советников, избранных на шляхетских сеймиках и гминных

собраниях. На этих радах избираются члены судов первых двух инстанций, окончательно вырабатываются списки кандидатов на административные должности на основании представлений сеймиков и гминных собраний и охраняется общее благо воеводства согласно особым установлениям. Органом законодательной власти является сейм, состоящий из сената и посольской избы и созываемый каждые 2 года на 30 дней. Сенат слагается из принцев императорско-королевской крови, достигших 18 лет от роду, бискупов, греко-униатского митрополита, воевод и наместников, назначаемых королем пожизненно по представлению самого сената из лиц, имеющих не менее 30 лет от роду и платящих не менее 2 тысяч злотых налогов. Кроме выполнения законодательной функции на сейме, сенат собирается и между заседаниями сейма. Он обсуждает и решает вопросы о предании суду сенаторов, министров, членов Государственного Совета и референдариев за преступления по должности либо по указанию короля, либо по жалобе посольской избы, вопросы относительно законности сеймиков и гминных собраний и происходивших на них выборов и т. д. Посольская изба слагается из 77 послов, выбранных шляхетскими поветовыми сеймиками, и 51 депутата от гмин. Послы и депутаты избираются из лиц, которым исполнилось 30 лет и которые платят не менее 100 злотых налогов. На сеймиках, избирающих послов, членов воеводских рад и кандидатов на административные должности, имеют право голоса только шляхтичи-землевладельцы, записанные в обывательскую поветовую книгу, составленную воеводской радой и утвержденную сенатом, и имеющие не менее 21 года от роду. В гминные собрания, избирающие депутатов, членов воеводских рад и кандидатов по административной должности, допускаются: владельцы недвижимой собственности, но не шляхетского сословия, ремесленники и хозяева ремесленных заведений, купцы, имеющие товары на складе или магазине на 10 тысяч злотых, плебаны и викарии, профессора и учителя, художники. Сейм обсуждает проекты гражданских, уголовных и административных законов, выработанные Государственным Советом, а равно и проекты об изменении или ограничении компетенции властей, установленных конституцией, проекты финансовые и военные и наконец — общий отчет о состоянии государства, составленный Государственным Советом. Для предварительного рассмотрения проектов в каждой избе тайной подачей голосов избираются три комиссии: финансовых законов, гражданских и уголовных, органических и административных. Эти комиссии и сносятся с Государственным Советом, который по их представлению может перерабатывать внесенные законопроекты. Из комиссий проекты поступают на обсуждение изб, причем члены Государственного Совета имеют совещательный голос, если не состоят сенаторами, по-

слами или депутатами. Сопешания сейма публичны, но по желанию десятой части членов может быть образован тайный комитет. Голосование происходит открыто. Проект, принятый большинством голосов в одной избе, переходит в другую избу, где должен быть принят тем же порядком; при равенстве мнений проект считается принятым. Проект, принятый одной избой, не должен изменяться другой, но должен быть целиком либо принят, либо отвергнут. Принятый обеими палатами проект делается законом лишь после санкции короля. Власть судебная по конституции 1815 года вверялась и назначенным королем, и выборным судьям; первые должны быть пожизненны, вторые несменяемы до следующего выбора; они могут быть устраняемы за злоупотребления по должности не иначе, как по суду. Учреждалось несколько судебных инстанций: мировые судьи, суды гражданские и полиции в каждом «месте» и в каждой гмине земские суды и съезды, уголовные суды в каждом воеводстве; трибуналы для нескольких воеводств и верховный трибунал в Варшаве для всего государства; сеймовый суд для разбора дел по государственным преступлениям по должности. Конституция содержала и общие гражданские гарантии. Католическая религия объявлялась предметом особого попечения правительства, без ущерба, однако, для свободы других вероисповеданий, последователи которых пользуются одинаковыми с католиками политическими и гражданскими правами.

Все граждане объявлялись равными перед законом; им гарантировалась неприкосновенность личности (*Neminem cap-tivari permittentius, nisi jure victum*), неприкосновенность имущества. Польский язык объявлялся обязательным в публичном делопроизводстве — административном, судебном и военном; объявлялось замещение всех публичных должностей природными или натурализованными поляками. Сохраняются гражданские и военные ордена: Белого Орла, Св. Станислава и военного креста (*virtuti militari*). Конституционный устав развивается органическими статутами, изданными в законодательном порядке. Первый бюджет доходов и расходов составляется королем и государственным советом, но изменяться в дальнейшем должен уже королем и палатами. Законы, постановления и распоряжения короля публикуются в «Дневнике королевства Польского».

С обнаружением конституции королевство Польское получило не только бытие, но и организацию. Казалось бы, что наместником его должен быть тот самый человек, который принимал такое близкое участие в его создании. Все ожидали, что наместником будет князь Чарторыйский. Но неожиданно для всех, уступая представлениям своего брата великого князя Константина и Новосильцева, Александр назначил на эту должность генерала Зайончка. Это назначение послужило как бы

8-1255

предуказанием той политики, которой будет держаться самодержавный русский монарх в конституционной Польше. Эта политика в дальнейшем и была иллюстрацией невозможности соединения на одном челе короны самодержца и конституционного короля. Правление первого конституционного короля началось с целого ряда антиконституционных деяний.

Прежде всего появилась не предусмотренная конституцией должность императорского комиссара. Александр назначил Новосильцева своим комиссаром на несколько месяцев на время введения конституции. Но затем и после Новосильцев остался императорским комиссаром, исполняя роль своего рода ревизора над действиями польского правительства. Он сделан был сверх того членом административного совета и государственного, хотя и не был ни природным, ни натурализованным поляком, и, знакомясь хорошо с положением дел в королевстве, посылал донесения в Петербург и оказывал давление на наместника и министров. Этот наместник, долженствовавший по конституции быть в непосредственном подчинении у короля, фактически оказался в подчинении у великого князя Константина, главнокомандующего польской армией. Он докладывал ему обо всех постановлениях и предложениях административного совета, отдавал на его одобрение все назначения и повышения чиновников, поверял ему даже такие дела, которые подлежали личному утверждению императора. Константин и Новосильцев стали властно распоряжаться в королевстве, мало справляясь с конституцией. Под их опекой и руководством польские власти издали ряд постановлений в нарушение конституции, например, без участия сейма ввели табачную и соляную монополии, обложение шинкарей и т. д. Первый сейм 1818 года не преминул обратить на это внимание государя. Но Александр был уверен, что не он склонен нарушать конституцию, а поляки. Через министра статс-секретаря он дал понять сейму, что конституция не дает ему права критиковать действия правительства и в чем-либо упрекать его: сейм может лишь только высказывать свое мнение по вопросам, переданным на его рассмотрение правительством.

Надо сказать, что со времени Венского конгресса, охваченный общим веянием реакционного духа в Европе, Александр перестал питать прежнюю уверенность в правильности пути свободного развития народов. Этим объясняются предостережения, которые он сделал полякам в тронной речи при открытии первого сейма в 1818 году, и обращенное к ним приглашение доказать на деле пользу «законно-свободных постановлений» и «тем дать ему, императору, возможность распространить их и на другие страны, Провидением его попечению вверенные».

Поляки, однако, не прониклись внушениями своего короля. В 1818–1820 годах, под влиянием испанских и итальянских

ких революционных событий, в Польше, как и в других странах, началось брожение умов. Газеты стали наполняться нападками на произвольные действия администрации. Правительство ответило на это репрессиями: закрыта была «Ежедневная газета» и «Белый Орел»; публицист Сколоровский был арестован, а редактор «Белого Орла» Моравский должен был спасаться бегством за границу. Постановлением наместника от 22 мая 1819 года введена была цензура для журналов и периодических изданий, 16 июля того же года распространена была на все книги, издаваемые в царстве. Это постановление, нарушавшее статью 16 конституции о свободе печати, получило высочайшее утверждение. Сообщением королевским от 13 декабря 1819 года на имя наместника провозглашена была неизбежность ограничения личной свободы граждан, насколько будет требовать того безотлагательность момента (*l'urgence du moment*). Это сообщение открыло широкую дорогу административному произволу. Великий князь Константин начал преследовать лиц, подозреваемых в революционных замыслах, и без судебного следствия сажал их в Кармелитский монастырь в Лешне, который был превращен в тюрьму.

Предвестия надвигающегося разрыва между королем и польским народом обнаружились явственно на сейме 1820 года. В тронной речи при открытии сейма 12 сентября Александр предостерегал поляков относительно «злого духа, который носится над Европой», конституцию называл порядком, который он ввел по своему усмотрению, намекая этим на возможность ее отмены. С другой стороны, сейм отверг подавляющим числом голосов (117 против 3) устав уголовного судопроизводства, внесенный правительством, и органический статут для Сената. В многочисленных (около 90) петициях сейма наряду с пожеланиями положительного характера помещено немало жалоб на отступления правительства от конституции. В сеймовых дебатах особенно резко выступал по этому поводу посол Калишского воеводства Викентий Немоевский. «Конституция, — говорил он, — это собственность народа. Король не имеет права ни отнимать ее, ни изменять. Мы уже лишились свободы печати; нет у нас неприкосновенности личности; право собственности нарушается; наконец, теперь хотят отнять у нас ответственность министров (по проекту органического статута для Сената ограничивалось его право обжалования действий министров тем, что такое обжалование должно было идти к монарху от Государственного Совета). Что же останется от всей конституции? *Stat magni nominis umbra...*» Немоевский предлагал привлечь к суду министра народного просвещения Станислава Потоцкого за то, что он скрепил своей подписью постановления администрации, вводившие цензуру. Все это сильно разгневало Александра, и в прощальной речи при закрытии сейма (13 октября)

он бросил послам упрек, что они своими действиями замедлили дело восстановления своего отечества и что на них за это падет тяжкая ответственность. Уезжая на другой день в Петербург, Александр дал великому князю Константину *carte blanche*, т. е. предоставил полную свободу действовать, не стесняясь конституцией.

Вернувшись в Петербург, Александр хотел было издать указ об уничтожении конституции, но его удержали от этого министр иностранных дел Каподистриа и английский посол. Мысль эта, однако, не покидала Александра. В рескрипте на имя административного совета, данном в мае 1821 года, по поводу дефицита польской казны в несколько миллионов злотых, император выражал сомнение, может ли Польское королевство при существующей организации держаться своими собственными средствами или оно должно принять иную форму, более соответствующую его силам. Новосильцев, вырабатывавший общеимперскую конституцию, уже в 1820 году представил Александру проект постановления, отменяющего особность царства Польского и инкорпорирующего его в империю, как одно из наместничеств. Но конституция переставала действовать уже ранее ее отмены. В 1822 году должен был, согласно конституции, быть созван третий сейм. Но по представлению наместника о беспокойном состоянии умов, вызванном политическими арестами, созыв сейма был отсрочен. Выбор оппозиционных послов Калишского воеводства братьев Немцевских в члены Калишской воеводской рады был кассирован сенатом, а после вторичного их избрания распущена была и сама рада. Насильственные и произвольные действия правительства усиливали недовольство и революционное брожение в обществе. Существовавшая в Польше масонская организация старанием майора Валериана Лукасиньского и его друзей стала превращаться в политическое общество, поставившее себе главной задачей осуществление национально-политических идеалов польского народа. Эта эволюция польского масонства не ускользнула от внимания правительства, и в 1821 году был издан указ, закрывавший все масонские ложи и запрещающий все тайные общества. Но рассеянное масонство скоро возродилось тайно под именем «Народного патриотического общества», во главе которого стал особый комитет. Председателем его стал зять Лукасиньского референдарий Вежболович, но фактическим заправилкой был Лукасиньский. Деятельность Лукасиньского, однако, скоро обратила на себя внимание полиции, и с некоторыми своими единомышленниками он был предан суду и присужден к семи годам каторжных работ с лишением звания и знаков отличия. Но тайное Патриотическое общество не было раскрыто и продолжало свою деятельность под руководством сенатора Станислава Солтыка и под-

полковника гвардейских стрелков Крыжановского. В 1824 и 1825 годах это общество вступило в сношение с тайным Южным обществом, организовавшимся в России, и вело переговоры о совместном и одновременном восстании, переговоры, которые, однако, не привели к каким-либо определенным соглашениям.

Последний сейм, собиравшийся при Александре в 1825 году, работал уже в условиях и обстановке чрезвычайных, не предполагавшихся конституцией. Еще в феврале 1825 года опубликована была дополнительная статья к конституции, отменявшая публичность заседаний сейма. Отмена эта мотивировалась тем, что публичность прений вызывает в ораторах погоню за популярностью, что прения благодаря этому вырождаются в пустые декламации, лишённые спокойствия и достоинства, приличествующих всякому серьёзному обсуждению. Из заседаний сейма устранены были не только публика, но и некоторые послы, например Викентий Немоевский, посол Калишского воеводства. Незадолго до созыва сейма он написал царю письмо с указанием на незаконность ареста некоего Радоньского, участника неаполитанской революции. Письмо это показалось Александру верхом дерзости, и великий князь Константин, вызвав к себе Немоевского, запретил ему являться туда, где будет пребывать царь. Немоевский, избранный послом, тем не менее, поехал в Варшаву, но был задержан у Вольской заставы и интернирован в своем имении под надзором полиции, а выборы Калишского воеводства были кассированы. Заседания сейма происходили во дворце, окруженном войсками, переполненном русскими чиновниками и тайными агентами. Подавленные всеми этими распоряжениями и обстановкой, польские послы и депутаты обнаружили крайнюю осторожность и умеренность. Проекты, представленные правительством об изменениях в первой книге Наполеонова кодекса и об учреждении кредитного общества, были приняты сеймом. Сейм отказался от протеста против дополнительной статьи к конституции, отказался от принятия готового уже адреса об уничтожении этой статьи, не решился представить и петиции с жалобами на незаконные действия властей. Александр остался очень доволен поведением сейма и, закрывая его, сказал членам сейма: «Вы исполнили чаяния вашей отчизны и оправдали мое доверие. Моим желанием теперь будет убедить вас, какое влияние ваше поведение окажет на вашу будущность!» В интимных разговорах с великим князем царь заявил, что он остается при своем намерении соединить Литву с царством Польским. Но судьба решила иначе. Напряжение последних лет царствования Александра не только не разрешилось после роспуска сейма 1825 года, но еще более усилилось и в конце концов привело к революционному взрыву и крушению конституции 1815 года.

ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ КОНСТАНТИН НИКОЛАЕВИЧ

В ряду государственных деятелей, неразрывно связавших свое имя с великим делом обновления России при императоре Александре II, выдающееся место, бесспорно, принадлежит великому князю Константину Николаевичу. Сам император Александр II признал его своим «первым помощником в крестьянском деле». Это значение признается за ним и всеми современниками его — как сотрудниками и сочувствовавшими ему людьми, так и противниками и врагами его политики. Великий князь помогал проводить и другие важные реформы — судебную, земскую, финансовую и военную, высшего образования, выступая здесь не только с сочувствием и поддержкой, но подчас и со своей ведомственной инициативой. Вместе с другими прогрессивными деятелями 60–70-х годов он мечтал увенчать обновляемое государственное здание России введением начатков представительного строя... Короче сказать, не было таких либеральных начинаний, которым бы не сочувствовал и не содействовал великий князь Константин, идя всегда впереди своего мнительного и нерешительного брата и часто увлекая его за собой. Генерал-адмирал был смелым пловцом не только по Балтийскому, но и по житейскому морю, и во все царствование своего брата строил не только новые корабли, верфи и заводы, но и новые учреждения, новые внутренние порядки и законы.

Великий князь совсем не готовился к такой широкой и разносторонней государственной деятельности. С раннего детства он посвящен был специальному делу — морскому. Он родился 9 сентября 1827 года, в самый разгар хлопот о возрождении русского флота, забот и дум о том, «как извлечь наши морские силы из того забвения и ничтожества, в котором они прозябали в последнее время предшествовавшего царствования». Этим вопросом занят был учрежденный еще 31 декабря 1825 года особый комитет; над ним трудился и сам император Николай Павлович, вырабатывавший основания ре-

формы морского министерства.¹ То было время, когда хлопотали об образовании моряков, учреждали (29 января 1827 г.) офицерский класс при Морском кадетском корпусе для усовершенствования новопроизведенных офицеров «в высших частях наук, к морской службе потребных», приглашали для преподавания этих наук знаменитых математиков и физиков — Буныковского, Остроградского, Ленца и др. Эта «морская полоса» определила и участь явившегося тогда на свет великого князя Константина. Император-отец решился посвятить его флоту, создать из него вождя и организатора морских сил России, преемника себе и продолжателя по этой части. Когда ему еще не было четырех лет, император назначил его генерал-адмиралом и шефом гвардейского экипажа (22 августа 1831 года).²

Сообразно с этим назначением велось и все воспитание и образование великого князя. Воспитание было поручено суровому ученому моряку Федору Петровичу Литке, настоящему «морскому волку», который совершил уже три кругосветных плавания, побывал не раз в северных морях, составил карту берегов Новой Земли, Берингова моря и лежащих на нем островов и т. д. С ранних лет великого князя стали упражнять не только в науках, «к морской службе потребных», но и в практике мореплавания.³ Уже восьмилетним мальчиком в чине мичмана он совершил первое морское плавание на военном судне «Геркулес». Когда ему исполнилось 17 лет, он был назначен уже командиром брига «Улисс», на котором и крейсировал около Красной Горки. В том же году он совершил первое большое плавание из Архангельска в Кронштадт. Следующий, 1845 год весь был посвящен морским экспедициям: отправившись из Николаева, великий князь проехал морями вдоль всей Европы. В 1847 году великий князь уже в чине капитана 1-го ранга командовал фрегатом «Паллада», на котором совершил две морских экспедиции в этом и следующем году. Общее образование великого князя ограничивалось самым необходимым — языками, русской и всеобщей историей, статистикой и законоведением. Последние науки преподавал великому князю статс-секретарь барон М. А. Корф. Но император Николай рекомендовал Корфу «долго не останавливаться на отвлеченных предметах», находя, что «лучшая теории права — добрая нравственность, а она должна быть в сердце независимой от этих отвлеченностей и иметь своим основанием религию».⁴

¹ Шильдер Н. Император Николай I. Т. II. С. 64, 66, 113. Прим. 77.

² Русская Старина. 1892. Февраль. С. VI, VII.

³ Безобразов В. П. Граф Федор Петрович Литке. С. I–XVIII (приложение 2 к LVII тому Записок Императорской Академии Наук).

⁴ Павлов-Сильванский Н. П. Очерки по русской истории XVIII–XIX вв. С. 305–308.

Но и специальная, хорошо поставленная школа, очевидно, может сделать не меньше, чем общеобразовательная. Великий князь Константин Николаевич из школы ученого моряка вышел не только знающим свое дело, но и развитым юношей, с привычкой к серьезному и упорному труду, с умением работать, за наименьшее время достигать наибольших результатов. И отец, и воспитатель остались очень довольны его успехами, обнаруженными им на окончательном экзамене. Литке писал по этому поводу: «Успехи, оказанные великим князем по всем предметам, которые, конечно, в значительной степени должны быть отнесены на счет необыкновенных его способностей, доказывают, что когда внимание учителя посвящено нераздельно одному ученику, то четырех полных часов занятий учителя с учениками совершенно достаточно». Одной из самых положительных сторон в образовании великого князя было то, что приобретаемые теоретические познания ему приходилось постоянно прилагать к делу. Это должно было воспитать в нем уважение к науке и знанию, веру в их силу, в просвещение вообще. В общем все-таки приходится признать, что великий князь из школы Литке вышел не столько широко образованным, сколько умственно сильным человеком. Но эта сила ума заменила ему в дальнейшем общее образование. Благодаря ей великий князь оказался способным учиться на самом деле, которое на него возлагалось, брать уроки от самой жизни и следовать ее указаниям. Взирая на окружающую действительность без всяких предвзятых идей, великий князь при всем том оказался в состоянии замечать в ней то, что неясно было для других, доходить до корней и первопричин существующих зол и нестроений.

По-видимому, гораздо ранее своего брата великий князь осознал одну из этих первопричин — крепостное право. Уже в апреле 1855 года в разговоре об инвентарях, вводившихся в Юго-Западном крае, великий князь говорил: «Ведь это подготавливает волю; дай Бог кончить войну, а потом начнем другое дело». Великий князь уже в 1856 году был известен как убежденный сторонник отмены крепостного права. В нем уже видели твердую нравственную опору, способную «придать с самого начала твердость идеям и убеждениям, еще столь колеблющимся» (из письма Н. А. Милютина к великой княгине Елене Павловне). В литературе ставился вопрос о духовных влияниях на великого князя, подготовивших из него прогрессивного деятеля Александровского царствования. Указывали на влияние Жуковского, который в своих письмах внушал великому князю, что «ничего не может быть выше на земле, как царь или сын царя, достойный имени человека», что «движение — святое дело: все в Божьем мире развивается, идет вперед и не может и не должно стоять», и т. д. Указывали затем на влияние

великой княгини Елены Павловны, на дружбу с просвещенным и либеральным А. В. Головинным.¹ Не отрицая возможных влияний на великого князя со стороны отдельных лиц, приходится все-таки признать в Константине Николаевиче либерала-самородка, по преимуществу, доходившего до известных истин собственным умом и опытом. Либерализм великого князя был чужд всякой сентиментальности и навеянного извне идеализма, производил всегда впечатление органически и самостоятельно развивавшегося убеждения.

В этом отношении великого князя как нельзя лучше характеризует письмо его, которое он написал князю А. И. Барятинскому в 1857 году, в то самое время, когда начинал работать по крестьянскому делу. В это время он управлял уже морским ведомством на правах министра. На долю его выпала тяжелая и ответственная задача воссоздания русского флота после крымского погрома и притом в такое время, когда технические изобретения и усовершенствования в области кораблестроения быстро следовали одно за другим, когда суда с винтовыми двигателями заменяли колесные пароходы, железные и обшитые броней суда — деревянные. Кое-что наспех великому князю удалось сделать по этой части еще во время войны и отчасти непосредственно по окончании ее. Но побывав в 1857 году за границей и ознакомившись с гигантскими флотами Англии и Франции, великий князь писал Барятинскому: «Я теперь не что иное, как генерал-адмирал без флота... Мне предоставлено доверием государя создать России флот, ибо у нас нет флота». Но, констатировав это, великий князь вместе с тем пишет: «Состояние наших финансов, которое в высшей степени затруднительно, побуждает неотлагательно сократить по всем ведомствам все расходы, без которых можно обойтись, и пожертвовать многими прекрасными надеждами на будущее, для того чтобы выйти из настоящего положения. Положение это становится тем важнее, что теперь явились с новой силой и требуют скорейшего решения другие важные жизненные вопросы внутренней администрации нашей, а именно: о крепостном праве, о раскольниках, о крайней необходимости устроить судопроизводство и полицию нашу так, чтобы народ находил где-нибудь суд и расправу, чтобы приказания правительства исполнялись и чтобы высшие правительственные лица не были вынуждены для достижения благих целей прибегать к незаконным средствам. В то же время необходимо изыскать новые и притом колоссальные источники народного богатства, дабы Россия сравнялась в этом отношении с другими государствами: ибо мы не можем долее себя обманывать и должны сказать, что

¹ Джаншиев. Эпоха великих реформ. 10-е изд. С. 623, 624; Павлов-Сильванский. Очерки по русской истории XVIII-XIX вв. С. 309.

мы и слабее, и беднее первостепенных держав и что притом беднее не только материальными средствами, но и силами умственными, особенно в деле администрации». По всем этим соображениям великий князь ставит себе и своему корреспонденту такую жизненную задачу: «Первая обязанность наша должна состоять в том, чтобы отбросить всякое личное славолюбие и сказать, что наша жизнь должна пройти в скромном, неблестящем труде, не в подвигах, которые могли бы в настоящем возвысить наше имя, но в работе для будущего, чтобы дети наши получили плоды с той земли, которую мы, при благословении Божиим, можем вспахать, удобрить и засеять. Посему не о морских победах и не о завоеваниях на Кавказе и сопредельных странах следует думать, не о создании вдруг большого числа судов при больших пожертвованиях и не о содержании на Кавказе многочисленной армии, на которую мы решительно не имеем достаточных средств, но о том, чтобы непрерывными плаваньями небольшого числа хороших судов приготовить целое поколение будущих опытных и страстных моряков, и о том, чтобы усовершенствованием внутреннего управления вводить на Кавказе порядок и довольство, не издерживая на то больших сумм».¹ В этом письме начертана чуть ли не вся программа будущей государственной деятельности великого князя. Но на чем она построена? Не на каких-либо теоретических, книжных предпосылках, а на простых жизненных наблюдениях над печальным внутренним состоянием России, ее экономической и культурной отсталостью. Органичностью взглядов великого князя в связи с его пылким темпераментом, который не преодолело даже суровое воспитание Литке, объясняются и те настойчивость и напористость, с которыми он добивался осуществления того, что считал полезным и правильным.

Первым либеральным шагом великого князя был, как известно, знаменитый приказ его, изданный немедленно по вступлении в управление морским министерством, против лжи, укоренившейся во всех официальных отчетах и рапортах. На эту официальную ложь как на одну из причин постигшего Россию краха было указано в появившейся тогда записке Валуева «Дума русского». «Взгляните на годовые отчеты, — писал Валуев, — везде сделано всевозможное, везде приобретены успехи, везде водворяется если не вдруг, то по крайней мере постепенно должный порядок; взгляните на дело, всмотритесь в него, отделите сущность от бумажной оболочки, то, что есть, от того, что кажется, правду от неправды или полуправды, и редко где окажется прочная, плодотворная польза. Сверху блеск, внизу гниль». Великий князь со всей этой официальной ложью успел уже достаточно ознакомиться, состоя в последние годы Нико-

¹ Русский Архив. 1889. Кн. 1. С. 130, 131.

лаевского царствования членом адмиралтейств-совета и помощником начальника морского штаба, управлявшего тогда, по положению, морским министерством. Выписав в своем приказе «правдивые слова» Валуева, великий князь категорически потребовал от подчиненных ему учреждений и лиц, чтобы они в своих отчетах представляли «не похвалу, а истину, и в особенности глубоко обдуманное изложение недостатков каждой части управления и сделанных в ней ошибок».¹ Этот приказ произвел ошеломляющее впечатление и сильно не понравился министрам и всем подающим отчеты.² Независимо от этого приказа великий князь в особой циркулярной записке изъявил желание видеть в «Морском Сборнике» «ряд нравственно-философических рассуждений, написанных весьма смело и сильно, доступным для каждого языком, с целью, с одной стороны, опорочить те недостатки, которые мы принуждены сознавать между морскими офицерами и чиновниками и которые должны быть заклеяемы общественным осмеянием, а с другой стороны — указать и растолковать, как следует понимать некоторые предметы и отношения». За подобные статьи, «которые были бы написаны с талантом и произвели нравственное впечатление», великий князь обещал вознаграждать «самым щедрым образом».³ Но так как деятельность великого князя скоро вышла из тесных рамок морского ведомства, то и «Морской Сборник» получил гораздо большее значение, явился органом исправления нравов и понятий не одного только морского, но и всех ведомств вообще. Так, в нем печатались знаменитые «Вопросы жизни» Пирогова, за несколько лет до судебной реформы обсуждалось подробно французское судебное устройство и т. д. «Морской Сборник» по импульсу и под санкцией великого князя Константина превратился в живой орган, разрабатывавший самые существенные и жгучие общественные вопросы, и получил огромную популярность и широкое распространение в русском обществе. Авторитетный почин великого князя оживил и независимые органы печати. «Газеты наши, — писал в своем дневнике П. А. Валуев, — живут только перепечатками из „Морского Сборника“».⁴ «Современник» и другие журналы в Петербурге, «Русский Вестник» и «Русская Беседа» в Москве поспешили воспользоваться данным свыше поощрением и разрешением и принялись обсуждать ставшие на очередь вопросы русской жизни. В настоящее время достаточно уже разъяснено, что эти вопросы обсуждались в печати слишком отвлеченно и что русская публицистика этого времени оказала сравнительно

¹ Русская Старина. 1891. Май. С. 395.

² Записки и дневник Никитенка. СПб., 1904. Т. 1. С. 467, 468.

³ Русская Старина. 1891. Май. С. 360.

⁴ Русская Старина. 1891. Май. С. 341.

малое влияние на предпринятые тогда реформы по существу. Но во всяком случае, вливая в общественное сознание гуманные воззрения, восстанавливая «забытые принципы», русская публицистика создавала общественную атмосферу, благоприятную для проведения реформ, для осуществления их в жизни. Великому князю Константину принадлежит большая заслуга в этом деле: он первый вспрыснул живой водой русскую публицистику, дремавшую так долго в заколдованном николаевском режиме Русском царстве.

Но это было только начало, прелюдия к главной роли, которую пришлось сыграть великому князю Константину Николаевичу в великих реформах своего брата, и прежде всего в ликвидации крепостного права. 30 марта 1856 года после сомнений и колебаний произнесено было наконец императором Александром II великое слово «уничтожения крепостного права». Принимая в Москве местных предводителей дворянства и успокаивая их относительно распространения слухов об отмене крепостного права, государь заявил: «Но, конечно, и сами вы понимаете, что существующий порядок владения душами не может оставаться неизменным. Лучше начать уничтожать крепостное право сверху, нежели дожидаться того времени, когда оно начнет само собой уничтожаться снизу. Прошу вас обдумать, как бы удобнее привести все это в исполнение. Передайте слова мои дворянам для соображения». Итак, провозглашено было уничтожение крепостного права сверху, но вместе с тем было признано, что правительство не имеет готовых способов к осуществлению этого дела; не было определено также, когда же это должно произойти. По этой части ни у самого государя, ни у окружавших его дельцов не было никаких готовых мнений. Самое большее, до чего доходила тогда мысль сторонников реформ, было убеждение, что, начав дело освобождения, «нельзя ни останавливаться, ни слишком быстро идти вперед: надо действовать осторожно, но постоянно, не вникая возгласам как пылких любителей новизны, так и упорных поклонников старины, а прежде всего надо начертать план постепенных действий правительства, в руководство поставленным от него властям».¹ Так представлял государю вновь назначенный им министр внутренних дел С. С. Ланской. Но среди близких к государю лиц было немало и таких, которые не прочь были приостановиться и как можно подольше оттянуть начинающуюся ликвидацию крепостных отношений. Бывший член редакционных комиссий П. П. Семенов, характеризуя этот момент в истории освобождения, говорит: «Недоверчиво и, можно сказать, несочувственно к предстоявшему и еще совершенно невы-

¹ Записки сенатора Я. А. Соловьева. Русская Старина. 1881. Февраль. С. 228, 229.

яснившемуся великому делу относилось большинство сановников, как присутствовавших в государственном совете, так и непосредственно окружавших государя». ¹ Все это и не замедлило отразиться на первоначальном ходе крестьянской реформы.

Только через девять месяцев после речи государя в Москве приступили к обсуждению крестьянского вопроса, да и то по импульсу извне. Великая княгиня Елена Павловна обратилась с запросом относительно оснований, на которых она могла бы устроить быт принадлежащих ей крепостных в Полтавской губернии; кроме того представлено было довольно много проектов частными лицами. Поэтому по докладу Ланского решено было составить негласный комитет по образцу тех, которые заседали при императоре Николае. Комитет открылся 3 января 1857 года. Хотя все члены его, за исключением князя Гагарина, признали своевременным заняться крестьянским делом, но особой охоты и ревности при этом не обнаружили. Прежде всего, несмотря на свою малочисленность (десять лиц), они нашли невозможным рассматривать в общем присутствии материалы по крестьянскому делу и поспешили свалить эту работу на особую комиссию из генерал-адъютанта Ростовцева, барона Корфа и князя Гагарина. Ростовцев и барон Корф в свою очередь пытались отделаться от возложенной на них тяготы, стали даже отказываться от участия в комитете, ссылаясь — первый — на совершенное свое незнание крестьянского быта, а второй — на то, что, не имея поместий в русских губерниях, он не может судить об их нуждах. Только категорически выраженная воля государя заставила их остаться членами комитета и исполнять возложенные на них обязанности. Ростовцев, Корф и князь Гагарин занялись рассмотрением переданных им проектов освобождения, коих набралось более ста. В этом рассмотрении прошла почти вся зима 1857 года. Когда же они представили наконец все работы и заключения, между ними обнаружилось такое разногласие во взглядах, что ничего общего нельзя было составить, и потому вместо одной были внесены в общее присутствие комитета три записки. «Комитет, — пишет современник (Д. П. Хрущев, автор изданных в 1860 году «Материалов для истории упразднения крепостного состояния»), — не знал, что делать, да и большой охоты не имел спешить, а потому положил передать записки трех членов прочим членам для прочтения и соображения, с тем чтобы когда все члены прочтут, то вновь собраться и рассудить». Они не удосужились сделать этого до самого отъезда государя за границу, весной 1857 года. «Во время отсутствия государя, — пишет этот же современник, — комитет почти ничего не делал или занимался второстепенными вопросами, относящимися более до ограничения

¹ Русская Старина. 1892. Март. С. 813.

некоторых из существующих прав помещиков». ¹ Видимо, комитет старался перегнуть вопрос в сторону «улучшения быта», а не освобождения крестьян.

Между тем во время пребывания за границей император Александр II подвергся новому приливу решимости покончить с крепостным правом. По ходившим в это время слухам, на него повлияли беседы с прусским королем, великой княгиней Еленой Павловной, известным бароном Гакстгаузенем, много знавшим и писавшим о России, и некоторыми другими лицами. Недовольный бездействием комитета Александр поспешил посадить в него своего энергичного брата Константина Николаевича. ²

Константин Николаевич вступал в комитет с одним только сочувствием делу освобождения крестьян и большей, чем у брата, решимостью во что бы то ни стало это сделать. Эту решимость он проявил в том, что еще прежде открытия негласного комитета по крестьянскому делу он у себя в ведомстве учредил комитет для разработки вопроса об отпуске на волю охтинских крестьян, приписанных к петербургскому адмиралтейству. В этом отношении он опередил своего брата — императора, но так же, как и Александр II, он не выработал еще себе определенного мнения о том, на каких основаниях должно быть произведено освобождение крестьян и устройство их быта. Поэтому в комитете он примкнул к той программе, которая была внесена Ланским еще 26 июля, и с жаром стал защищать ее как наилучшую. В комитете под его влиянием стал было слагаться такой план действий. Предполагалось дать на имя министра внутренних дел рескрипт с выражением решительной воли государя покончить крестьянское дело, но при содействии и участии дворянства и с точным указанием начал, на которых правительство считает возможным и справедливым устроить крестьянское дело; одновременно с тем особым циркуляром министра внутренних дел пригласить предводителей дворянства обсудить и развить эти начала в частных совещаниях с опытейшими помещиками в течение известного срока. Главные начала приняты следующие: 1) крестьяне освобождаются через десять лет после издания нового положения; 2) в течение этого переходного времени они получают усадьбную землю, огород, конопляник и выгон в полную личную собственность, с некоторым вознаграждением помещикам, которое должно быть определено положением (в это вознаграждение

¹ Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. Берлин, 1860. Т. 1. С. 121–127.

² Записки Соловьева. Русская Старина. 1881. Февраль. С. 240–241.

предполагалось ввести замаскированно и выкуп личности крестьян); 3) в течение этого же переходного времени часть пахотной земли помещика оставляется во временном владении крестьян на условиях, которые будут определены положением, т. е. за оброк или барщину, а по прошествии 10 лет вся пахотная земля отходит уже в распоряжение помещика, и крестьяне могут пользоваться ею по договоренности с помещиком. По обсуждении лучшего способа применения этих начал в отдельных местностях предводители должны были представить свои соображения министру внутренних дел. Министр должен был из всех них составить новое положение и внести его в Государственный Совет для обсуждения и утверждения государем.¹ Эта программа содержала крайне неудовлетворительное разрешение крестьянского вопроса, ибо, давая крестьянам волю, она оставляла их в экономической зависимости от помещиков. За неимением лучшей великий князь Константин горячо отстаивал и эту программу. Но крепостники, свернув вопрос на время и условия осуществления этой программы, сумели и на этот раз затормозить дело. После бурных заседаний 14, 17 и 18 августа комитет принял такой неопределенный план действий, который как будто бы и рассчитан был на то, чтобы только затемнить дело и отложить его осуществление в долгий ящик. Комитет постановил: улучшение быта помещичьих крестьян производить с должной осторожностью и постепенностью и для сего исполнение его разделить на три периода. Первый период посвятить собранию всех необходимых данных, недостающих у комитета и без которых невозможно составить предложения на прочных основаниях. Собрание этих данных поручить министру внутренних дел через сношения с местными властями и опытными, по его усмотрению, помещиками, но без огласки. Комитет признал, что назначение какого-либо срока министру внутренних дел для собирания и представления данных может стеснить министра, а потому предоставлял исполнение этого поручения его полному усмотрению. В первом же периоде должен быть издан указ о дозволении дворянам отпускать крестьян их на волю целыми селениями на разных условиях, независимо от правил для свободных хлебопашцев и обязанных крестьян, по добровольному взаимному соглашению с утверждения правительства, для чего подготовить проекты условий. Затем в том же периоде решено было представить в Государственный Совет проект смягчения некоторых помещичьих прав. Во втором периоде предположено было составить на основании собранных министром внутренних дел сведений, проект положения о помещичьих крестьянах. В третьем периоде

¹ Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 1. С. 128–130.

предполагалось уже окончательное устройство помещичьих крестьян.¹ Таким образом, говорит Хрущев, «правительство в сущности откладывало решение крестьянского вопроса на неопределенное время, то есть до получения каких-то многочисленных сведений, на собрание коих даже не назначалось срока».² Но государь был рад тому, что положено было хоть какое-нибудь начало делу, и на журнале комитета начертал: «Исполнить. Относительно же разногласия разделяю мнения большинства. Да поможет нам Бог вести это важное дело с должной осторожностью к желанному результату. Искренно благодарю господ членов за первый их труд и надеюсь и впредь на их помощь и деятельное участие во всем, что касается до сего жизненного вопроса».³ Но ожидания императора расходились с желаниями комитетского большинства. «После утверждения журнала 18 августа, — пишет А. И. Левшин, — многие из участников в составлении его ласкали себя надеждой, что дело уснет».⁴

Так неудачен был дебют великого князя Константина Николаевича в крестьянском вопросе. Но нет худа без добра. Неудача оказалась полезной в том отношении, что близко познакомила великого князя с настроением сановных дельцов, окружавших престол, и заставила его искать других путей в решении крестьянского вопроса помимо секретных комитетов из высших сановников государства. Благоприятный к тому случай скоро представился.

В конце октября 1857 года приехал в Петербург виленский генерал-губернатор Назимов с докладом о результатах своих переговоров с литовскими дворянами по вопросу об упразднении крепостного права (ему поручено было это дело еще в 1856 году, после коронации). Литовские дворяне соглашались освободить своих крестьян, но без земли. В комитете три субботы подряд обсуждали заявление литовских дворян, но не приходили ни к каким заключениям. Император, недовольный как самим заявлением литовских дворян по существу, так и медленностью комитета, приказал Ланскому в три дня составить проект рескрипта Назимову, причем положить в его основу начала, содержащиеся в его записке, поданной в комитет 26 июля. «О журнале 18 августа, — пишет Д. П. Хрущев,⁵ — как будто забыли. Какая-то неведомая, таинственная сила тол-

¹ Материалы для истории упразднения крепостного состояния. Т. 1. С. 131, 132.

² Там же. С. 133.

³ На заре крестьянской свободы // Русская Старина. 1897. Декабрь. С. 451.

⁴ Достопамятные минуты моей жизни // Русский Архив. 1885. № 8. С. 523.

⁵ Русская Старина. 1881. Февраль. С. 233, 234, прим.

кала дело в другую сторону, на новые неведомые пути». Так появился знаменитый рескрипт 20 ноября 1857 года, в котором предписывалось литовским дворянам в особых комитетах приступить к составлению проекта освобождения крестьян с предоставлением им усадебной оседлости в собственность за выкуп и определенного количества земли в пользование «для обеспечения их быта и для выполнения их обязанностей перед правительством и помещиком». «Но таинственные силы, присутствовавшие при составлении и подписании рескрипта на имя генерал-адъютанта Назимова, — пишет тот же современник, — не остановились на этом первом шаге. Вдруг родилась мысль сообщить об этом событии во все губернии для сведения и возбуждения дворянства. Кажется, мысль эта принадлежит великому князю Константину Николаевичу. Многие из членов не соглашались, советовали идти постепенно, выждать результатов виленского рескрипта. Но таинственная сила превозмогла, и решено написать циркуляр».¹ Рескрипт Назимову и сопровождавшее его секретное отношение Ланского были напечатаны и 24 ноября разосланы губернаторам и губернским предводителям дворянства «для сведения и соображения на случай, если бы дворянство этих губерний изъявило подобное же желание». Рассылка копий рескрипта Назимову отрезала уже всякие пути к отступлению в крестьянском деле. Жребий был действительно брошен! «Подписывая циркуляр 24 ноября, вспомнили, что петербургское дворянство когда-то (еще в 1851 году) хотело определить повинности крестьян».² И вот как бы в ответ на это ходатайство 6 декабря посланы были и петербургскому генерал-губернатору Игнатьеву высочайший рескрипт и отношение министра внутренних дел, аналогичное с циркуляром и отношением Назимову. Копии с рескрипта Игнатьеву и с отношения министра внутренних дел были также разосланы во все губернии 8 декабря.

Так крестьянский вопрос вступал в новую фазу гласного обсуждения с участием общественных сил. Великий князь всеми мерами старался толкнуть дело именно на этот путь. «Когда получены были, — говорит П. П. Семенов, — ходатайства об учреждении комитетов из многих губерний, пылкий и преданный всей душой делу освобождения крестьян великий князь настаивал на том, чтобы в тех губерниях, где дворянство еще медлило своими ходатайствами, комитеты были учреждены и без этого ходатайства... После весьма горячих споров предложение великого князя принято не было, но, уступая настойчиво выраженному им мнению, комитет согласился на предание

¹ Материалы для истории упразднения крепостного состояния в России. Т. 1. С. 154.

² Там же. С. 156.

всему делу, и в особенности министерским циркулярам полной гласности, и это удостоилось Высочайшего утверждения. Непосредственным результатом этой гласности было переименование секретного комитета в главный комитет по крестьянскому делу в январе 1858 года и получение до 1 мая того же года заявлений дворянств всех губерний о желании их приступить к освобождению крестьян». ¹ По настоянию великого князя обсуждение крестьянского дела разрешено было и всем без исключения журналам. ² Великое негодование и ненависть обрушились после этого на царского брата со стороны всех придворных крепостников, увидавших теперь, что освобождение крестьян не за горами. По адресу великого князя пущен был целый ряд сплетен и инсинуаций, которые отравили ему существование. Между прочим распространили слух, будто предложение великого князя об учреждении комитетов даже в тех губерниях, откуда не последовало просьб об этом, облечено было великим князем в обидную для дворянства форму. «Единогласные удостоверения С. С. Ланского и К. В. Чевкина, поддерживавших мнение великого князя, — говорит П. П. Семенов — графа Д. Н. Блудова и И. И. Ростовцева, бывшего в этом именно случае самым решительным его противником, категорически свидетельствуют, что великим князем никогда приписываемые ему слова произнесены не были». ³ Сплетни и инсинуации довели было великого князя до того, что в своих беседах с А. В. Головинным перед отъездом за границу великий князь выражал намерение бросить все дела и остаться только морским министром. В октябре 1858 года Головинн писал князю Барятинскому: «Перед его отъездом мы имели с ним частые и долгие споры. Он крайне обескуражен и разбит всем тем, что здесь говорили против него, и не хочет более заниматься общими государственными делами, как, например, финансовыми в качестве первого члена финансового комитета, освобождением крестьян как член комитета по этому важному делу, системой, которой следует руководствоваться в отношении раскольников, как член раскольникового комитета, и т. д.». Головинн умолял князя Барятинского, как близкого друга Константина Николаевича, «поднять бодрость великого князя и уверить его, что императору недостаточны только одни его труды как адмирала». «Государь, — писал Головинн, — назначил его членом совета министров и различных комитетов. Необходимо, чтобы он показал себя достойным столь высокого доверия, не продлил бы очень своего отсутствия и возвращался бы как можно скорее занять место, назначенное ему августейшей волей бра-

¹ Русская Старина. 1892. Март. № 815.

² Русский Архив. 1885. № 8. С. 540 (свидетельство Левшина).

³ Русская Старина. 1892. Март. № 815, 816.

та, который его любит и уважает. Интриганы преувеличили слухи всеобщего недовольства против него. Нужно пренебречь этой молвой и продолжать идти своей дорогой».¹ Головин опасался, что отсутствие великого князя остановит «ход административных улучшений в Петербурге», и это опасение разделяли с ним и многие другие сторонники реформ. Это опасение показывает, какое огромное влияние оказывал великий князь на ход крестьянского дела.

Тревога Головнина оказалась напрасной. Вскоре же он получил известие из Петербурга, что император «твердо шествует по пути прогресса и в отсутствие брата не меняет системы, хотя в общем действует медленнее, чем того желали бы многие».² И сам Константин Николаевич по возвращении в Петербург с прежним рвением принялся работать по крестьянскому делу. В то время с легкой руки Я. И. Ростовцева вырабатывались уже иные основания для будущего устройства крестьян, чем те, которые были опубликованы в рескриптах 20 ноября и 5 декабря 1857 года. Выдвинуты были вопросы о наделении крестьян пахотной землей и об устройстве их мирского управления независимо от вотчинной власти помещика. Великий князь, некогда примкнувший к программе Ланского, теперь стал на сторону программы Ростовцева, более удовлетворительно решавшей крестьянский вопрос.³ После слабой попытки установления новых начал в заседании комитета 26 октября Ланской и Ростовцев внесли некоторые предположения по этому вопросу, а великому князю удалось достигнуть их соглашения и слияния в оживленном заседании 4 декабря 1858 года. Выработаны были 12 положений, которые и должны были служить руководящими началами при составлении положения о крестьянах.⁴ Так и в этом новом и чрезвычайно важном повороте крестьянского вопроса великому князю Константину Николаевичу принадлежала значительная роль. Не он внес улучшения в постановку крестьянского вопроса, но он легче и скорее других усвоил эти улучшения, обнял их своим умом и двинул их к осуществлению своим тактом и волей.

С открытием в марте 1859 года редакционных комиссий деятельность главного комитета почти прекратилась. Но великий князь не терял времени. С неослабным вниманием следил он за ходом работ комиссий, за постепенным развитием законопроекта, «при деятельном содействии А. В. Головнина,

¹ Русский Архив. 1889. Кн. 1. С. 337.

² Там же. С. 338.

³ Свидетельство Я. И. Ростовцева. Семенов Н. П. Освобождение крестьян. Т. II. С. 630.

⁴ Русская Старина. Март, 1892. С. 817. Семенов Н. П. Освобождение крестьян. Т. I. С. 81, 82.

который, будучи другом Н. А. Милютина и приятелем большинства выдающихся членов комиссий, всегда знал, что в них происходит, и служил, вместе с статс-секретарем С. М. Жуковским, живой связью между великим князем и комиссиями». Обо всех опасностях, тревогах и затруднениях сообщалось великому князю, и от него приходили одобрения, обещания защиты, советы и предостережения.¹ Даже находясь за границей, великий князь обменивался письмами с Ростовцевым, который частным образом докладывал эти письма своим сотрудникам, считая их как бы достоянием комиссий.² Таким образом великий князь был как бы негласным членом комиссий. Этим объясняют тот факт, что когда в самый разгар этих работ умер председатель редакционных комиссий Я. И. Ростовцев, «многие, по словам П. П. Семенова, полагали, что на великого князя будет возложено это председательство». Эти ожидания не оправдались лишь потому, что государь знал на этот счет мнение умиравшего Ростовцева, который «возлагал все свои надежды на великого князя Константина Николаевича, как на желанного председателя главного комитета, но находил невозможным назначение его председателем редакционных комиссий, так как такое назначение обрушило бы на голову члена императорской фамилии все те чувства вражды, злобы и все те клеветы и нарекания», которые падали на самого Ростовцева. Но и в своей негласной роли великий князь удержал авторитетное и руководящее положение. Новый председатель редакционных комиссий граф Виктор Николаевич Панин, назначение которого, по свидетельству Никитенка, «поразило как громом всех друзей свободы и улучшений» и непомерно обрадовало крепостников, счел своим первым долгом явиться к великому князю Константину «как к государственному мужу, особенно занимавшемуся крестьянским вопросом», и засвидетельствовать ему, что хотя у него, Панина, и есть свои убеждения на этот счет, «свое политическое credo, но по долгу верноподданнической присяги он считает долгом приводить в исполнение взгляды государям». ³ Все, значит, зависело от него, чтобы эти взгляды, — а это были взгляды Я. И. Ростовцева, — не изменились. Великий князь взял на себя заботу об этом, и потому, когда многие члены редакционных комиссий после назначения председателем Панина хотели уходить, великий князь через Петра Семенова просил их не делать этого, «так как государь очень тверд в своем намерении

¹ Свидетельство П. П. Семенова в «Русской Старине». 1892. Март. С. 817.

² Семенов Н. П. Освобождение крестьян. Т. I. С. 238.

³ Русская Старина. 1891. Октябрь. С. 149, 150 (Дневник П. А. Валуева).

довести труд до конца и очень хорошо знает, в чем сущность дела».¹ Это было не простое удостоверение факта, но и заверение относительно будущего, известное нравственное обязательство великого князя перед членами комиссий.

Великий князь свято исполнил это обязательство. Когда выработанное редакционными комиссиями положение о крестьянах поступило 10 октября 1860 года в главный комитет, великий князь, назначенный его председателем на место разбитого параличом князя А. Ф. Орлова, поставил себе задачей провести проекты редакционных комиссий по возможности без всяких изменений. Дело это было чрезвычайно трудное. По самому главному вопросу — поземельному устройству крестьян мнения в комитете разделились. За проект редакционных комиссий, кроме великого князя, стояло только три члена: С. С. Ланской, К. В. Чевкин и граф Д. Н. Блудов. Меньшинство из трех членов с министром государственных имуществ М. Н. Муравьевым во главе не соглашалось на предоставление крестьянам наделов в проектированных комиссиями нормах и предлагало определение указных наделов в уменьшенных размерах, а также повинностей за них, да и вообще установление всех поземельных отношений между помещиками и крестьянами предоставить губернским учреждениям. Еще дальше шло мнение двух членов, князя П. П. Гагарина и В. Ф. Адлерберга, которые, устраняя уже весь проект редакционных комиссий, для улучшения быта крестьян допускали только предоставление им дарственного надела в размере не более одной десятины на душу. Наконец, граф Панин, принимая проект редакционных комиссий, расходился с ним в некоторых пунктах высокой важности, между прочим на цифрах высших наделов и в вопросе о вотчинной полиции помещиков, которую он предлагал сохранить.² Великий князь, основательно изучивший законопроект комиссий и все мотивы, которыми руководились его составители, энергично выступил на его защиту. Горячо и ясно он доказывал, что при осуществлении предложений М. Н. Муравьева у крестьян будет отобрана большая половина обеспечивавших их быт при крепостном праве наделов; при осуществлении предложения князя П. П. Гагарина и В. Ф. Адлерберга крестьяне лишатся трех четвертей этих наделов и таким образом быт их не будет улучшен; при осуществлении предложений графа Панина у крестьян отойдет треть их наделов. Но все три меньшинства остались при своих мнениях. Была опасность, что все эти три мнения соединятся в одно большинство. В этом направлении работал

¹ Семенов Н. П. Освобождение крестьян в России. Т. II. С. 694, 695.

² Семенов Н. П. Освобождение крестьян. Т. III. Ч. 2. С. 763.

М. Н. Муравьев, пользуясь сильной неприязнью графа Панина и князя Гагарина к редакционным комиссиям.¹ Тогда государь поручил великому князю, не насилуя убеждений графа Панина, уговорить его присоединиться к большинству, образовавшемуся вокруг председателя. Полагая, что из членов редакционных комиссий больше других мог убедить графа Петр Семенов, великий князь пригласил их обоих на совещание, продолжавшееся целый вечер 11 декабря. Граф Панин согласился присоединиться к большинству, если ему будут сделаны некоторые уступки в размерах высших наделов. Уступки были сделаны на особом совещании, происходившем на другой день у самого Панина, и таким путем обеспечено было большинство в пять лиц.² Эти хлопоты о составлении большинства очень характерны: они показывают, что государь Александр II все еще продолжал питать респект к сановным поборникам крепостной стороны, все еще побаивался чересчур огорчить их и стремился провести реформу как будто бы через их посредство и с их добровольного согласия. Тут действовала своего рода неписаная конституция, и император так же боялся нарушать ее, как и писанные законы. После присоединения Панина к большинству отпал от князя Гагарина и также присоединился к большинству В. Ф. Адлерберг. Законопроект редакционных комиссий был принят в главном комитете и 14 января 1861 года внесен в Государственный Совет.

В Государственном Совете благоприятное решение подготовила необыкновенно твердая и определенная речь Александра II, заявившего на заседании 28 января 1861 года, что он не отступит ни в каком случае ни от одного из тех положений, которые были изложены в посмертной записке Я. И. Ростовцева и которые составляют все существо труда редакционных комиссий.³ Сам по себе мнительный и нерешительный Александр II по временам, когда его раздражала оппозиция, обнаруживал твердость и упорство в своих взглядах. Его речь вызвали и подготовили ходившие в то время слухи о том, что в Государственном Совете уже составила большая, из 55 членов, оппозиция законопроекту.⁴ Однако и тут великому князю пришлось употребить некоторые усилия, чтобы привести дело к благополучному концу, пришлось пойти на некоторые компромиссы. Самой существенной уступкой было принятие предложения князя П. П. Гагарина о даровом четвертном наделе. На основании этого постановления помещикам предоставлено было право оканчивать по добровольному соглашению с крестьянами всякие обя-

¹ Русская Старина. 1892. Март. С. 819, 820.

² Семенов Н. П. Освобождение крестьян. Т. III. Ч. 2. С. 763–773.

³ Русская Старина. 1880. Февраль. С. 375–379.

⁴ Семенов Н. П. Освобождение крестьян. Т. III. Ч. 2. С. 770.

зательные с ними отношения предоставлением крестьянам в собственность безвозмездно четвертой части высшего или в степных местностях указного надела, определенного в положениях. Так проект редакционных комиссий сделался положением 19 февраля 1861 года.

Император Александр II оценил по достоинству ту роль, которую сыграл при этом его брат Константин Николаевич. В достопамятный день 19 февраля 1861 года он обратился к великому князю с теплым рескриптом, в котором по влечению сердца и по долгу изъяснял ему «живейшую и глубокую признательность» за точное, скорое и вполне его воле и ожиданиям соответствующее окончание дела освобождения крестьян. «Глубоко, тщательно, — гласил рескрипт, — изучив все, относящееся к важным, разнообразным вопросам, долженствовавшим возникнуть при обсуждении как сих предначертанных уже, так и могущих служить к их усовершенствованию мер, вы с пламенным ко благу общему усердием посвящали ежедневно трудам в главном комитете все ваши усилия и все ваше время». В этом заявлении нет обычного в таких случаях преувеличения. То же самое в один голос говорят все сотрудники великого князя и свидетели его деятельности. «Да, это был труженик государственный, — говорит один из них, М. И. Семевский, — труженик замечательных способностей, деятель, всей душой желавший пользы и блага горячо любимой им России».

Таким же тружеником оставался великий князь и в дальнейшей своей государственной деятельности. «Есть множество свидетелей, — говорит М. И. Семевский, — того непрерывного, большого и упорного труда, каковой нес на себе в государственном совете великий князь Константин Николаевич: каждое сколько-нибудь важное дело изучаемо было им лично, нередко без посредства докладчика, занимая председательское место, — было ли то в главном комитете по устройству сельского состояния, в главном присутствии по воинской повинности или, наконец, в общем собрании государственного совета, — великий князь всегда приступал к заседанию лишь после тщательного ознакомления со всем с тем, что подлежало обсуждению и решению. В начале своего служения на посту председателя государственного совета пылкость и страстность характера великого князя несколько порывисто проявлялись, но с течением времени он овладел собой и был вполне на высоте своего положения, быстро усваивая суть обсуждавшихся докладов, личным разъяснением рассеивая возникавшие вопросы и недоумения, сглаживая оттенки разномыслия и превосходно приводя собрание к единогласным решениям. Память великого князя была поразительна: весьма часто бывало, например, в главном комитете об устройстве сельского состояния, что великий князь,

остановив докладчика, продолжал доклад сам и с поразительной ясностью излагал самые запутанные подробности какого-либо спорного дела. Видя иногда утомление в лице августейшего председателя, мы спрашивали близких к нему о причинах и узнавали, что накануне, до глубокой ночи, его высочество читал дела, предназначенные к докладу, изучал их, причем зачастую справлялся в некоторых книгах его обширной библиотеки¹.

Крестьянская реформа была, конечно, самым крупным по своему значению делом, в котором принимал участие великий князь и коему он своим участием оказал великие услуги. Но такие же услуги оказаны им и другим реформам Александра II, и прежде всего судебной.

Если в деле крестьянской реформы Константин Николаевич только предупредил брата, ранее него составил комитет по вопросу об отпуске на волю крестьян морского ведомства, ранее него освободил этих крестьян (охтинские крестьяне были освобождены 10 апреля 1858 года), то в деле судебных преобразований великий князь явился уже до известной степени инициатором. Но и тут его инициатива чужда была влиянию готовых идей; он сознал зло прежде, чем знал, как его устранить, за идеями пошел в Европу уже тогда, когда приступил к улучшениям. Вступив в управление морским министерством, великий князь столкнулся с волокитой и жестокостью, отличавшими дореформенное правосудие. Поэтому уже в 1855 году при аудиторiatском департаменте была образована особая комиссия для переработки правил о наблюдении за скорейшим решением дел и об отчетности в их производстве. По представлению морского министерства состоялся ряд высочайших повелений (9 марта 1855 г., 4 июня и 5 октября 1856 г., 5 мая 1858 г.), коими определялось, что «лица, состоящие под следствием и судом, доколе не будут обвинены, не суть еще преступники и посему могут быть лишены свободы единственно для необходимой предосторожности; во всяком случае обращение с ними должно быть согласно с справедливостью и человеколюбием». Но отдельными мероприятиями нельзя было, конечно, улучшить вскорости морское судопроизводство. Поэтому в июле 1857 году великий князь образовал при аудиторiatском департаменте морского министерства особый комитет для составления проекта морского судного устава на новых, современных началах. Для ознакомления с этими началами и собрания материалов за границей генерал-аудитор флота П. Н. Глебов был командирован во Францию. Результатом этой командировки был составленный Глебовым проект устава морского судопроизводства и судопроизводства, в основу которых были положены действительно новые начала: самостоятельность судей, состязательный устный

¹ Русская Старина. Февраль, 1892. III, IV.

процесс, гласность уголовного процесса и обеспечение защиты обвиняемого. Проект был напечатан в 1860 году и тотчас же разослан высшим правительственным учреждениям, судебным чинам, юристам, профессорам университетов. В следующем году морское министерство напечатало уже два тома «отзывов и замечаний разных лиц на проект устава о военно-морском суде». Значение этого шага великого князя было огромное. Своим проектом он смело поставил на очередь общую судебную реформу. Уже в некоторых из присланных отзывов предрекалось, что введение его в действие повлечет за собой коренное преобразование всего судоустройства и судопроизводства как военного, так и гражданского. Действительность превзошла ожидания в том смысле, что проект оказал свое действие даже раньше своего осуществления. К государственной канцелярии были прикомандированы выдающиеся юристы, которые выработали «основные начала или положения для нового судоустройства и судопроизводства, удостоившиеся 29 сентября 1862 года высочайшего утверждения. Это те самые начала, которые легли в основание судебных уставов 1864 года, одинаковые с началами, которыми был проникнут и проект морского министерства 1860 года. Сам великий князь Константин Николаевич во всеподданнейшем отчете 1880 года констатировала что проект военно-морского судебного устава 1860 года много содействовал принятию решения подвергнуть все наше судопроизводство и судоустройство коренному преобразованию.¹

Еще прежде, чем введен был новый суд, 17 апреля 1863 года состоялась отмена телесных наказаний. Константин Николаевич и в этом деле сыграл не последнюю роль. Он уже давно заявил себя противником телесных наказаний. Его орган «Морской Сборник» с половины 50-х годов выступил против розог, шпицрутенгов и кошек; сам великий князь в 1860 году издал строгий приказ, запрещающий морским офицерам собственноручные расправы с матросами. Поэтому, когда князь Н. А. Орлов в марте 1861 года представил государю записку об отмене телесных наказаний, великий князь в своем письменном отзыве горячо поддержал князя Орлова и своей авторитетной аргументацией сильно содействовал проведению гуманного закона, находившего себе, однако, таких сильных противников, как митрополит Филарет. Не без содействия великого князя Константина Николаевича изменилось и положение печати. По его распоряжению, явившемуся для своего времени смелым нововведением, в «Морском Сборнике» уже с 1853 года стали публиковаться правительственные распоряжения по морскому ведомству, донесения о плаваниях, извлечения из годовых отчетов и ревизий. В конце 50-х годов великий князь допустил

¹ Павлов-Сильванский Н. П. *Op. cit.* С. 317–321.

в «Морском Сборнике» гласное обсуждение проектов преобразований, задуманных морским министерством, а затем и проектов, имеющих общегосударственное значение. Выше было уже указано, что по настоянию великого князя разрешено было обсуждать крестьянскую реформу всем журналам. «Гласное обсуждение», «страх общественного порицания» Константин Николаевич считал полезными для государственного дела и всех состоящих на государственной службе лиц. Все это, несомненно, подготовило почву для нового законодательства о печати, которое осуществилось 6 апреля 1865 года, когда великий князь был уже председателем Государственного Совета. Состоя в этом звании, а также председателем особого присутствия по предварительному рассмотрению устава о воинской повинности, великий князь явился поборником положенного в основу его принципа всеобщей воинской повинности «без различия званий и состояний». Его участие в этом деле признано было государем, который благодарил его за теплое участие в этом деле. Такое же теплое участие проявлял великий князь и к реформам земской и городской, хотя и не принимал в них прямого участия, и ко всем другим прогрессивным мероприятиям 60–70-х годов.¹ К нему льнули поэтому все либералы Государственного Совета и министерств, у него искали сочувствия и поддержки; и он стал как бы их вождем, около которого они группировались, под стягом которого шли на бой.

Деятельность великого князя протекала при сочувствии не только либеральной бюрократии, но и значительной части тех общественных элементов, которые привлекались к разработке реформ крестьянской, судебной, земской и городской. Не удивительно поэтому, что великий князь являлся поборником постоянного организованного союза между бюрократией и обществом в лице его представителей в деле разработки законов и важнейших мероприятий. В самый разгар реакции, после отклонения известного адреса московского дворянства, просившего государя «довершить основанное им государственное здание созывом общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству» (адрес был представлен 11 января 1865 года); по-видимому, уже после каракозовского выстрела великий князь Константин Николаевич входил к государю с представлениями в таком же роде, как и в адресе московского дворянства, и подавал ему об этом докладную записку. В то время представление великого князя не имело успеха.² Но Александр Николаевич вспомнил о нем в начале 1880 года, когда во всей силе обнаружались результаты отчуж-

¹ Павлов-Сильванский Н. П. *Op. cit.* С. 322–324, 364, 365.

² Щеголев П. Из истории конституционных веяний 1879–1881 гг. // Былое. 1906. № 12. С. 263.

дения правительства от общества, когда правительство изнемогало в борьбе с революционным террором. По желанию государя, представление великого князя, измененное согласно с новым состоянием русского законодательства, было обсуждаемо в особом совещании 22, 23, 25 и 30 января и вновь было отклонено.¹ Из записки, написанной великим князем вскоре после этих заседаний в целях развития его взгляда и опровержения выслушанных им возражений, видно, какими побуждениями и соображениями руководствовался великий князь в своем представлении и как он хотел организовать единение между правительством и обществом в деле государственного строительства. Великий князь констатирует, что, не говоря уже о безумных мечтаниях людей крайних, помышляющих о совершенном перевороте государственного нашего строя или, по крайней мере, об ограничении самодержавия, у большинства мыслящих лиц, умеренных и преданных правительству, преобладает одна и та же мысль: «До государя правда не доходит; администрация и бюрократия нами завладели; чиновничество стоит неодолимой стеной между государем и его Россией; государь окружен опричниками» и т. п. «В сетовании этом, — заявляет великий князь, — обнаруживается то истинно серьезное желание, которое может и должно быть удовлетворено». Но как это сделать? По мнению великого князя, в данном случае «заботливое применение и дальнейшее развитие добрых начал, существующих уже в отечественном законодательстве, должно быть безусловно предпочтительно заимствованию иностранного, не всегда соответствующего нашим потребностям». Таким путем представляется возможным «достигнуть желаемой цели без малейшего прикосновения к священным правам самодержавия». Этих добрых начал в нашем законодательстве великий князь находил три: во-первых, право заявления своих нужд, данное сначала дворянству, а затем распространенное на земские собрания и городские думы; во-вторых, предоставляемое дворянству право выбирать депутатов от каждого уезда для объяснения правительству ходатайств дворянства, в-третьих, право, предоставляемое департаментом Государственного Совета приглашать к совещанию и лиц посторонних, от коих по существу дела можно ожидать полезных объяснений. Исходя из этих начал и признавая необходимым несколько развить их, придав им значение более общее, Константин Николаевич предложил «воспользоваться ими для созыва, по мере надобности, при государственном совете совещательного собрания из экспертов или гласных, особо избираемых для сего губернскими земскими собраниями и городскими думами наиболее значительных городов». Собранию этому он предлагал поручить «предварительное рассмотрение

¹ Там же. С. 268–271.

законодательных предположений, требующих ближайшего соображения с местными потребностями, а также предварительное обсуждение ходатайств земских и дворянских собраний и городских дум». Великий князь разработал свое предложение и в подробностях, определив состав «совещательного собрания гласных», порядок их избрания, компетенцию и порядок делопроизводства. Одна из статей его проекта гласила, что «в гласные не могут быть избираемы лица, состоящие на службе по определению от правительства, а равно присяжные поверенные, их помощники и поверенные по судебным делам». Эта статья была результатом тех замечаний, которые были сделаны (наследником-цесаревичем) на записку великого князя в январских заседаниях. «Весьма вероятно, — говорили великому князю, — что избрания в гласные будут домогаться — и в действительности нередко достигать — не одни люди серьезные, знающие потребности своей местности, а наряду с ними и пустые болтуны, преимущественно адвокаты, которые будут заботиться не столько о пользе общей, сколько о приобретении себе популярности, возвышения или иной выгоды». Принимая это во внимание, великий князь исключил из своего проекта всякую публичность в заседаниях «совещательного собрания гласных».¹

Не будем оценивать проекта великого князя с высоты современных конституционных теорий: с точки зрения этих теорий он, конечно, не выдержит критики. Укажем только на то, что и в этом проекте великий князь выступает с теми же чертами либерала-самородка и самоучки, с какими он является в самом начале своей деятельности. В настоящем случае предшественником его был, как известно, П. А. Валуев, еще в 1863 году подававший государю записку с аналогичным проектом. Мысль Валуева в свое время понравилась великому князю; но, приняв ее в принципе, он развил ее и обработал уже по-своему, и притом так, что в обработке великого князя она уже не нравилась Валуеву. В заседании 23 января Валуев «по поведению руссизмов» великого князя напомнил ему о вечах, о соборах, о боярской думе и сказал, «что нельзя из целого брать одну десятичную дробь, считал русские начала только со времен Екатерины или кодификации графа Сперанского, и что в делах государственных есть общие европейские и общечеловеческие начала». «Это относилось к тому, — замечает Валуев, — что он русскую Америку открывал в некоторых, никогда не применявшихся статьях свода законов о выборе депутатов на случай и пр.».² Вся государственная деятельность велико-

¹ Берманьский К. Л. «Конституционные» проекты царствования Александра II // Вестник Права. 1906. № 9. С. 270–284.

² Былое. 1906. № 12. С. 269, 270.

го князя показывает, однако, что он вовсе не игнорировал общеевропейских и общечеловеческих начал, но как практический политик, по преимуществу учившийся на самом деле и чуждый всякого доктринерства, он стремился к достижению того, что в данный момент было достижимо по условиям русской жизни. Мысль великого князя едва было не воплотилась в известной «конституции» Лорис-Меликова, уже утвержденной государем 17 февраля 1881 года и предназначенной к опубликованию.

Злодеяние 1 марта воспрепятствовало введению в жизнь этой «конституции». Вместе с этим кончилась и государственная деятельность великого князя. 13 июля 1881 года последовал высочайший указ об увольнении его от управления флотом и морским ведомством, от должностей председателя Государственного Совета, главного комитета об устройстве сельского состояния, особого присутствия о воинской повинности, с оставлением в званиях генерал-адмирала и генерал-адъютанта. Система великого князя Константина была признана негодной, а к новой системе он сам, по-видимому, не возымел симпатий... В удалении от дел проживал он в своем имении Ореанда в Крыму. Здесь в 1888 году его поразил тяжкий недуг; скончался он в Павловске в ночь с 12 на 13 января 1892 года. Тогдашние либералы и консерваторы близко сошлись в оценке личности и деяний великого князя, признав его «крупным деятелем великой эпохи реформ», «преданным, даровитым сотрудником его царственного брата», способствовавшим преобразованиям «своим трудом и инициативой», «одним из самых видных представителей преобразовательной эпохи, становившимся нередко во главе движения государственной жизни». И либералы, и консерваторы одинаково признали, что «в истории нашего отечества почившему великому князю Константину Николаевичу будет принадлежать не одна светлая и почетная страница», что его имя «незабвенно и нераздельно соединено в народной памяти с священным именем царя, брата его, уже занесенным в скрижали исторических тружеников земли русской».¹ Это единодушие исторического суда является гарантией справедливости его приговора...

¹ Вестник Европы. 1892. Февраль. С. 851, 852; Русский Вестник. 1892. Февраль. С. 351.

СОДЕРЖАНИЕ

Екатерина Великая в русской историографии (Мандрик М. В.)	. 5
История царствования Екатерины II	29
Приложения	193
Речь, произнесенная в торжественном заседании Совета Императорского московского университета и Императорского общества истории и древностей Российских по случаю трехсотлетия царствующего дома Романовых (1613-1913)	194
Царствование Павла I	197
Александр I и Польша	212
Великий князь Константин Николаевич	230

*ЛЮБАВСКИЙ
МАТВЕЙ КУЗЬМИЧ*

ИСТОРИЯ ЦАРСТВОВАНИЯ ЕКАТЕРИНЫ II

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Генеральный директор *А. Л. Кноп*
Директор издательства *О. В. Смирнова*
Главный редактор *Ю. А. Сандулов*
Художественный редактор *С. Л. Шалиро*
Редактор *О. П. Панайотти*
Корректоры *У. А. Елькина, И. А. Короткова*
Подготовка текста *А. Г. Чеботарев*
Подготовила оригинал-макет *К. Н. Макарова*
Выпускающие *А. В. Яковлев, Н. К. Белякова*

ЛР № 065466 от 21.10.97 г.

Гигиенический сертификат 78.01.07.953.11.000998.02.01
от 13.02.01, выдан ЦГСЭН в СПб

Издательство «ЛАНЬ»

lan@lpbl.spb.ru
www.lanpbl.spb.ru

193012, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, 277.
издательство: тел.: (812)262-2495, 262-1178;
pbl@lpbl.spb.ru (издательский отдел).

склад № 1: факс: (812)267-2792, 267-1368.
trade@lpbl.spb.ru (торговый отдел),

193029, пр. Елизарова, 1,
склад № 2: (812)265-0088, 567-5493, 567-1445.
root@lanpbl.spb.ru

Филиал в Москве:

Москва, 7-я ул. Текстильщиков, 5, тел.: (095) 919-96-00.

Филиал в Краснодаре:

350072, Краснодар, ул. Зиповская, 7, тел.: (8612)52-17-81.

Сдано в набор 16.03.2001. Подписано в печать 20.08.2001.

Бумага типографская. Формат 84×100 мм.

Гарнитура Школьная. Печать высокая.

Усл. печ. л. 10,77. Уч.-изд. л. 9,23. Тираж 5000 экз.

Заказ № **1255**

ФГУП Владимирская книжная типография

600000, г. Владимир, Октябрьский проспект, д. 7

Качество печати соответствует качеству представленных диапозитивов